

**НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК КЫРГЫЗСКОЙ
РЕСПУБЛИКИ**

**ИНСТИТУТ ИСТОРИИ, АРХЕОЛОГИИ И ЭТНОЛОГИИ
ИМ. Б. ДЖАМГЕРЧИНОВА**

**КЫРГЫЗСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Ж. БАЛАСАГЫНА**

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ Д 07.21.628

На правах рукописи

УДК:902.2(575.2)(043)

Табалдыев Кубатбек Шакиевич

**Эволюция культур древнего и средневекового населения Тянь-Шаня
(по данным археологических исследований)**

Специальность: 07.00.06 – археология

Автореферат диссертации в виде научного доклада на соискание ученой
степени доктора исторических наук

Научный консультант:
доктор исторических наук,
профессор

Худяков Юлий Сергеевич

Бишкек-2022

Диссертационная работа выполнена на кафедре археологии и этнографии факультета истории и регионоведения Кыргызского национального университета им. Ж.Баласагына и в отделении истории гуманитарного факультета Международного Кыргызско-Турецкого университета «Манас» (г.Бишкек)

**Официальные
оппоненты:**

Кожаев (Кожа) Мухтар Бахадырулы, доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник научно-исследовательского центра археологии Международного Казахско-Турецкого университета им. Х. А. Ясави, г. Туркестан (Республика Казахстан);

Ермоленко Любовь Николаевна, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры археологии Кемеровского государственного университета, г. Кемерово (Российская Федерация);

Таймагамбетов Жакен Кожакметович, доктор исторических наук, профессор, заместитель директора по научной работе Национального музея Республики Казахстан, г. Нур-Султан (Республика Казахстан)

Ведущая организация: Кафедра археологии, этнографии и музеологии Алтайского государственного университета.

Защита состоится 28 сентября 2022 г. в 14.00. часов на заседании диссертационного совета Д 07.21.628 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора (кандидата) исторических наук при Институте истории, археологии и этнологии им. Б. Джамгерчинова Национальной академии наук Кыргызской Республики и Кыргызском национальном университете имени Ж.Баласагына по адресу: г. Бишкек, проспект Чуй, 265 а.

С диссертацией в виде научного доклада можно ознакомиться в научных библиотеках Национальной академии наук Кыргызской Республики (720026, г. Бишкек, проспект Чуй 265 «а») и Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына (720033, г. Бишкек, ул. Фрунзе, 547), а также на сайте Диссертационного совета www.csnaskr.jet.kg.

Автореферат разослан 28 августа 2022 года.

**Ученый секретарь
диссертационного совета:**

доктор исторических наук, доцент

А. Р. Бикбулатова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы диссертации в виде научного доклада. Археология древних и средневековых этносов, которые вели сезонное кочевое скотоводство и оседло-земледельческое хозяйство, занимает первостепенное значение в решении проблем развития культуры Евразии, в том числе Тянь-Шаня (Тенир-Тоо), Алая и Семиречья.

Вопрос возникновения, становления, развития и угасания культурных элементов в различных регионах Евразии на отдельно взятых исторических этапах по-прежнему остается актуальным. Сотрудники многих исследовательских центров на протяжении значительного периода времени разрабатывали концепции, объясняющие процесс эволюции культуры человеческих сообществ. Археологические исследования всегда играли первостепенную роль в изучении, развития археологических культур различных этносов. История формирования культуры того или иного этноса, его вопросы эволюции на основе археологических данных в настоящее время приобретает особое значение с учетом развития новых технологий и методов исследования, позволяя уточнять и дополнять уже сложившиеся научные концепции.

Археологические материалы предшествующих исследователей истории Кыргызстана, начиная с середины XX века, сформировали убедительные научные взгляды о характере развития древних и средневековых культур Тянь-Шаня. Нам представляется весьма актуальным продолжить исследования в этом направлении, так как в нашем распоряжении каждый год появляются новые археологические материалы по культуре древнего и средневекового населения данного региона, которые требуют научного анализа и обобщения.

Значительная часть археологических исследований, проводимых нами в течение более тридцати лет (1989–2022 гг.), была посвящена анализу культуры, традиционных общностей, обитавших на Тянь-Шане. Новые материалы, полученные в археологических раскопках, указывают на необходимость расширить понимание многообразия сложных, полилинейных эволюционных процессов культуры, особенностей развития различных культурных элементов населения этих территорий. Изучение данных, археологических работ, а также анализ и обобщение полученных нами материалов, применение новейших технологий в области естественных наук открывают новые возможности для многостороннего исследования различных аспектов культурного развития населения Тянь-Шаня почти трех предыдущих тысячелетий.

Археологические изыскания, проведенные нами в последние десятилетия, помогли в по-новому осмыслить и дополнить уже имеющиеся данные о процессе эволюции различных культурных элементов древних и

средневековых сообществ. В культурном развитии населения изучаемых территорий наблюдались постепенные, но необратимые эволюционные процессы. Под воздействием различных внутренних и внешних факторов усовершенствовалась хозяйственная деятельность, менялись технологии изготовления предметов обихода, орудий труда, оружия, украшения различные бытовые, в том числе погребально-поминальные традиции и т. д. В процессе эволюции также прослеживаются отрезки времени, в течение которых подготавливались качественные изменения. Прослеживаемая многонаправленность эволюционных процессов обуславливает поиск постоянно требует новых возможностей для изысканий. Поэтому с учетом вновь обнаруженных археологических материалов возникает необходимость периодически вновь обращаться к рассмотрению данной актуальной проблемы с целью внесения дополнений, а порой и анализа сложившихся научных мнений

Основная часть археологических материалов по культуре населения Тянь-Шаня эпохи поздней бронзы (XII-IX (VIII) вв. до.э.), раннего железного века (VIII (VII) вв. до н.э. – V в. н.э.) и средневековья (VI-XVI вв. н.э.) традиционно представлена в основном исследованиями погребально-поминальных памятников. Изучение и уточнение уже имеющихся в распоряжении ученых данных о погребальном обряде относится к числу наиболее актуальных направлений деятельности всех этапов исследования археологических памятников Тянь-Шаня. Вопросы, входящие в круг данной проблемы, остаются ведущими в современной археологии указанных территорий. Изучение погребальных обрядов дает для науки бесценную информацию о материальной и духовной культуре племен, начиная с древних времен вплоть до этнографической современности. На фоне новых материалов четче прослеживаются процессы изменения и эволюция элементов различных культур.

Ранее археологами на исследуемой территории были выявлены поселения усуньского времени, приблизительно II в. до н.э. – II в. н.э., однако систематических исследований не проводилось. Привлеченные данные, полученные в ходе раскопок жилищ, поселений, городищ средневековья, приписывались исключительно согдийцам. Неизвестно почему замалчивался процесс оседания части населения тюркоязычных этносов в предгорных зонах Тянь-Шаня. Правда, этот вопрос еще раньше кратко освещен в истории Кыргызской ССР (1984, с. 269-270). В городском некрополе городищ Красная-Речка (История Киригизской..., 1984, с.336) и Бурана были обнаружены погребения тюркоязычных этносов классифицируемое как погребения с конем. Предметы конского снаряжения, обнаруженные на

территории этих городищ, орудия земледельцев, кости домашних животных, зерна, различных фруктов и зерновых культур свидетельствует о деятельности населения этносов, ведущих комплексное хозяйство. Письменные источники свидетельствуют о неразрывности взаимоотношений между тюрками и согдийцами, о двуязычности населения крупных городов [Махмуд, Кашгари,].

Таласские тюркские руноподобные надписи на валунах созданы на территории оседлого поселения Айрытам-Ой [Винник, Кожемяко, 1961, с. 5-10]. Расстояние средневековых городов и предгорий на Тянь-Шане и Притяньшанье минимальны, поэтому не всегда уместно надуманно делить родственные, населения тесно взаимосвязанные многоотраслевой, специализированной экономикой одной межгорной долины или предгорий, на «оседлых» и кочевников». Общеизвестны вековые процессы синкретизма культур тюркоязычных этносов и согдийцев. Изучая археологические памятники такой среды, не всегда обоснованно отнести к тому или иному этносу вид хозяйства, гончарную деятельность, металлургию, ювелирное искусство и т.д.

Результаты исследований курганов, поминальных памятников, поселений, мест производственной деятельности древнего и средневекового населения (сезонных скотоводов, кочевников, полукочевников, земледельцев и др.) Тянь-Шаня, ведущих комплексное хозяйство, требуют дополнительного анализа и обобщений. Необходимо провести их сравнительное исследование и сопоставление с уже имеющимися материалами ученых, а также с данными, полученными в ходе изучения прилегающих ареалов, что позволит проанализировать, уточнить, а, возможно и пересмотреть некоторые уже сложившиеся постулаты об экономике и традиционных элементах культуры населения исследуемого региона. В данное время назрела необходимость формирования очередного целостного представления о древней и средневековой культуре населения Тянь-Шаня и прилегающих территорий на основе новых данных археологических исследований.

Проведение археоботанических изучений, выявление остатков фруктов и зерновых культур (ячмень, пшеница, просо) в поселениях эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья открывают новые перспективы и требуют активизации исследований в этом направлении. Новые материалы, уже полученные специалистами в области археоботаники, палеозоологии, позволяют развивать ныне существующие взгляды и формировать новые актуальные концепции о хозяйстве сезонных скотоводов и об их неразрывной связи с представителями своих соседей, которые вели

полуоседлое, оседло-земледельческое хозяйство, а также и с родственными им сообществами, занимающимися кустарным, гончарным производством, обработкой дерева, металлов, ювелирным делом и т. д.

Предлагаемые к рассмотрению материалы были получены нами при археологических исследованиях поселений, загонов для скота – «таш-короо» раннего железного века и средневековья (Чап, Кок-Сай, Чап, Соготту, Туяк-Жар, Шамшы). Обобщенные данные открывают новые, не менее актуальные направления для исследования культуры, хозяйственной деятельности населения предгорных зон.

В предгорьях Кунгей и Терской Ала-Тоо выявлены следы разновременных террасовидных участков, возделанных для выращивания зерновых культур. Получены новые данные анализа стабильных изотопов костного коллагена человека и животных из Кочкорской долины. Результаты радиоуглеродного анализа указывают на потребление населением отдельных видов зерновых культур (просо?) начиная с эпохи ранней бронзы (3900 14 C). Вышеуказанные новейшие методы исследования позволяют сделать коррективы в оценке характера хозяйственной жизни жителей предгорных зон Тянь-Шаня начиная с начала II тыс. до н. э.

За последнее десятилетие нами были получены новые данные, позволяющие для исследовать признаки религиозных обрядов населения, сопоставляя данные на различных археологических объектов. К примеру, были выявлены и исследованы ритуальные погребально-поминальные конструкции (Кичи-Ача, Ат-Башы, Жылгын, Алай). Места скопления наскальных рисунков характеризуются исследователями не только как территории для изучения изобразительной деятельности, но и как сакральное место совершения ритуальных обрядов и расположения святилищ. Погребально-поминальные комплексы, наскальные рисунки, знаки, памятники письменности на камне и другие объекты обнаруженные в предгорьях Тянь-Шаня, указывают на актуальность исследования характера эволюции, изменений религиозных воззрений населения данных территорий с древности до периода средневековья. При этом открываются перспективы для открытия целых новых пластов древней культуры Тянь-Шаня и прилегающих территорий в археолого-этнографическом направлении.

Обобщение новых материалов, их интерпретация, сравнение с данными обнаруженными на сопредельных территориях, а так же применение новейших метода радиоуглеродного датирования (14 C) должно вывести результаты исследования эволюции культур древнего и средневекового населения Тянь-Шаня на новый уровень. Это позволит сформулировать

актуальные теории и концепции, касающиеся проблем развития, смены, эволюции многоотраслевых культур населения Тянь-Шанско-Алайского, Семиреченского ареала в течение последние трех тысячелетий.

Связь темы диссертации с приоритетными научными направлениями, крупными научными программами (проектами), основными научно-исследовательскими работами, проводимыми образовательными и научными учреждениями Кыргызской Республики и других стран.

Темы, связанные с древней и средневековой культурами населения Тянь-Шаня, непрерывно развивались различными научно-исследовательскими центрами мира, в том числе Кыргызстана, и всегда являлись приоритетным направлением в изучении истории нашей страны, занимая особое место в различных научно-исследовательских программах (проектах). После обретения Кыргызстаном независимости открылись новые возможности для проведения новых совместных исследований с различными научными центрами стран Европы и Америки. Наша тема исследования, её сущность весьма обширна и тесно взаимосвязана со многими другими направлениями изучения горных и степных зон Евразии. Это обуславливает тесное сотрудничество с международными научными институтами, проводившими фундаментальные исследования и участвовавшими в различных выполнявшие научно-образовательных проектах. Это дало возможность автору данного исследования непосредственно принять участие в качестве научного сотрудника, организатора и руководителя работы различных археологических групп, созданных республиканскими и международными научными проектами: в 1995–1996 гг. – Государственный деловой проект научно-пропагандистского центра «Мурас»; в 1995–1997 гг. – Международный проект Евразийского отдела Немецкого Археологического Института и кафедры археологии и этнографии Кыргызского национального университета (КНУ) им. Ж. Баласагына по исследованию памятника Суттуу-Булак в Кочкорской долине; в 1997–2002 гг. – Международный проект Кыргызской ассоциации историков и Türk Tarih Kurumu (Турецкое Общество Истории) по исследованию археологических памятников в Сон-Кульской и Алайской долинах; в 1999–2004 гг. – Российско-Кыргызский проект Института археологии и этнографии, Института истории НАН КР и кафедры археологии и этнологии КНУ имени Ж. Баласагына по исследованию эпохи палеолита. В ходе этого проекта был обнаружен и начаты исследования памятника Уч-Курбу, позволившие затем открыть субкультуру эпохи Великого переселения – курганов «с угловыми камнями»; в 2006–2009 гг. – проект ЮНЕСКО «Памятники письменности на камне Кыргызстана»

[Табалдиев, Белек, 2009]; в 2012–2014 гг. – проект «Тюркский геополитический феномен: истоки, преемственность», финансируемый Комитетом науки Министерства образования и науки Республики Казахстан, в рамках которого был издан атлас «Западнотюркский каганат» [Табалдиев, 2013]; в 2013 – 2014 гг. – исследовательский и образовательный проект «Сравнительное исследование культуры средневековых кочевников Тянь-Шаня и Алтая», организованный Новосибирским государственным университетом; в 2016–2017 гг. – проект «Семейные, клановые и племенные эмблемы в контексте культуры древней и средневековой Центральной Азии, осуществляемый коллективом авторов и Международным институтом центральноазиатских исследований (МИЦАИ) – по результатам исследований издана коллективная монография «Тамги доисламской Центральной Азии» (Tamgas of Pre-Islamic Central Asia) [Табалдиев, 2019]; в 2017–2021 гг. – международный проект, финансируемый Европейским социальным фондом, по грантовому соглашению с Исследовательским советом Литвы «Пищевые адаптации, стратегии, значение пищи у древних доисторических горных общин Центральной Азии»; с 2017 года по настоящее время соискатель принимает участие в исследовании в рамках международного проекта «Мир Большого Алтая» и «Тюрко-монгольский мир Большого Алтая: единство и многообразие в истории и современности», проводимом совместно с АлтайГУ, КНУ и другими партнерами.

Цель и задачи исследования

Цель настоящего исследования – изучение процесса эволюции культур древнего и средневекового населения Тянь-Шаня на различных этапах исторического развития.

Для достижения данной цели предполагалось решение следующих задач:

- подведение итогов введенных в научный оборот соискателем материалов с периода защиты кандидатской диссертации «Эволюция погребального обряда кочевого населения Внутреннего Тянь-Шаня в средние века» (1994–2021 гг.);

- обобщение и систематизация результатов, полученных предыдущими поколениями ученых, обогащение их новыми авторскими выводами и наблюдениями, характеристика основных этапов развития культуры древнего и средневекового населения Тянь-Шаня;

– выявление, анализ и уточнение эволюционных, культурогенетических признаков между различными археологическими периодами;

– определение основных черт погребально-поминального обряда, отслеживание процессов развития, смены погребально-поминального обряда и материальной культуры древнего и средневекового населения Тянь-Шаня;

– проведение сравнительного анализа особенностей культуры древнего и средневекового населения Тянь-Шаня и кочевых, полукочевых, скотоводческо-земледельческих, культур Центральной Азии; определение характера взаимосвязей между культурами.

– анализ результатов исследований поселений Тянь-Шаня эпохи бронзы, раннего железного века, средневековья и их обобщение их результатов с данными комплексных исследований последних лет; первоначальная характеристика деятельности населения изучаемого региона в данный период времени по освоению участков для жилья, развития скотоводства и посевного земледелия; характеристика пищевого рациона древних и средневековых обитателей исследуемой территории;

– поиск истоков культуры кыргызов в археологических культурах Тянь-Шаня;

– характеристика путей развития, изменений религиозных верований обитателей исследуемых территорий на основе археологических памятников, находок и памятников письменности на камне Кыргызстана.

Научная новизна работы

Научная новизна представленной к защите диссертации в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических состоит в нижеследующем:

– введен в научный оборот значительный археологический материал по культуре древнего и средневекового населения Тянь-Шаня. Прослежены видоизменения, эволюция отдельных элементов культуры населения в широком хронологическом диапазоне. Выявлены новые элементы погребально-поминального обряда населения эпохи поздней бронзы, раннего железного века и средневековья;

– расширены возможности датировки археологических памятников благодаря использованию современных методов радиоуглеродного датирования (^{14}C). С учетом полученных дат начаты структурирования этапов эпохи бронзы, переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку, выделены ранние этапы сакской культуры (VII–VI вв. до н.

э.), раннесредневековой тюркской культуры (VI–VII вв. н. э.). Датировка отдельных памятников уточнена в различных независимых лабораториях Америки, Европы и Японии;

- выделен новый вариант культуры населения эпохи Великого переселения народов (I–V вв. н. э.). Определена территория распространения элементов субкультуры хуннского времени, создателей «курганов с угловыми камнями»;

- расширен круг информации о погребально-поминальных комплексах эпохи раннего железного века («восьмикаменные» поминальные оградки, «оленные камни», ритуальные объекты) и средневековья (курганы, поминальные оградки с изваяниями);

- начато комплексное исследование поселений эпохи бронзы, раннего железного века, средневековья и проведение археоботанического, зооархеологического, изотопного, палинологического, генетического анализов. Впервые применен изотопный анализ останков людей и животных. Начато комплексное изучение земледельческих хозяйств переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку;

- начиная с 1997 года в ходе археологических работ были обнаружены и введены в научный оборот более 30 ранее неизвестных памятников тюркской руноподобной письменности. Данные памятники прочитаны, переведены тюркологами, опубликованы в международных научных изданиях;

- обнаружено более 100 ранее неизвестных арабографических надписей II тыс. н. э. на камне и создан свод памятников письменности «Памятники письменности на камне Кыргызстана» [Табалдиев, Белек, 2009]. Собран корпус средневековых родовых тамг. Все данные о тамгах опубликованы в специализированном издании, посвященном тамгам Евразии «Тамги доисламской Центральной Азии» [Табалдиев, Белек, 2013].;

- значительно расширено число вновь обнаруженных памятников наскальной изобразительной деятельности раннесредневековых тюркоязычных племен Тянь-Шаня. Выделены позднесредневековые и нового времени – народные наскальные рисунки кыргызов, выявлено более десяти ранее неизвестных мест с наскальными рисунками в Иссык-Кульской, Нарынской и Таласской областях Кыргызской Республики;

- получены первые результаты изучения ландшафта предгорий с археологическими памятниками при помощи летательного аппарата для изучения степени освоения предгорий, выявлено множество террасовидных участков, на которых древние земледельцы возделывали посевные культуры.

Согласно предварительным данным, эти террасы были созданы в эпоху бронзы, раннего железного века и в эпоху средневековья. Такое освоение территорий стало традиционным и дожило до этнографической современности;

– при помощи методов сравнительного исследования были выявлены новые направления культурных связей древнего и средневекового населения Тянь-Шаня и Центральной Азии.

– в результате анализа многолетнего собранного археологического материала разработаны этапы культуругенетических процессов древности, средневековья разработаны авторские мнения об истоках отдельных культурных традиций и материальной культуры кыргызов.

Практическая значимость полученных результатов

Практическая значимость полученных результатов заключается в том, что собранные материалы позволили выявить новые важные этногенетические, хронологические и историко-культурные аспекты жизнедеятельности населения Тянь-Шаня и Притяньшанья в период эпохи поздней бронзы, раннего железного и средневековья. Изложенные в публикациях материалы используются специалистами гуманитарного направления науки при разработке проблем, связанных с этногенетическими, культуругенетическими процессами. Собранные археологические материалы применяются при создании экспозиции разделов по древности Национального исторического музея Кыргызской Республики, в областных краеведческих, районных музеях Кыргызской Республики. Вместе с тем они широко применяются при подготовке альбомов, путеводителей. Статьи, книги соискателя, изданные в научно-популярном стиле служат документальным пособием для сотрудников туристических организаций, операторов.

Часть археологических материалов соискателя была использована для написания соответствующих разделов монографий, учебных пособий и учебников по истории Кыргызской Республики и Республики Казахстан.

Выводы автора и собранные архелогические материалы служат опорным и сравнительным материалом для специалистов при написании монографий по истории и культуре средневековых тюрков в Российской Федерации, Республике Казахстан, Турецкой Республике и Федеративной Республике Германии.

Основные материалы авторских исследований и статьи, написанные соискателем в соавторстве с другими учеными, используется автором при

чтении курсов лекций по археологии Кыргызстана и Центральной Азии. Фотографии, видеосъемки, выполненные во время раскопок, уникальные находки нередко использовались при создании документальных фильмов. Часть материалов соискателя применялась историками при написании энциклопедий, учебников по истории Кыргызстана для школьников.

Результаты проведенных соискателем исследований положены в основу читаемых им учебных курсов, при разработке соответствующих программ на историческом факультете КНУ им. Ж. Баласагына в 1995–2003 гг. и с 2003 года – на отделении истории гуманитарного факультета, и на отделении туризма Кыргызско-Турецкого университета «Манас».

Значимые археологические коллекции, добытые во время археологических экспедиций, реконструкции используются в постоянных и временных археологических экспозициях, временных выставках Национального исторического музея Кыргызской Республики. Часть археологических коллекций выставлены в музее-лаборатории КНУ им. Ж. Баласагына и в археолого-этнографическом, реставрационном музее-лаборатории Кыргызско-Турецкого университета «Манас». Авторские фотоматериалы археологических находок и памятников письменности используются при создании археологических экспозиций в Каракольском, Нарынском, Боконбаевском, Чолпон-Атинском краеведческих музеях и в музее-комплексе «Манас-Ордо» в Таласе.

Имеющиеся в распоряжении автора фотоматериалы были использованы при разработке выставки наглядных материалов «История Кыргызстана в фотографиях», созданной для кабинетов истории средних школ, средних специальных учебных заведений и вузов Кыргызской Республики. Фотографии археологических объектов, находок используются при создании документальных фильмов, видеолекций.

Экономическая значимость полученных результатов

Экономическая значимость настоящего исследования предполагает поэтапное введение некоторых археологических объектов в туристические маршруты для развития туризма в Кыргызской Республике. Археологические объекты могут быть целенаправленно использованы при разработке маршрутов посещения достопримечательностей, в работе краеведческих, этно-археологических музеев под открытым небом. Аргументированное разъяснение практического подхода к использованию археологических объектов в сфере туризма, изучение и применение опыта зарубежных стран в этом направлении могут дать толчок к развитию археологического туризма в нашей стране. Как показал наш опыт, итоговые выводы, сделанные в ходе

наших исследований различных видов археологических памятников, могут шире применяться при составлении путеводителей, альбомов о древнем культурном наследии Кыргызстана.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту

В ходе наших исследований, проводимых начиная с 1989 года и особенно в период 1994–2022 гг., позволили сформулировать и вынести на защиту следующие положения:

- выявлены и археологически подтверждены ранее неизвестные поселения эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья на Тянь-Шане. Методом радиоуглеродного датирования (^{14}C) выделены слои начиная с эпохи ранней бронзы до раннего железного века. На основе абсолютных дат, полученных методом радиоуглеродного датирования (^{14}C), впервые на поселениях были выделены ранние и поздние периоды эпохи бронзы и переходный период от эпохи бронзы, к раннему железному веку. Ранее на Тянь-Шане разновременные поселения комплексно, с привлечением специалистов в области археологии и естественных наук (археоботаников, палеозоологов, палинологов, генетиков), не исследовались;
- за период исследований 1994–2022 гг. автором были открыты и изучены погребально-поминальные комплексы эпохи раннего железного века («восьмикаменные» поминальные ограды, места для совершения обрядов, связанных с погребением умершего, подкурганные погребальные сооружения). Впервые специально было исследовано снабжение погребенных «символической пищей» в памятниках эпохи раннего железного века и до периода позднего средневековья. Все указанные элементы погребально-поминального обрядов до этого целенаправленно археологически не изучались;
- выделен и доказан новый вариант культуры создателей курганов «с угловыми камнями» населения II–IV вв. н. э. Определена территория распространения элементов указанной субкультуры эпохи Великого переселения народов. Этот тип погребальных памятников до настоящего времени в археологии Кыргызстана не был;
- выявлены и изучены компактные могильники Внутреннего Тянь-Шаня раннего (VI – нач. X вв. н. э.) и позднего средневековий (XII–XVI вв. н. э.). После археологического изучения данных памятников впервые была разработана их классификация, типологизация погребально-поминального комплексов, конструкция курганов, поминальных оградок и погребальных инвентаря. После уточнения датировок были определены этапы развития

культурных элементов этносов VI–XVI вв. н. э. До этого времени из-за отсутствия информации о компактных могильниках провести аналогичные исследования было невозможно;

– впервые на Внутреннем Тянь-Шане в 1997–2003 гг. был выявлен комплекс численностью более 20 памятников тюркской руноподобной письменности VIII века. Их особенность заключается в том, что часть надписей сопровождается родовыми тамгами и массивными наскальными рисунками. Эти места с текстами эпитафийного характера являлись сакральной зоной, местом поминовения избранных знатных членов народа Он ок эл (Он ок будун, народа десяти стрел);

– на Тянь-Шане были выявлены сходные элементы погребально-поминального обряда, характерные для енисейских кыргызов. Наличие под насыпью курганов скопления вещей – «тайников», использование огня в могильной яме – совершенно новые признаки в погребальном обряде населения Тянь-Шаня. «Тайники» часто встречаются в культуре енисейских кыргызов в памятниках VI–XIV вв. н. э. При этом остатки кальцинированных человеческих костей в курганах не найдены. Обнаружены погребальные памятники, имеющие признаки обряда погребения, характерные для енисейских кыргызов, но погребенные расположены по обряду ингумации (трупоположения, без кремации). Это новое явление в культуре населения XII–XV вв. межгорных долин и предгорий Тянь-Шаня. По нашему мнению, енисейские кыргызы проникавшие на Тянь-Шань через Алтай, под воздействием местных племен перед захоронением умершего использовали огонь для «очищения» могилы, а также оставляли вещи умершего в «тайниках». Археологические данные указывают на длительный путь формирования материальной и духовной культуры кыргызов, впитавших влияния древних традиций жителей, населявших территории к востоку, западу, югу и северу от Тянь-Шаня;

– на археологическом материале была установлена эволюция отдельных культурных элементов начиная с эпохи бронзы, раннего железного века до позднего средневековья. Отмечено, что формы культурных элементов видоизменялись, а их содержание продолжало развиваться. Соискателем предложены этапы распространения ислама на исследуемой территории на основе изучения погребально-поминальных комплексов II тыс. н. э. Выводы основаны не только на письменных исторических источниках, но и на результатах, сделанных нами в ходе этно-археологических исследований; в этом новизна сделанных заключений;

– предложено создание малых оригинальных комплексов на основе обнаруженных археологических объектов для проведения тематических образовательных туров по памятникам культурного наследия с целью развития познавательного археологического туризма в Кыргызстане. Это будет способствовать пониманию значимости и сохранению древних и средневековых объектов как среди туристов, так и среди населения в целом. Развитие археологического туризма и понимание значимости данных объектов жителями страны поможет поднять образовательный уровень жителей и положительно скажется на экономическом ресурсе страны. Объекты археологического туризма должны создаваться не только на таких больших археолого-архитектурных комплексах как Узген, Бурана, Манас-Ордо, Сулайман-Тоо, и следует создавать и на небольших исследованных археологами объектах, на территории небольших поселений, могильников, поминальных памятников. Последние отличаются особой информативностью для жителей региона.

Личный вклад соискателя: все основные положения, концепции, теории, цели и задачи, научно-практические результаты исследований разработаны лично соискателем.

Апробация результатов исследования: результаты исследования были представлены в пяти монографиях и других научных публикациях, статьях, опубликованных в сборниках, на страницах изданий, рекомендованных Национальной аттестационной комиссией Кыргызской Республики и Российской Федерации. Часть научных работ опубликована в журналах, входящих в список SCOPUS, РИНЦ. Результаты исследований апробированы в ходе республиканских и международных специализированных конференций, симпозиумов и семинаров: Байыркы кыргыз тарыхынын актуалдуу проблемалары. Эл аралык илимий конгресстин билдирүүлөрүнүн тезистер, 27–29 август, 2001–ж., Бишкек, 2001; Түрк цивилизациясынын дүйнөлүк цивилизациялар ичиндеги орду. II эл аралык түрк цивилизациясы конгрессинин материалдары. (The Second international Congress On Turkic Civilization. Bishkek, October 4–6, 2004; Современные проблемы археологии России. Всероссийский археологический съезд (23–28 октября 2006 г., Новосибирск); Учредительный съезд Международного конгресса. 14–16 февраля 2007 г. (Казань); The Third International Conference on Turpan Studies: The Origins and Migrations of Eurasian Nomadic Peoples. Turpan, 2008; Hunnen zwischen Asien und Europa. Aktuelle Forschungen zur Archäologie und Kultur der Hunnen. Langenweißbach 2008; Международный научно-практический семинар «Историко-культурное наследие и современная культура» (Proceeding of the International Scientific-Practical Seminar «Historic Cultural

Heritage and Modern Culture»). 30 ноября 2012 г., Алматы, 2012 г.; 7th international scientific conference on «Great Migrations of Peoples. The Great Migration in Eurasia of the III-IV Centuries AD»», organized by UNESCO on 29 and 30 November 2019 in Moscow, Russian Federation; Четвертая международная научная конференция «Тюрко-монгольский мир в прошлом и настоящем» 12–13 февраля 2020 г., Санкт-Петербург; и др.

Полнота отражения результатов диссертации в публикациях: результаты исследований опубликованы более чем в 190 научных работах. В автореферате приведен список монографий и статей, опубликованных в международных рецензируемых научных изданиях и рекомендованных ВАК Кыргызской Республики.

Структура диссертации в виде научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук

Доклад состоит из общей характеристики работ, представленных к защите, следующих разделов:

Раздел 1. Проблемы археологической периодизации в Кыргызстане;

Раздел 2. Курганы, поминальные памятники и поселения I тыс. до н. э. и первой половины I тыс. н. э.;

Раздел 3. Поселения эпохи бронзы и раннего железного века;

Раздел 4. Культура средневекового населения Тянь-Шаня (VI–XVI вв. н.э.);

Раздел 5. Формирование культуры кыргызов по данным археологических источников;

Заключение

Раздел 1. Проблемы археологической периодизации в Кыргызстане

Проблемы периодизации. В настоящее время в археология Кыргызской Республики нуждается современной, обоснованной хронологии и периодизации. Аналогичные работы успешно проводились в соседних республиках и образцом например, может стать монография профессора А.

А. Тишкина [Тишкин, 2007]. С теоретической и практической точек зрения периодизация археологических памятников той или иной эпохи является одной из сложнейших проблем археологии [Бочкарев, 2011, с. 8]. Каждая археологическая периодизация должна отражать реальные закономерности и процессы общественного развития, в противном случае она будет носить формальный и искусственный характер, так и не став надежным историческим инструментом [Боковенко, 2010, с. 99].

Начиная периодизация археологии Кыргызстана, начало которой было заложено А.Н. Бернштамом, с периода исследований памятников, расположенных по руслу строительства Большого Чуйского канала, Центрального Тянь-Шаня не утратила своей значимости до настоящего времени. Основные ее положения и сейчас используются при написании научных статей, учебников по истории Кыргызстана.

Однако некоторые модели периодизации не нашли должного отклика в научной литературе. Археологическая периодизация, привязанная к именам народов, племен встречающимся письменных источниках не всегда используется как в исторической периодизации. Например, исседонские (предусуньские) памятники относят V–III вв. до н. э. или усуне-юэчжийские памятники II в. до н. э. – II в. н. э. В других изданиях усуньский период обозначен – II в. до н. э. – I в. н. э.; гуннский – I в. до н. э. – II в. н.э.). Существуют и другие авторские периодизации [Бернштам, 1950, с. 35, 50; Бернштам, 1952, с.); Заднепровский, УСА вып. 3, с. 13 –17].

Предложенная в трудах хронологическая схема периодизации профессора А. Н. Бернштама, одного из основоположников среднеазиатской археологии, в целом, выдержала испытание временем. Естественно, с накоплением новых материалов и усовершенствованием методов датировок археологических памятников будут уточнены ранее предложенные модели археологических периодизаций.

Согласно схеме А. Н. Бернштама сакский период подразделялся на ранний – VIII-VI вв. до н. э. и поздний – V–III вв. до н. э. «Ранний сакский» период в его последующих трудах не получили археологического подтверждения и до сих пор оставался не снабженный достоверными археологическими свидетельствами. Только «Поздний сакский» – V–III вв. до н. э. период по его периодизации остается в современности основной хронологической рамкой при характеристике сакской истории и культуры Кыргызстана. То есть это является именно тем периодом саков, когда они упоминаются в античных письменных источниках.

Богатый и разнообразный археологический материал, собранный в последние десятилетия XX и в начале XXI вв. позволил охарактеризовать время наивысших достижений в истории и культуре саков и позволил использовать нескольких синонимичных названий, например, сакский период, развитый сакский период. Новые материалы открывают перспективную, пока еще загадочную страницу становления ранней сакской культуры на Тянь-Шане. Рассмотрение вопросов хронологии и периодизации в предлагаемой диссертации обоснованно.

Археология Кыргызстана является частью центральноазиатской, евроазиатской археологии, поэтому существует необходимость периодически уточнять, усовершенствовать археологическую периодизацию, хронологию развития различных археологических культур. Новейшие исследования археологических памятников позволяют дополнять, корректировать принятые прежде хронологии, периодизации. Хронологические, территориальные, этнокультурные процессы особенности переходных периодов не всегда учитываются при исследованиях, при подготовке учебников, учебных пособий. Разработка проблем переходных периодов между историческими эпохами на основе археологических материалов, физической антропологии, генетических исследований наиболее актуальна. Критические замечания или одобрения предложенной автором периодизации могут быть полезны в дальнейших исследованиях, а также при характеристике истории культуры Тянь-Шаня и сопредельных территорий.

При необходимости могут быть предложены и более детальная периодизация эпохи и новые названия периодов. Они могут быть приняты или опровергнуты, либо в дальнейшем могут быть подобраны наиболее приемлемые синонимы. Главное, чтобы в монографиях, статьях, учебниках четко обозначались хронология или период предлагаемого для анализа археологического материала. Есть необходимость обсуждения некоторых вопросов периодизации.

Археологические свидетельства и новые естественнонаучные методы радиоуглеродной датировки, например, (^{14}C) позволили определить памятники раннего этапа эпохи бронзы (XIX- вв. до н.э., Айгыржал (2460-2204 BC), Чап (3913 \pm 28,). Это только первые даты, радиоуглеродные даты. Определенные данным методом. Определение дат для других памятников позволит в будущем научно обосновать хронологию археологических памятников эпохи энеолита и ранней бронзы на Тянь-Шане.

Одним из актуальных вопросов в современной археологии Кыргызстана является определение переходных этапов от эпохи бронзы к раннему

железному веку и далее к эпохе раннего средневековья. Исследования многослойных поселений и проведение радиоуглеродного анализа органических остатков из археологических слоев доказали, что, именно они являются опорой для выделения памятников указанного переходного периода – от эпохи бронзы к раннему железному веку (Чап-Кочкор; Тосор-Уч-Курбу).

В настоящее время известны убедительные археологические свидетельства о миграционных процессах населения из Центральной Азии на запад в первой трети I тыс. до н. э. Это были носители культуры херексуров и «оленных камней», «восьмикаменных» поминальных оградок. Такого рода культуры включены в список периодизации культур Тянь-Шаня, Семиречья, т. е. хронология археологических памятников пополняются новыми данными о ранее неизвестных археологических культурах. Например, опираясь на археологические материалы из могильников Кичи-Ача, Чон-Дёбё можно начать выделять раннесакский период в археологической периодизации эпохи раннего железного века.

Новыми материалами подтверждаются и дополняются хронология и характер и других переходных этапов. Так, например, с помощью радиоуглеродного датирования (^{14}C) памятника, условно названного «усуньским» или «сако-усуньским» курганом с погребениями в грунтовой яме с каменными перекрытиями в бассейне реки Чет-Келтебик (Ат-Башинская долина) была установлена точная дата его образования – V в. н.э. (1575 ± 30 ; 410AD (95.4%) 560AD). Это позднегуннский, предтюркский период, являющийся переходным от раннего железного века к раннему периоду раннего средневековья. Возможно, в будущем в ходе археологических работ удастся обогатить группу памятников рассматриваемого времени. Будут пополняться и сведения о характере физической антропологии, культурных традициях переходного времени.

Общеизвестно, что нередко исторические и культурное развитие древнего периода Кыргызстана отличаются. При этом забывается преемственность культурного развития. Археологические материалы дают возможности изучать историю культуры в ее последовательности. Культура любого сообщества развивается непрерывно, хотя известно, что в каждой культуре отмечаются как периоды процветания, так и периоды упадка. Особенно это касается обычаев, обрядов. Традиции в материальной культуре способны сохранять и распространять навыки изготовления тех или иных предметов быта, наиболее характерных мотивов орнаментации и т. д. Это дает возможность проследить этапы и преемственность в развитии культур, а также выявить переходные этапы между культурами различных эпох.

При исследовании этнокультурных проблем вопросы миграции из Центральной Азии в Среднюю Азию, а затем в Восточную Европу никогда не оставались в тени. В рамках исследования памятников эпохи Великого переселения народов – от II в. до н. э. и до V в. н. э. территория Кыргызстана все оставался в поле зрения исследователей.

Сведения из письменных источников и археологические данные периода первоначальной миграции хуннов в Среднюю Азию и пути их миграции на запад не всегда совпадают. Иногда не учитывается хронологическая и территориальная разница между этими двумя миграциями, они нередко объединяются в одно целое и воспринимаются как единая непрерывная цепочка миграций. Это замечается в местных научных, научно-популярных изданиях, а также при написании учебников и учебных пособий. Не учитываются результаты археологических исследований, отражающих многообразный, сложный этнокультурный процесс, происходивший на Тянь-Шане, в Семиречье и в сопредельных территориях в первой половине I тыс. н. э. В ходе же анализа археологических данных, обнаруживаются признаки того, что некоторые культурные элементы эпохи Великого переселения распространялись не востока на запад, а с запада на восток. Поэтому необходимо специальное изучение хронологии периодов этнокультурных явлений, распространявшихся с востока на запад.

Анализ погребально-поминальных обрядов комплекса, их датирование, сравнение уже имеющимися историческими данными позволяют выделить ряд этапов внутреннего развития этих культурных элементов в среде западных тюрков Тянь-Шаня. В целом они совпадают с основными этапами политической истории народа Он ок эл – Западных тюрков, главенствовавших здесь в эпоху раннего средневековья. Основываясь на этом, ранее нами были предложены следующие этапы их развития: 1) памятники времени I Тюркского каганата; 2) памятники времени Западнотюркского и Тюркешского каганатов; 3) памятники карлукского времени [Табалдиев, 1994]. В настоящее время с обнаружением монет на территории проживания народа Он ок будун (Западнотюркского каганата) появляется возможность синхронизировать конкретные периоды раннесредневековой истории тюрков. Например, согласно надписям на монетах, обнаруженных в Чачском оазисе, выделен «период ябгуйского правления» или же периода «ябгуйства» [Бабаяров, 2019].

Для выделения последующих периодов в археологической научной и учебной литературе используются термины «эпоха Караханидов», «период монгольского нашествия», «монголо-тимуридский период» и т.д. Согласно письменным источникам, они соответствуют историческим периодам,

связанным с именами определенных исторических личностей. В связи с обнаружением монет в погребениях удалось сузить датировку погребений периода реформы Масуд-бека (1270 (71) – 1320 (21) гг. «Памятниками времени Могулистана» могут быть условно названы архелогические памятники датированные серединой XIV и XV вв., а памятники датированные 1500–1550 гг. н.э. могут быть отмечены как памятник периода Мухаммеда Кыргыза. Общеизвестны значимые для этого времени памятники, представленные различными постройками (Домик-Бабура (г.Ош), дворец Акчий (Кетмень-Тюбе), дворец исследованный в селе Садовое Чуйской области и гумбез Манаса).

В связи с обнаружением тибетских надписей с буддийско-ламаистской мантрой «Ом мани падме хум» и с находкой типичного для этого времени железного стремена с зооморфным рисунком, железного шлема стали ярко выделяться памятники периода джунгарского нашествия (середина XVII – середина XVIII вв.). Этот период, согласно историческим данным, может быть обозначен начиная с 1635 года – со времени образования Джунгарского ханства до мая 1749 года – похода джунгарских войск на Кыргызстан, когда, потеряв убитыми 7 тыс. воинов, джунгары возвратились назад [История... 1984, 460).

Синхронизация полученного нами археологического материала с уже известными историческими событиями применительно к эпохе раннего железного века успешно согласуется почти на всех этапах средневековья. Археологическая периодизация, с середины XVIII века до сих пор не завершена. Так как к числу памятников XIX – начала XX вв. можно отнести обнаруженные остатки жилищ, археолого-архитектурных сооружений, кокандских крепостей с обнаруженными материальными остатками. К числу таких памятников можно отнести поздние «кыргызские народные наскальные рисунки» и памятники письменности на камне. Последовательное накопление археологических материалов обнаруженных на территории Тянь-Шаня и Семиречья, позволяет уточнять и расширять археологическую периодизацию.

Раздел 2. Курганы, поминальные памятники и поселения I тыс. до н. э. и первой половины I тыс. н. э.

Основными источниками для изучения культуры эпохи раннего железного века являются погребальные сооружения – курганы. Они по праву занимают первое место по числу археологических памятников Тянь-Шаня и прилегающих территорий. Научное изучение культуры населения I тыс. до н. э. Тянь-Шаня и Семиречья связано с именами археологов П. П. Иванова, М.

М. Воеводского и М. П. Грязнова, А.Н. Бернштама, А. К. Кибиров, Ю. А. Заднепровского, Ю. Д. Баруздина, А. К. Абетекова, Я. А. Шера, И. К. Кожомбердиева, В. П. Мокрынина, П. П. Гаврюшенко, К. И. Ташбаевой, Д. Ф. Винника. К истории исследования памятников ранних кочевников статья археолога К. И. Ташбаевой [Ташбаева, 1996]. Позднее история изучения раннекочевнических культур в XIX – XX вв. подробно рассмотрена в её монографии К. И. Ташбаевой [Ташбаева, 2011, с. 15-31]. Картографией памятников рассматриваемого периода на территории Нарынской области занимался М. И. Москалев С 1989 года до настоящего времени к изучением отдельных памятников и находок эпохи раннего железного века стали заниматься включились автор данного исследования, К. Ш. Табалдыев, а также Ю. С. Худяков, О. А. Солтобаев, Э. Кожомбердиева, В. Кольченко, Ф. Ротт, С. С. Иванов, К. Т. Акматов. Исследованию краниологического материала посвящены работы С. С. Тур. Таким образом, интерес к изучению памятников эпохи раннего железного века постоянно растет. В настоящее время их исследованием занимаются не только ученые Кыргызстана, но и археологии из стран ближнего и дальнего зарубежья.

С началом исследования археологических памятников I тыс. до н.э. Внутреннем Тянь-Шане, Прииссыкулье и бассейна р. Гулчо в Алае расширился круг информации о материальной культуренаселения данного региона. Автором данного исследования проводились раскопки погребально-поминальных комплексов эпохи раннего железного века – курганов, «восьмикаменных» поминальных оградок, «оленных камней», остатков поселений, ритуальных объектов. По результатам раскопок был проведен сравнительный анализ материальной культуры населения Тянь-Шаня и кочевых, полукочевых, скотоводческо-земледельческих, культур соседних территорий. В последние годы были обобщены результаты исследований поселений на территории Внутреннего Тянь-Шаня и Прииссыкуля. Итоговые выводы комплексных исследований поселений эпохи бронзы и раннего железного века позволяют говорить о том, что открылись новые возможности для характеристики деятельности населения по освоению участков для жилья, развития скотоводства, особенностей посевных работ, и характеристики пищевого рациона.

Для исследовании архелогических материалов привлекаются современные методы датировки памятников, проводятся археоботанические, зооархеологические и другие анализы. В результате расширения возможностей метода радиоуглеродного датирования (^{14}C) начались открылись возможности для выделения памятников переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку, то есть памятников IX –

VII вв. до н. э. Эти возможности могут быть использованы при обращении к материалам предыдущих исследований.

Памятники ранних саков и переходного периода от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку. Курганы переходного этапа от эпохи поздней бронзы раннему железному веку прослеживаются в трудах исследователей-археологов предыдущих поколений археологов. Например, А. Н. Бернштамом был исследован такого рода памятник в могильнике Ала-Мышык, курган 44 (г. Нарын). Судя по фрагментам керамических сосудов, хранящихся в фондах Национального исторического музея Кыргызской Республики такой переходный этап можно проследить на материалах поселений Жал-Арык и Жазы-Кечу.

В раннесакскую эпоху возведение курганов по цепочке выстроенной по линии север-юг можно было считать устойчивым признаком. Так, на раннесакском могильнике Жел-Арык, расположенном у входа в Боомское ущелье, курганы размещены в меридиональном направлении. Внутримогильные сооружения этого могильника своеобразны и их квадратные или прямоугольные конструкции сопоставимы памятниками эпохи бронзы Алтая и Южной Сибири. Среди находок, предметы изготовленные из бронзы, например, нож с кольчатым навершием, обнаруженный данным памятнике встречается и в на памятниках эпохи поздней бронзы и в раннесакских памятниках.

Таким образом, опираясь на вышеуказанные различия и на другие известные памятники, можно говорить о неоднородности культуры населения поздней бронзы и раннесакского времени (IX–VII в. до н. э.). Упомянутые выше данные указывают к миграции этнических групп, которые перемещались с востока на запад – на Тянь-Шань, еще задолго до хуннского времени

В 1945 г. в могильнике Ала-Мышык в ходе археологических работ под руководством А. Н. Бернштама были проведены масштабные раскопки [Бернштам, 1952, с.27 – 30]. А.Н.Бернштамом был указан ряд характерных признаков признаков кургана № 44, датированного как памятник эпохи бронзы: 1) курган имел насыпь с двумя концентрическими кругами из камня (круги у основания курганов характерны для многих курганов эпохи раннего железного века); 2) под насыпью грунтовая могильная яма перекрывалась деревянными жердями (перекрытие грунтовой могилы деревянными бревнами или удлиненными плитами встречается в памятниках эпохи бронзы и раннего железного века); 3) в восточной части могильной ямы вертикально стояла каменная плита. Вертикальный камень в могильной яме мы два раза встречали в памятнике эпохи бронзы, в могильнике Кара-Тумшук (3257 по ¹⁴ С); погребенный (костяк мужчины) лежал на левом боку – в позе

«спящего» (такое положение умершего в могиле – в скорченном виде – наиболее характерная черта для погребального обряда племен андроновской культуры эпохи бронзы; (аналогичное погребение сакского времени было исследовано археологом А. Абетековым в Кочкорской долине); (такие захоронения являются памятниками переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку); 5) у пояса погребенного находился бронзовый нож с кольцом вместо рукояти (бронзовые ножи с кольчатым навершием встречаются в раннесакских памятниках).

Как было отмечено выше, данное погребение имеет признаки захоронения относящегося к эпохе бронзы и начального этапа раннего железного века. Некоторые черты погребальной конструкции и погребального инвентаря схожи и с раннесакскими.

К памятникам конца эпохи бронзы и раннего железного века можно отнести курганов могильника Жел-Арык (Кемин). К числу ранних сакских относятся курганы могильника Кичи-Ача (Ат-Башы). Для них характерны своеобразные ранние формы каменных ящиков, вероятно унаследованные от предков, проживавших на данной территории в эпоху поздней бронзы.

Такая схожесть признаков может иметь место на стыке двух эпох или же при взаимовлиянии разных культурных традиций. Как правило традиционные признаки погребального обряда консервативны. Издревле, несмотря на сильное взаимовлияние, племена и народы старались сохранить традиции предков. В данном случае представители андроновской культуры, несмотря на определенное влияние, старались придерживаться исконного порядка погребения – хоронить умершего в скорченном положении. Поэтому представители андроновской культуры, несмотря на ряд факторов, повлиявших на их погребальный обряд, достаточно долго придерживались традиционных правил прежнего правила положения умершего в могиле. Позднее, в эпоху раннего железного века положение умершего в скорченном положении практически исчезает. Материалы, полученные при археологических работах на могильнике Мечит (Ат-Башы) и 2013 – 2015 гг., на могильнике Айгыржал, расположенном в западной части г. Нарын, также позволяют проследить характерные особенности памятников переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку.

Для выделения памятников переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку значимыми стали признаки, выделенные в ходе комплексного исследования поселений со слоями эпохи бронзы и раннего железного века. В верхних археологических слоях поселений Уч-Курбу (Тосор) и Чап (Кочкор) обнаружено значительное количество фрагментов керамики, идентичной посуд обнаруживаемым в курганах датированного периодом «ранних кочевников».

Хронологическая схема, предложенная основоположником нашей археологии профессором А. Н. Бернштамом, в целом, выдержала испытание временем. При выделении основных периодов развития культуры ранних кочевников Семиречья и Тянь-Шаня А. Н. Бернштам выделял сакский период подразделяя его на более ранний – VIII–VI вв. до н. э. и более поздний – V–III вв. до н. э. Продолжение исследований связанных с периодизацией выделением памятников поздней бронзы и раннего сакского времени позволит подробнее охарактеризовать основные элементы эволюции и изменений, происходивших в погребально-поминальном обряде переходной эпохи в период между IX–VIII вв. и VII–VI вв. до н.э. Отметим, что в процессе формирования ранней сакской культуры роль племен андроновской культуры – несомненна, но она отнюдь не была единственной.

При формировании материальной и духовной культуры населения раннесакского периода культуры важную роль играли племена и этносы, мигрировавшие с территории современной Монголии и Алтая. Это были носители культуры херексуров и оленных камней. Об этом свидетельствуют исследованные на территории Внутреннего Тянь-Шаня «восьмикаменные» поминальные оградки и оленные камни. Кроме этого есть мелкие круги из пяти, шести, семи, восьми камней – «поминальники» которые обычно сооружены в восточной части больших курганов. Обычно все перечисленные выше памятники встречаются, обнаруживаются в ареале погребально-поминальных комплексов первой половины I тыс. до н.э.

«Восьмикаменные» оградки, «поминальники» ранних кочевых племен Тянь-Шаня. Традиция сооружения поминальных памятников на Тянь-Шане ярко прослеживается начиная с эпохи раннего железного века. В высокогорных зонах Тянь-Шаня ранними кочевыми племенами как правило сооружались поминальные объекты округлой в плане формы. Для их сооружения использовалось до восьми валунов. В археологической литературе Центральной Азии они именуются «восьмикаменными» поминальными оградками, «поминальниками», «жертвенниками».

Первые сведения таком виде памятников Тянь-Шаня в научной литературе первое сведение были опубликованы американским исследователем Рафаэлем Пампелли. Посетив в 1903 году Сонкульскую долину, он составил план и дал краткое описание памятника Таш-Тулга [PumPELLi, 1905]. Данный памятник позднее был исследован археологом Я. А. Шером. При раскопках одной из них находок обнаружено не было [Шер, 66–72]. Такие объекты, без вещей, ритуального характера отмечались в материалах археологических работ Тянь-Шане и Алае А. Кибировым [Кибиров, с. 66, 84] и К.Ташбаевой [1996, с. 44], а также Д. Ф. Винником на

правом берегу р. Каракол в Суусамырской долине. Есть сведения о наличии подобных объектов в Центральном Тянь-Шане, в бассейне р. Сары-Жаз.

В Ат-Башинской долине в погребально-поминальном комплексе Кичи-Ача подобный объект был изучен автором данного исследования [Табалдиев, 1995]. Здесь, в одной из «восьмикаменных» оградок был найден комплект предметов (клад), состоящий из бронзовых предметов. Объект был уверенно датирован на основании бронзовых предметов, наиболее характерных для раннего сакского времени. Комплект предметов состоял из удил со стремячкovidными окончаниями, распределителей ремня, пронизок с колпачком. Аналогичный же комплект бронзовых предметов был найден в этом же могильнике Кичи-Ача, но в памятнике совершенно другого характера, напоминающем квадратную в плане формы оградку со стелой. Бронзовые комплекты, обнаруженные в памятниках двух типов и курганы с поминальниками образуют сложную информативную базу для исследования погребально-поминальных обрядов, характерных для племен оставивших их.

Бронзовые изделия из Кичи-Ача отнесены в круг памятникам ранней сакской культуры среднеазиатского региона [Горбунова, 2001, с. 179 – 200]. Подобного рода археологические находки являются ценным материалом данными для выделения и характеристики раннего этапа сакской культуры и также степени близости материальной культуры населения регионов Центральной Азии.

Состоящие из восьми камней «восьмикаменные» поминальные оградки, позднее были зафиксированы К. Табалдиевым в этой же Ат-Башинской долине, в могильниках Кок-Кумбез, Желе-Добо и в памятнике Ийри-Суу, в западной части Кочкорской долины. Как правило они располагались в западной, либо в восточной стороне от курганов. В могильнике Кок-Кумбез одна из «восьмикаменных» поминальных оградок была раскопана. Однако кроме мелких фрагментов керамических сосудов, ничего обнаружено не было. Но опыт исследования подобных археологических объектов в Атбашинской долине, указывает их жертвенный характер. Единственная «восьмикаменная» поминальная оградка с погребением была раскопана в могильнике Кёк-Булак в Сон-Куле. Кроме скелета умершего были найдены следы угля, фрагменты керамики.

Наибольшее количество «восьмикаменных» поминальных оградок обнаружено и частично раскопано К. Ш. Табалдиевым и Р. Бозер в Сон-Кульской долине [Табалдиев, Бозер, 158–161]. К настоящему времени объем информации увеличился. Согласно материалам из Внутреннего Тянь-Шаня, предлагается следующая обобщенная характеристика.

На территории Центрального Тянь-Шаня «восьмикаменные» поминальные оградки встречаются не на всех могильниках сакского времени. Исходя из этого можно предположить, что обычай сооружения поминальных оградок из восьми камней не был характерным для всего населения Тянь-Шаня в I тысячелетии до н. э.

Исходя из археологических материалов Тянь-Шаня, отмечаются несколько разновидностей одного и того же, или близкого по характеру, ритуально-поминального процесса, во время которого сооружали следующие типы «восьмикаменных» поминальных оград и «поминальников»:

1. «Восьмикаменные» поминальные оградки первого типа располагаются на отдельном участке. Известны группа «восьмикаменных» поминальных оградок, состоящих из двух, трех и девяти кругов. Каждая из них строго состоит из восьми валунов. Они почти не связаны с могильниками, т. е. сооружены на отдельных просторных участках долин или на участке, удаленном от могильника. Иногда «восьмикаменные» поминальные оградки встречаются на территории могильников, но расположены обособленно. Поминальные памятники этой группы как правило отличаются большими размерами (диаметр до 5 м), для их сооружения, которых специально выбирались массивные камни, иногда они доставлялись на далекие расстояния. Ярким примером является комплекс «Таш-Тулга», известный специалистам с начала XX века. Непосредственно около одной из «восьмикаменных» поминальных оград и вблизи комплекса установлены каменные стелы, напоминающие «оленные» камни. Комплекс Таш-Тулга не связан с местом погребения умерших. Высокая степень близости форм с первым типом поминальных памятников – «восьмикаменных», позволяет их отнести именно к поминальным памятникам. Этот объект мог служить местом для совершения поминальных и других обрядов.

2. Второй вариант «восьмикаменных» поминальных оградок отличается меньшими размерами. Причем они непосредственно связаны с курганом. Этот тип памятников представлен в виде кольцевых оград вокруг курганов, к примеру как в могильнике Чон-Добо. Этот вариант сооружения оградок рядом с местом погребения непосредственно связан с поминальным обрядом конкретного умершего. В специальной литературе для этого типа поминальных памятников используются и другие термины – поминальники, ритуальные кольцевые выкладки, жертвенники, которые напрямую связаны с курганами. Количество таких кольцевых оград доходит до 90 и обычно они дугообразно окружают курганы. Обычно над поверхностью земли видна только верхняя сторона камня, а вся ее остальная часть врыта в землю. Они не являются погребальными

сооружениями, а относятся культовым сооружениям — поминальным оградкам. Расстояние между курганами и поминальниками варьирует: если курган имеет большие размеры, то расстояние между ними составляет от 15 до 24 метров; в небольших курганах они расположены в непосредственной близости.

3. Третий вариант исследован в Ат-Башинской долине, в могильнике Кичи-Ача, где были обнаружены оба типа оградок. Здесь 10 курганов эпохи раннего железного века располагались цепочкой по линии север — юг. В центральной своей части каждый из этих курганов имел овальную кольцевую выкладку. Все курганы были разграблены еще в древности. На восточной стороне каждого кургана из валунов были сооружены от трех до четырех «поминальников», округлых в плане формы. Диаметр каждого достигает до 1 м. При выборочных раскопках «поминальников», находок или других признаков ритуальных действий не обнаружено. «Поминальники», как правило, сооружены в восточной стороне курганов. Кроме «поминальников» здесь в восточной стороне находился единственная относительно большая «восьмикаменная» поминальная оградка.

Аналогичные памятники, также состоящие из восьми камней и примерно, таких же размеров как на Сон-Куле были изучены на территории Горного Алтая, Тувы. В. Д. Кубарев, на основании на то, что своих исследований указывает обычно в таких сооружениях на Алтае встречаются следы огня, мелкие обгорелые кости животных, изредка мелкие фрагменты керамических сосудов, что позволяют их идентифицировать в качестве культовых памятников, где совершались поминальные церемонии [Кубарев,]. На сегодняшний день известен только один «восьмикаменный» поминальная оградка с погребением человека. Памятник был исследован К.Ш.Табалдиевым и Р. Бозер в могильнике Чалчык-Булак, в долине Сон-Куль [Табалдиев, Бозер, с.161]. Однако это единичный памятник не отражает устоявшуюся традицию и не дает основания считать все «восьмикаменные» объекты погребальными сооружениями.

Как указывал В. Д. Кубарев, «восьмикаменные» кольца, наряду с балбалами являются основными определяющими признаками при поисках курганов пазырыкской культуры. Они относятся к середине I тыс. до. н. э. [Кубарев, 1980, с. 69–91]. Как правило, они расположены в 25 – 30 м от курганов с западной стороны. Каждому кургану соответствуют две, а в иных случаях, даже три таких выкладки. В. Д. Кубарев, производивший раскопки курганов, в том числе и внутри «восьмикаменных» выкладок, обнаружил в оградках остатки жертвенных животных и золы. Автор раскопок на основе

этих находок в оградках полагал, что в них совершались культовые действия, совмещающие обряд «кормления и проводов души умершего» в потусторонний мир [Кубарев, 1987, с. 11 – 12; 1991, с. 23 – 24; 1992, с. 12 – 14]. По мнению ряда исследователей, «восьмикаменные» кольцевые выкладки связаны с солярным культом, бытовавшим в среде скифского населения Горного Алтая [Илюшин, 1989, с. 80].

Сведения об объектах, типа «восьмикаменных» поминальных оград, известны с начала XX столетия. В 1911 году А. В. Адриановым в Майэмирской степи Горного Алтая была вскрыта такая каменная выкладка, где были обнаружены бронзовые удила со стремячкovidными окончаниями, семь золотых округлых пластин, вложенных одна в другую, украшенных изображением животного, бронзовые изделия. Каменная выкладка имела кольцообразную форму и состояла из семи валунов. Этот известный майэмирский памятник и другие материалы послужили основой для выделения своеобразного периода в истории древних племен и для развития идеи о начальных этапах скифской культуры [Кирюшин, Тишкин, 1998, с. 71].

Сопоставление с майэмирским памятником, с памятниками пазырыкской культуры Алтая и саков Тянь-Шаня предпринимается не впервые. Для пазырыкской культуры характерны сопроводительные конские захоронения, что пока не обнаружено в погребальных памятниках саков Тянь-Шаня. Но в дальнейших исследованиях зоны где распространены памятники культуры пазырыкцев, носителей оленных камней, херексуров не должны исключаться из сферы внимания ученых. Материалы Берккаринского могильника (Южный Казахстан) [Бернштам, 1997, с. 89] материалы, полученные К. И. Ташбаевой при разработке могильника Жапырык, и наши материалы полученные в ходе работ на Внутреннем Тянь-Шане позволяют полагать, в основе что в основе генезиса «восьмикаменных» поминальных оградок, «поминальников» лежали элементы херексуров Центральной Азии. Херексуры несут определенную социальную нагрузку, они сооружались над могилами предствителей родоплеменной знати и, видимо, выдающихся личностей, вождей-воинов. Они служили в качестве монументальных сооружений общественного характера – культово-религиозных комплексов, жертвенников [Цыбиктаров, 2003, с. 176].

Культовые каменные выкладки округлой формы, состоящие из восьми камней, упоминаются при описании памятников саглинской культуры Тывы, датируемой V – III вв. до н. э [Грач, 1980, с. 31 – 32]. Они также сочетались с могильными комплексами, например с курганами могильника Саглы-Бажи и тоже располагались к западу от курганов. Исследования этого типа

памятников в Тыве и на Алтае определяли их как места для жертвоприношения. В Тыве при раскопке каменной выкладки обнаружена кость коровы. Общее количество кольцевых выкладок, тяготеющих кургану 1 в Улуг-Хоруме, в Тыве составляло более 400. В ходе выборочных раскопок, проведенных в десяти из них следов сожжения или других ритуальных действий обнаружено не было. А. Д. Грач указывал, что: «с культом лошади были связаны и кольцевые выкладки, здесь, в характерном сочетании зафиксированы кости коней черепа и кости ног ниже голеностопного сустава (отсутствовали позвонки, ребра и крупные кости конечностей). М. П. Грязнов и Маннай-оол полагают, что это остатки конских шкур, в которых были оставлены черепа и нижние кости конечностей» [Грач, с. 73].

Доказано, что интерпретация ритуальных сооружений, расположенных вокруг курганов Тянь-Шаня, невозможно без привлечения данных из Монголии и Саяно-Алтая, так как их происхождение связано с указанными восточными ареалами Центральной Азии.

На основании результатов сравнительного исследования, надежно датирующего бронзовые детали узды обнаруженной в «восьмикаменной» поминальной оградки, позволили выделить ранние этапы культуры раннесакского времени на Тянь-Шане. Это позволило определить наиболее характерные черты раннесакских погребальных памятников и даже переходных от эпохи бронзы к раннему железному веку памятников, до сих пор слабо прослеживаемых на археологических материалах Тянь-Шаня.

Так, например, рассмотренный тип памятников и другие известные нам материалы, связанные с могильниками, позволили выделить могильники с «восьмикаменными» поминальными оградками и или без них. То есть, в эпоху раннего железного века в регионах Тянь-Шаня обитали группы ранних кочевников, придерживающиеся традиций сооружения «восьмикаменных» поминальных оградок и другие группы, у которых данная традиция отсутствовала. В ходе дальнейших исследований, следует обратить особое внимание на внутреннюю хронологию различных типов «восьмикаменных» поминальных памятников, на их взаимосвязь и особенности, характерные для различных культур. Полученные результаты, несомненно, должны быть проанализированы с учетом черт, характерных для всего комплекса археологических памятников – погребальных памятников и других видов поминальных памятников этого времени, например «оленных камней».

Благодаря использования новой технологии начались продвижения в изучении указанного комплекса. Так, в 2018-году, на Сон-Куле около кургана расположенной в цепочке с применением геосканера (георадара) удалось

зафиксировать следов (оттенков) шести округлых строений. Объекты пока не раскопаны. Еще в ходе совместной экспедиции с румынскими коллегами в Суусамыре сканирована территория кургана и замечены еще дополнительные конструкции которые не видны на современной дневной поверхности [Табалдиев, Мотузайте; Балари...2020]. .

Информации о околочурганнх сооружениях домолняются еще новыми сведениями полученными из северо-западной части Иссык-Куля (Сары-Камыш), и Кырк-Кыз (западная граница Кочкорского района. В указанных памятниках кроме кургана и за «восьмикаменной» поминальной оградкой, еще западнее замечены овальной, ладьевидной формы каменные сооружения. При раскопке двух из них в памятнике Кырк-Кыз обнаружены керамические сосуды. Таким образом, многие детали погребально-поминального комплекса остаются пока еще не полностью раскрытыми.

Обряд сооружения поминальных памятников на территории могильников, курганов хуннского времени на Тянь-Шане пока не выявлен. То есть, примерно, в последнее столетие традиция сооружения «восьмикаменных» поминальных оградок была прервана. По всей вероятности, в хуннскую эпоху поминальные обряды и их материальные остатки имели иную форму, либо оба обряда совершались в пределах мест погребений, без дополнительного строительства либо для совершения поминальных обрядов в честь умершего.

Возрождение близкого по характеру обряда произошло горных и степных зонах Центральной Азии произошло в середине I тыс. н. э., в период тюркских каганатов. На территории могильников стали устанавливать поминальные оградки квадратной или прямоугольной формы. С восточной или с западной стороны ограды устанавливали монументальные каменные изваяния.

Оленные камни, каменные столбы и каменные изваяния Тянь-Шаня. К числу поминальных памятников I тыс. до н. э. относятся оленные камни. Их характерные черты, назначения тесно связаны с памятниками рассмотренными в предыдущем разделе. Они указывают на отчетливые связи древних жителей Кыргызстана с указанными восточными регионами Центральной Азии. Первые сведения о них были опубликованы в конце XIX и начале XX вв.

Судя по отрывочным сведениям В. В. Бартольда, такой камень длиной 110 см был обнаружен в 1893 – 1894 г. на южном Прииссыккулье, на правом берегу р. Жууку [Бартольд, 1996, с. 426]. В. В. Бартольд пишет: «Около жуукинского камня (на правом берегу речки) много могильных насыпей...;

могилы представляют «более или менее плоские кучи камней четырехугольной и круглой формы, обведенные четырехугольниками из булыжников и плиток. У южного конца могильника, на больших валунах, много изображений козлов и других фигур; у северного конца стоит камень в виде призмы (высота – 110 см) с выпуклыми сторонами, суживающимися кверху и к основанию; около вершины одного из двугранных углов заметна бороздка в виде круга с маленькой ямкой в центре, а на самой вершине – маленькая неглубокая ямочка».

При исследовании памятников высокогорной долины Ат-Башы, в её западной части, в местечке Шырыкты Н. Н. Пантусовым была зафиксирована вертикально установленная каменная плита с округлым знаком на одной из её граней.

Первым обратил внимание на подобные типы археологических памятников В. П. Мокрынин, и он ввел термин «оленные камни» в качестве одного из типов памятников саков Тянь-Шаня. Он сообщил, что По его сообщению, несколько оленных камней было найдено в Чуйской долине и на побережье оз. Иссык-Куль. Им были выделены два типа оленных камней. В верхней части камней с противоположных сторон на одном уровне выбито по замкнутому кругу. Кроме кругов, выбиты изображения оленей, кабанов и других животных. Нередко, здесь же были выбиты контуры кинжалов и луков [Мокрынин, 1986, с. 28]. Следует отметить, что пока на территории Кыргызстана не обнаружены оленные камни с изображениями оленей, характерных для оленных камней Тывы, Забайкалья и Северо-Западной Монголии.

Упомянутый В. П. Мокрыниним камень аналогичен уникальному камню с изображением круга на двух сторонах хранится в Национальном историческом музее Кыргызской Республики. Исследователи указывают что он был обнаружен на севере Иссык-Кульской области. На трех его сторонах четко прослеживаются заметны округлые знаки, изображение колчана и косые линии.

Аналогичные стелы длиной до 3,5 м с изображением круга и другой атрибутики относятся к типу памятников, называемых оленные камни, которые получили свое название от высеченных на них изображений оленей. Они известны на широкой территории степей Евразии, в Монголии, в Забайкалье, в Тыве, на Алтае, в Центральном Казахстане, в Приуралье, в Поволжье, на Северном Кавказе, в Грузии, на Северном Причерноморье и на территории вплоть до Средней Европы (Болгария, Эльба) [Савинов, 1989, с. 150 – 155]. Датируются эпохой бронзы и началом раннего железного века.

Отмечается, что в восточных регионах Забайкалья, в Монголии рисунки на таких памятниках имеют особенности. Обычно на верхнем ярусе камня располагается изображение круга – «серьга-солнце», центральная часть заполнена фигурами оленей и других копытных животных, в нижнем ярусе находятся изображения пояса и оружия. Камни устанавливаются на высоких горах, на жертвенниках и на краю керексуров. Они считаются памятником предку, давшему жизнь потомкам, гимном оленю и солнцу, монументальными каменными изваяниями, олицетворяющими древних воинов, надгробиями, которые устанавливались на погребениях, где покоились привилегированные по своему общественному положению, люди, по-видимому, племенные вожди. Существует мнение, что они являлись своего рода знаками коллективной собственности на определенные уголья, пастбища, земли, что некоторые из них могли служить прямыми обозначениями границ владений определенных этнических групп [Кожин, 1979, с. 199 – 210].

В целом, в эпоху поздней бронзы в Центральноазиатском регионе существовала общая этнокультурная основа, в качестве которой выступала культура херексуров и оленных камней (Худяков, 1987, с. 155 – 158).

Обращаясь к трудам исследователей оленных камней Западной и Северо-Западной Монголии, отмечаем что, оленные камни Ушкийн-Увера находятся среди кольцевых выкладок, вблизи херексуров, т. е. они входили в состав культового комплекса [Волков, 1975, с. 78 – 84]. В последние годы растет число оленных камней обнаруженных на территории Казахстана и Восточного Туркестана увеличиваются.

На Сон-Куле, в урочище Кыла 1997 году, во время археологической разведки, был обнаружен объект, имевшее непосредственное отношение к категории оленных камней. На двух углах четырехугольного земляного возвышения высотой 0,30 м стояли две стелы, высотой до 1 м. На одной из них, наверху был вырезан круг диаметром 10 см. Эту четырехугольную земляную возвышенность на двух углах которой установлены стелы, можно отнести к памятникам, имеющим ритуальное назначение. Наличие круга (кольца-серьги) в верхней части на стеле из музея школы №10 г. Бишкек дает основание включить её в число «оленных» камней.

Так же был обнаружен один подобный камень среди каменных изваяний комплекса Бурана. На одной стороне человеческое изображение, на другом конце каменного изваяния имелись изображения кинжала, округлых знаков, косо срезанных линий. Этот факт из Бураны – повторное использование древнего поминального памятника через полтора тысячи лет древними

тюрками в качестве каменного изваяния с изображением на обратной стороне является уникальным случаем на территории Кыргызстана. Однако такие случаи были известны ранее в Монголии, Восточном Туркестане [Худяков, 1995, с. 10]. Обнаружение оленных камней на Сон-Куле и прилегающих районах Тянь-Шаня отражает миграционные процессы части их создателей из восточных регионов Центральной Азии. Эти миграционные процессы ранее прослежены исследователями на основании встречаемости характерных для оленных камней изображений. По мнению археологов З. Самашева и Я. А. Шера миграция саяно-алтайского или центральноазиатского населения проходила через Горный Алтай на рубеже II-I тыс. до н.э. [Самашев, с. ; Шер, с.]. Однако другие исследователи считают, что это нельзя отнести к процессу миграции, а только указывает на наличие связей на уровне историко-культурных областей [Черемисин, Слюсаренко, 1995, с. 137].

На Сон-Куле и прилегающих территориях, где были обнаружены оленные камни и округлые каменные выкладки – «восьмикаменные» поминальные оградки в эпоху бронзы не были характерны. По всей вероятности, это связано с древней миграцией. Но на Тянь-Шань эта культура, по всей вероятности проникает в уже видоизмененном виде. Пока на Тянь-Шане не обнаружены «классические» типы оленных камней. На стелах исчезают первоначальные изображения оленей, представленные в привычной, стилизованной манере. Сохраняются только округлые знаки, косые линии в верхней части камня и некоторые реалии. Это указывает не только на лишь культурные контакты двух регионов, но и миграционные процессы, которые засвидетельствованы антропологически [Тур, 1995, с. 44 – 53]. При изучении вопроса появления «оленных камней» на Центральном Тянь-Шане должны учитываться данные его восточных регионов, т. е. данные из Синьцзяня КНР.

Население Тянь-Шаня, оставившее оленные камни, курганы, «восьмикаменные» поминальные оградки, генетически было близко с населением Центральной Азии. Их представители имели непосредственное отношение к формированию сакской культуры Тянь-Шаня. При изучении оленных камней типа памятников, одним из наиболее проблемных является вопрос о хронологии видов этого типа памятников, а также «восьмикаменных» поминальных оградок, для чего очень важно проведение археологических исследований данных объектов на первоначально установленных местах.

Каменные стелы, изваяния. Кроме памятников с признаками оленных камней встречались просто стелы без каких-либо знаков. Так, массивные

каменные стелы в культовом комплексе Тулга-Таш непосредственно связаны с «восьмикаменными» поминальными оградками (Сон-Куль (Кыла, Таш-Тулга), Кёк-Сай (Кочкор), Кичи-Ача (Ат-Башы), Соготту (Иссык-Куль). В Кичи-Ача каменный столб без знаков и тамг находилась внутри квадратной оградки размером 2 × 2 м. Во время раскопок здесь были обнаружены предметы имеющие сходство с предметами, характерными для раннесакской. Поэтому можно утверждать, что связь данного памятника с раннесакской культурой несомненна.

Аналогичные стелы были обнаружены на Сон-Куле в местности Кыла, в Кочкорской долине в местности Кёк-Сай, в местности Соготту в Южном Прииссыккулье. Они не имеют явных признаков оленных камней.

Судя по характеру, каменные стелы, включенные в круг оленных камней, являются материальными остатками одного и того же близкого по характеру обряда. Они водружены в различные периоды развития раннекочевнических культур. На основании новых данных, в будущем они могут быть включены в круг памятников раннего сакского времени (VIII-VI вв. до н.э.).

Изучая культуру скифо-сакского ареала Евразии, уместно задать вопрос – существовала ли у саков Тянь-Шаня традиция сооружения каменных изваяний. В Приарале, Восточной Европе у скифов такая традиция существовала. Этому виду памятников посвящены статьи, монографии [Ольховский, 1990, с.]. В Синьцзяне известны каменные изваяния, которые датируются эпохой бронзы или ранними этапами раннего железного века.

Этот вопрос стал для нас актуальным после изучения оленного камня находящегося в музейном комплексе Бурана, и обнаружения нами изваяний отличающихся от уже известных раннесредневековые тюркских изваяний.

Эти изваяния могут быть датированы I тыс. до н. э. и соответствовать с традициям племен этого времени. Но для такого утверждения нужны дополнительные сведения, в первую очередь уточнение места их первоначального обнаружения, что могло бы пополнить ряд аргументированных доказательств. Если обычай установления каменных изваяний существовал в I тыс. до н. э., то, вероятно, это как и в случае оленными камнями это было явлением скорее эпизодическим.

Курганы, поминальные памятники I тыс. до н. э. Основными источниками для изучения культуры эпохи раннего железного века являются погребальные сооружения – курганы. Они по праву занимают первое место

по количеству археологических памятников Тянь-Шаня и прилегающих территорий.

Наиболее актуальным в настоящее время является стоит вопрос о выделении наиболее характерных временных признаков для периодизации погребально-поминального времени памятников, поселений переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку. Для точности периодизации таких памятников на первый план выходят разновременные могильники, поселения, памятники эпохи бронзы и раннего железного века которые уже достаточно хорошо изучены.

Курганы, относящиеся переходному периоду этапу от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку описаны в трудах предыдущих исследователей-археологов. Например, А. Н. Бернштам исследовал такого рода памятник в могильнике Ала-Мышык, курган 44). Судя по фрагментам керамических сосудов, хранящихся в фондах Национального исторического музей Кыргызской Республики такой переходный этап можно проследить и на археологических материалах поселений Жал-Арык, Жазы-Кечу.

При выделении памятников рассматриваемого исторического периода времени особую роль могут играть планиграфия и внешние виды курганов в разновременных могильниках. Могильники эпохи поздней бронзы и раннего железного века расположены преимущественно на надпойменных террасах рек, на плато, на предгорных равнинах, ровных участках межгорных долин, просторных участках вблизи озер.

Традиция планиграфии могил по меридиональному направлению сложилась в раннесакскую эпоху. Об этом свидетельствуют археологические материалы из могильников, которые надежно датированы материалы. Так, в могильнике Кичи-Ача (Ат-Башы) были обнаружены бронзовые удила с трехдырчатыми псалями, датируемые VII – VI вв. до н. э. [Табалдиев, 2005]. В зоне могильника Кичи-Ача есть курганы с аналогичными поминальными конструкциями позволяют полагать о сложении и развитии традиции возведения курганов по цепочке и поминальников вокруг кургана в течение нескольких столетий. Рядом с могильником Кичи-Ача находятся могильники Жел-Добо, Чон-Ача. Они демонстрируют развитую форму этой традиции. Классическим примером сложения этой традиции демонстрирует материалы могильника Чон-Дёбё.

Период проживания на исследуемых территориях ранних саков также относительное, охватывает условно промежуток между 800–600 гг. до н. э. Датирование можно привязать к известным историческим событиям,

например к периоду появления ранних письменных сообщений, а именно до создания ахеменидской державы (558 г. до н. э.).

В учебниках по истории история саков описана начиная примерно с этого же времени, т. е. с появления письменной информации о саках. Археологические сведения из Тянь-Шаня помогли уточнить период становления истоков материальной и духовной культуры ранних саков, что невозможно было найти в письменных источниках.

Результаты новейших исследований археологических памятников позволяют дополнить и скорректировать принятую ранее историческую хронологию, периодизацию, касающуюся истории ранних саков. Безусловно, такие дополнения и уточнения относительно исторической периодизации могут обсуждаться в рамках профессионального сообщества. Главное, чтобы в специальной литературе и учебных пособиях были обозначены хронология и исторический период предлагаемого для анализа материала. Изредка могут предлагаться хронологии новые названия периодов. Например, при изучении данных, полученных из кургана №44 могильника Аламышык были отмечены признаки эпохи бронзы и раннегосакского периода, что дало возможность выявить ряд признаков, характерных для переходного периода. К примеру, бронзовый нож с кольчатым навершием, характерным для раннесакского периода.

Кроме погребальных и поминальных памятников данный переходный период достаточно хорошо прослеживается на археологических материалах поселений. Археологам в межгорных долинах и предгорьях удалось найти жилища общин, которые вели комплексное хозяйство – скотоводческое и земледельческое. Они селились в местах, наиболее пригодных для пашни, содержания скота. Сейчас открываются новые возможности для сравнительного изучения археологических материалов поселений и курганов. Следует признать, что ранее основное внимание уделялось изучению могильников, курганов кочевников. Вне поля зрения оставались синхронные по времени поселения оседлого населения.

В наборе керамических сосудов, хранящихся в фондах Национального исторического музея Кыргызской Республики представлены материалы (Жал-Арык и Жазы-Кечу) относящиеся к переходному этапу от эпохи бронзы к раннему железному веку. Радиоуглеродные даты из материала археологических слоев поселения Чап позволили определить культуру рассматриваемого переходного периода.

В археологии Кыргызстана есть материалы для установления переходного этапа. Постепенно накапливаются археологические данные, отражающие материалы населения культуру позднего этапа эпохи бронзы и

раннесакского периода. Вместе с тем, с открытием и изучением археологических данных, характерных для поселений открываются новые возможности для сравнительного анализа археологических данных поселений и курганов. В поселениях Чап (Кочкорская долина), Уч-Курбу (Иссык-Кульская область) есть непрерывные слои от эпохи бронзы и раннего железного века. Они открывают новые возможности в изучении материальной культуры переходного периода.

Открытия поселения хуннского времени в ущелье Шамшы, в Чуйской, и Таласской долинах археологом Государственного Эрмитажа А.Торговым представляют новые возможности для исследования и обобщения материалов о материальной культуре оседлого населения первой половины I тыс. н.э.

Курганы населения Тянь-Шаня V в. до н.э. – V в. н.э. Основными источниками для изучения культуры эпохи раннего железного века также являются погребальные сооружения – курганы. Они по праву занимают первое место в числе археологических памятников Тянь-Шаня и прилегающих территорий.

Полученные нами в ходе раскопок новые данные позволяют дополнить уже известные сведения о материальной и духовной культуре, военном деле населения Тянь-Шане I тыс. до н. э. Вместе с данными архелогов А. Н. Бернштама, А.К.Кибирова, А.К. Абетекова, К.И.Ташбаевой из могильников Внутреннего Тянь-Шаня. Новые полученные нами позволили более целостно представлять облик культуры ранних кочевников, полукочевников ведущих комплексное хозяйство связанное с земледелием, гончарным производством, наскальной изобразительной деятельностью и т.д.

Четкие образцы цепочек курганов отмечены исследователями в долине Кетмень-Тюбе. Часто основу их составляли цепочки крупных курганов, вокруг которых бессистемно располагались насыпи меньших размеров, что отражало существовавшую социальную дифференциацию в обществе ранних кочевников [Ташбаева, 2000, с. 38].

Материалы полученные нами, наши наблюдения также могут быть учтены в будущих исследованиях.

Курганы можно встретить на разных территориях. В основном они расположены на надпойменных террасах рек, на плато. Для погребения знати выбирались особые территории – предгорные равнины, ровные участки межгорных долин, конусы выносов горных хребтов, просторные участки вблизи озер, на увалах предгорий и. т. д.

Курганы могут быть как одиночными, так и состоять из групп курганов включающих до нескольких десятков. Исследователями предыдущих

поколений была неоднократно установлена устойчивая планиграфия больших курганов сакского времени.

Такое расположение в значительной мере характерно для массивных курганов, диаметром от 30 м и более. Это связано со статусом усопшего в обществе при его жизни. Иногда встечаются параллельные цепочки курганов. Вначале идет цепочка больших, затем отдельно цепочка курганов среднего размера (Кёк-Мойнок, западная часть озера Иссык-Куль). Особый интерес для изучения представляет генетическое исследование останков погребенных в могильнике для определения уровня родства между ними.

Скоро предстоит международный проект, целью которого является для определения родственных отношений между погребенными в могильнике.

Традиция планиграфии могил по меридиональному направлению сложилась в раннесакскую эпоху. Об этом свидетельствуют материалы из могильника Кичи-Ача, где обнаружены надежно датированные материалы относящиеся к VII-VI вв. до н. э.

В зоне могильника Кичи-Ача обнаружено множество курганов с аналогичными поминальными конструкциями, что множество и позволяет полагать о сложении и развитии данной традиции в течение нескольких столетий. О постепенном развитии этой традиции говорят археологические материалы из могильников Кичи-Ача Жел-Дёбё и Чон-Ача. Близкими по характеру являются могильниками являются могильники Чон-Дёбё, на Сон-Куле, могильник Каратал-Жапырык возле Сон-Куля, могильники Чон-Уч-Эмчек, 1-Мая (Суусамыр). В указанных могильниках рядом с курганами имеются также как и в Кичи-Ача «восьмикаменные» оградки, поминальнички. Они относятся к периоду процветания сакской культуры (V-III вв.).

При сравнительном анализе расположения курганных могильников I тыс. до н. э. памятниками следующих столетий обнаруживаются как сходства так и различия. Так, в могильниках эпохи Великого переселения народов, раннего и позднего средневековья меридиональная ориентация цепочки курганов – расположение курганов продольной осью с севера на юг встречается редко. На Внутреннем Тянь-Шане нам пока известен лишь могильник Суттуу-Булак, имеющий такое расположение. Этот могильник, датированный первой половиной I тыс. н. э., сохранил традиции сооружения цепочки курганов по вертикали по направлению север – юг. При проведении раскопок побойных погребений в цепочке получены материалы начала I тыс. н.э. При проведении радиоуглеродного анализа ¹⁴С получена дата 250-430 гг. н.э. Памятник демонстрирует о сохранение традиции размещения курганов в цепочку по линии север – юг или указывает на взаимовлияние культур дохуннского времени и начала I тысячелетия н.э. В ходе

дальнейшего исследования могильника Суттуу-Булак могут быть получены новые свидетельства указанных процессов.

Повсеместно на территории Тянь-Шаня встречаются каменные, каменно-земляные, земляные курганы. Преимущественно курганы имеют округлую в плане формы. Иногда выделяются бесформенные или приближенные к округлым или квадратным – подквадратные. Предполагается, что первоначально курганы могли иметь вид уплощенной полусферы. Очень редко среди массивных курганов встречаются курганы в виде пирамиды с усеченным концом.

Как правило, диаметр курганов от 3 м и выше. Изредка встречаются курганы, диаметр которых превышает более 80 м. Археологические материалы полученные из могильника Чон-Дёбё на Сон-Куле, в Суусамыре и исследования при помощи георадара (геосканера) открыли важные перспективы для изучения и описания традиции пышных проводов в потусторонний мир знатных лиц рода.

Насыпи курганов из могильников Бугучу, Кара-Сенир (Кочкорская долина) имеют или обычную однообразную структуру или иногда более усложненную. Последние характерны исключительно для курганов с захоронениями знати, они, как правило отличаются многослойностью или имеют своеобразную конструкцию. В этом случае над погребальным сооружением, на уровне дневной поверхности возводились полусферические конструкции. Иногда за центральной конструкцией, через несколько метров сооружалось широкое кольцевидное обрамление. И только затем возводилось массивный полусферический холм.

Подкурганные конструкции. Под насыпью обычно встречается ровная древняя дневная поверхность. Новейшие раскопки в Кочкорском, Алайском районах и в бассейне реки Нарын показали аналогичные ранее открытым археологами в других регионах Кыргызстана и на сопредельных территориях признаки подкурганных погребальных конструкций сезонных кочевников, полукочевников и земледельцев второй половины I тыс. до н. э. К ним относятся наличие под насыпью – на уровне древней дневной поверхности горизонта кольцевидной каменной выкладки. Она окружает непосредственно площадь могильной ямы или же предела кургана. Каменные кольца, кольцообразные выкладки, отмеченные под насыпью, характерны для многих кочевнических, полукочевнических, земледельческих культур Евразии – от Монголии, Саяно-Алтая до Восточной Европы. Например, следует упомянуть единичные факты из Алтая: под насыпями имелись кольцевые выкладки (кольца-стенки, кольца-крепиды) [Тишкин, 1994, с. 94].

В течение последних десятилетий нами были открыты ранее неизвестные подкурганные сооружения. Одним из его видов является

каменная конструкция в виде полусферы (юрты), сооруженная в центре кургана, над внутримогильной конструкцией. Только после завершения возведения полусферы насыпался могильный холм. Об обнаружении подобной конструкции между Чаткальской и Таласской долинами нам сообщал в 1987 году археолог Ы. Кожомбердиев. Позднее, в 1987 – 1988 гг. аналогичные сооружения были исследованы в Кочкорской долине под руководством А. Абетекова. Автор принимал непосредственное участие в этих археологических работах. О широком распространении каменных сооружений аналогичной формы свидетельствуют и разрушенные объекты Прииссыккуля.

Кроме указанных элементов, перед возведением насыпи курганов мог иметь место обычай оставления символических знаков. Например, в могильнике Чон-Дёбё, при снятии насыпи был обнаружен вертикально установленный в центре кургана восьмигранный деревянный столб, длиной около 2 м.

Изучение насыпи курганов в отдельно взятых могильниках дает возможность проследить о сооружении массивных могильных холмов в течение нескольких лет (Бугучу, Кочкорская долина). Между слоями есть темные границы, вероятно образованные остатками заросшей травы. Вначале над могилой сооружалась небольшая насыпь, затем каждый год насыпался могильный холм.

Открытие девяти кольцевых конструкций на уровне дневной поверхности в Беловодском кургане показал что, в будущем можно ожидать еще множество неизвестных конструкций оказавшихся под могильным холмом [Абдыканова, Солтобаев, 2022].

Сейчас выявляются все новые факты о близости характера подготовки погребальных сооружений, отправления церемонии провода умерших в предгорьях Тянь-Шаня, Ферганского хребта и Алая. Погребальное и ритуальное комбинированное сооружение было исследовано могильник Жылгын, в бассейне реки Гульчо, на Алае. На западной стороне кургана оформленного особым образом, примыкало овальное в плане сооружение длиной 12 м, шириной 7 м, глубиной до 1,20 м. Внутренняя часть этого полуземляного сооружения облицована каменной кладкой. В центре находилось квадратной формы сооружение, где возжигался огонь, о чем свидетельствует зольный слой толщиной до 40 см (?). Исследованная нами группа курганов и погребально-ритуальный комплекс в могильнике Жылгын, в бассейне р. Гульчо представляет научный интерес не только для познания погребального обряда, но и для раскрытия неизвестных процессов связанных с проводами умерших. [Табалдиев, Бозер, 2000].

Подземное каменное сооружение было вскрыто при раскопках могильника эпохи раннего железного века на Сан-Таше, в восточной части оз. Иссык-Куль. Внутренняя часть сооружения облицовано каменной многогранной кладкой. Обнаружение на территории Иссык-Куля кладов из бронзы на отдельном участке вблизи могильников на глубине до 2 м позволяет полагать о существовании специальных сооружений в виде полуземлянок или подземных сооружений, связанных с церемонией погребения умерших. [Табалдиев К.Ш. Расположение погребально-поминальн... <http://www.archeo.ru>].

Внутримогильные сооружения. Могильные ямы. Общеизвестно, что основная часть погребений второй половины I тыс. до н. э. совершались в обычных грунтовых могильных ямах, после положения покойного, они сверху поперечно перекрывались скальными плитами, бревнами. Эта традиция, возникнув в эпоху бронзы, долго эволюционировалась, вплоть до этнографической современности, но не являлась единственным массовым, широко распространенным способом.

Выкопанные в земле грунтовые могильные ямы были основным, наиболее распространенным типом внутримогильных сооружений I тыс. до н. э. Длина их доходила до 2 м, ширина до 1 м. Они перекрывались поперечно удлиненными, плоскими валунами или скальными плитами. Для положения в стенке могильной керамического сосуда пробивались ниши. Ниши готовились на уровне дна могильной ямы или выше. Иногда ниши отсутствуют.

Каменные ящики. Сооружение каменных ящиков характерно для отдельных групп могильников и для курганов знати. Наиболее характерные образцы внутримогильных сооружений в виде каменных ящиков наблюдались в могильниках Туура-Суу (Тон) и Бугучу, Асабай-Акун (Кочкор) [Абетеков, 2009. – С. 9-25]. Они были сооружены из отборных скальных плит и массивных речных валунов. Длина ящиков достигает до 4,5 м, ширина почти до 1 м. Часть каменных ящиков сбоку имеют пристройки – «ниши» для положения символической пищи и погребального инвентаря.

Происхождение каменных ящиков связано с аналогичными сооружениями эпохи поздней бронзы и раннего железного века. Свидетельством чему могут быть представлены данные из могильников Жел-Арык (Кемин) и Кичи-Ача (Ат-Башинская долина [Мокрынин, Гаврюшенко, 1975]).

Обряд погребения. Все описанные в научных публикациях погребения исследованные в Кыргызстане совершены по обряду трупоположения (ингумация). Умершие положены в могильную яму в вытянутом положении

на спине. Преобладают погребения, головой ориентированные в сторону западного сектора.

Около погребенных обычно встречаются керамические посуды и погребальная пища и. Погребальный инвентарь соответствует половой принадлежности покойных. В женских погребениях нередко можно встретить дисковидное пряслице, бронзовые шпильки, хозяйственный нож, бронзовые зеркала и т.д.

Для курганов этого времени характерна каменная выкладка, округлой формы, в центральной части видно каменное сооружение овальной формы, вытянутое по длине оси по линии ВЗ. В раскопках нам встречались удила со стремявидными окончаниями и с дополнительным отверстием, удила со стремявидными окончаниями без дополнительных отверстий, с кольчатым навершием и кольчатым псалием. К удилам присоединялись псалии двух видов: обычные стержневые с тремя отверстиями и фигурные псалии.

Анализ погребальной пищи, представленной в археологическом материале костями животных, указывает на устойчивые традиции этого ритуала. Этому, мало описанному элементу погребального обряда, посвящено отдельные работы [Табалдиев, 2013].

Кроме этого, в музейных коллекциях имеются предметы конской сбруи (удила со стремявидными окончаниями, распределители уздечного ремня), бронзовые котлы, жертвенные столы, относящиеся к истокам сакского культа огня. К сожалению, последние являются случайными находками и довольно трудно их связать их с определенными типами погребений или культовыми объектами.

В последнее десятилетие соискателю удалось собрать и проработать с новыми коллекциями бронзовых предметов, поступившими в фонд Национального исторического музея Кыргызской Республики. В их число входят бронзовый шлем, кинжалы-акинаки, жертвенник. Шлем не имеет прямых аналогий среди бронзовых защитных боевых наголовий из памятников бронзового и раннего железного веков степной полосы Евразии. Сфероконический асимметричный купол шлема с наушами и назатыльником напоминает типичный скифский или сакский головной убор – островерхий колпак, башлык или кулак. Это сходство не оставляет сомнения в том, что скифские сакские головные уборы могли послужить прототипами для создания такого шлема. Судя по технологии и материалу, форме купола и конструктивным деталям, шлем отнесен к культуре саков Тянь-Шаня и соответственно датирован VI – III вв. до н.э [Худяков, Табалдиев, 2001, с.101-107]. Этот новый тип бронзовых шлемов, имеет важное значение для реконструкции комплекса защитных средств древних кочевников.

Характерный для саков Тянь-Шаня и по форме восходит к традиционным для древних кочевников островерхним войлочным шлемам.

Культура населения Тянь-Шаня в первой половине I тыс. н.э.
Одним из переломных этапов в судьбе кочевых объединений стала эпоха интенсивного переселения кочевых объединений из восточных регионов Центральной Азии, начавшаяся во III веке до н. э.

На территории Тянь-Шаня и Притяньшанья, согласно историческим сведениям, археологические памятники хуннского (или *хуннуского*) времени могли быть условно разделены в два периода: первое – со времени усиления центральноазиатских хуннов с III в. до н. э. до рубежа н.э. и второй – с начала продвижения «северных хуннов» из Джунгарии и Восточного Тянь-Шаня на запад (II – V вв. н. э.). Указанные события, упомянутые в письменных источниках, пока не полностью нашли соответствующее в археологических источниках. Однако они могут быть выявлены в ходе дальнейших исследований погребальных памятников, погребального инвентаря, физической антропологии, генетики и т. д.

Процессы ослабления политической власти хуннов, усиления других кочевых, полукочевых объединений и сильных государств привел к глубоким этнополитическим изменениям в регионах, на которые распространялась власть хуннов или же, куда перемещались крупные объединения кочевников под натиском хуннов. Указанные процессы оставили своеобразные археологические свидетельства в различных регионах, которые отражены в погребальных памятниках и в находках, обнаруживаемых в них.

В эпоху Великого переселения народов отмечаются изменения в планиграфии курганов могильников. Часто наблюдается сосредоточение рядовых курганов вокруг больших [Бернштам, 1952, рис. 29]. Эти признаки ярко отражены в планиграфии могильников Бурамачап (Арпа), Туяк (Алай), Ала-Мышык (Нарын). Судя по ним, большие курганы не сильно обособлены от рядовых курганов, напротив, рядовые окружают большие курганы. Тем самым в больших могильниках, как Мин-Дёбё (долина Кетмен-Тёбё) демонстрируются продолжительную по времени сплоченность, близость родственных связей оставивших их населения.

Вместе с тем, опираясь на археологические материалы, полученные в ходе разработок могильника Суттуу-Булак читаем что, расположение курганов сако-усуньского времени в цепочку, по линии север – юг не исчезло в первой половине I тыс. н. э. (1670 ± 30 (^{14}C)). В этом просматривается некая этническая и культурная связь между местными и мигрировавшими извне этносами.

Одним из вновь отмеченных и четко прослеживаемых, элементов погребального обряда можно считать наличие вокруг отдельных курганов рвов, квадратной формы, которые образованы за счет выноса земли для возведения насыпи курганов. В отдельных могильниках на углах курганов замечаются аккуратно оформленные перемиčky правильной квадратной формы, в других они имеют просто округленные углы.

Одним из характерных элементов погребального обряда рассматриваемого времени являются остатки древесного угля, как правило обнаруживаемые во время раскопок под насыпью. В отдельных курганах после снятия насыпи, на уровне древней дневной поверхности обнаружены остатки обгоревших деревянных бревен (Туюк). Этот факт свидетельствует о роли у кочевого населения огня в погребальном обряде населения Тянь-Шаня и Алая этого времени. Судя по этим находкам, можно предположить, что после засыпания могильной ямы и перед возведением насыпи совершался обряд с использованием огня.

Наличие следов огня в насыпи в памятниках дохуннского времени нам не известно. В тюркское время отмечаются следы огня под курганной насыпью. Это, на наш взгляд, говорить о продолжении данной традиции в среде тюркоязычных народов Тянь-Шаня.

Внутримогильные сооружения. Исследователи единодушно отмечают, что наиболее характерной чертой курганов рассматриваемого периода является наличие под насыпью погребальных сооружений в виде катакомб и подбоев. В разных районах Тянь-Шаня и сопредельных районах выделяются наиболее достаточно характерные виды подбоев и катакомб. Например, в Таласской и Кетмень-Тюбинской долинах раскопаны катакомбные могилы с длинными (до 16 м) перпендикулярными входными ямами. Такие курганы с длинными дромосами известны в Восточном Туркестане и в курганах бассейна р. Арысь Казахстана. Катакомбные курганы с длинными, перпендикулярно расположенными дромосами, пока на территории Внутреннего Тянь-Шаня и Прииссыкуля не обнаружены.

В первой половине I тыс. н.э. потомки населения сако-усуньского времени продолжали соблюдать параллельно свои традиции, а именно хоронить своих умерших в обычных грунтовых ямах, перекрытых каменными плитами. Об этом свидетельствуют результаты анализа радиоуглеродного датирования (^{14}C) полученные при исследовании органических материалов из курганов в могильнике Чет-Келтебик (Ат-Башинская долина). Памятник, условно названный усуньским или сако-усуньским курганом с погребениями в грунтовой яме с каменными перекрытиями в бассейне р. Чет-Келтебик датирован V – началом VI в. н. э.

(1575 ± 30; 430-540AD; 410-560AD). Керамические чаши и кружки идентичны сако-усуньским. Обычно, такие курганы и сосуды сопоставлялись с материалами прежних раскопок и датировались периодом, между II вв. до н. э. – II (III) вв. н. э.

В течение нескольких лет мы ведем наблюдения над органическими материалами животных, обнаруженных рядом с умершими. Они являются остатками символической, ритуальной «пищи для умерших». Выявлены виды костей, характерных для каждой эпохи кочевников. В рассматриваемую эпоху рядом с умершими клали различные части туши барана (бедренную кость, лопатку, хвостовых позвонков и т.д.). Но, в отличие от других эпох, в исследованных нами курганах помещались одна рубленая часть тазовой кости барана. Важно, что именно эта кость встречается в различных курганах, т. е. в курганах племен, которые хоронили в подбоях, катакомбах, обычных грунтовых могильных ямах в рассматриваемую эпоху. Положение этой кости встретилось в кургане «с угловыми камнями» II – IV вв. н. э. Этот факт, в определенной степени указывает на близость погребальных ритуалов кочевников, которые хоронили умерших в различных погребальных сооружениях. Эта близость в особенностях погребального ритуала могла сформироваться в период совместного проживания на данной территории. Если традиция положения половины тазовой кости барана встречается в различных группах курганов, то можно сделать вывод о том, что это, наверное, было достаточно мирное сосуществование, которое привело слиянию их традиций, возможно, даже к ассимиляции различных этнических групп. В другой ситуации, элементы погребального обряда не могли быть заимствованы.

При исследовании курганов эпохи Великого переселения народов в могильнике Чон-Дёбё (Сон-Куль) Тянь-Шаня, также была обнаружена рубленая часть тазовой кости, в основном, в детских, младенческих погребениях. В других могильниках такой материал встречается во взрослых погребениях (Кароол-Добо, Мечит, Уч-Курбу).

Мы попытались проследить причину положения рубленной кости на основании этнографических параллелей. У кыргызов до сих пор сохранился один обычай, связанный с положением запертого замка рядом с умершим. Его клали, когда в семье повторялись смерти, особенно смерти детей, считая, что теперь смерть станет бессильной и не повредит живым, так как заперта на ключ.

У отдельных групп кыргызов сохранилась одна малоизвестная традиция, суть которой заключается в следующем. После того, как мясо съедено, замкнутую часть тазовой кости следует разрывать, чтобы она не оставалась целой. т.е. не следует оставлять целой. Вероятно, это также связано

от боязни смертей близких родственников. Возможно, замкнутый круг, символизировавший повторные смертные случаи, детские смерти, требовал определенных предотвратительных действий. Исходя из приведенного примера, мы полагаем, что, некоторые традиции эпохи Великого переселения народов, позднее трансформировались, получили новую форму и дожили до этнографической современности.

Курганы с угловыми камнями. Опыт наших исследований показал, что в предгорной части Иссык-Кульской котловины встречаются курганы со своеобразными конструкциями намогильных, внутримогильных сооружений, керамических сосудов. Курганы этой группы обычно имеют вид подквадратной или редко округлой в плане формы. Отличительной чертой таких курганов является наличие в массивных валунов поставленных обычно в вертикальном положении «угловых вертикальный камней» по углам каменных курганов. Курганы аналогичной формы нами были зафиксированы нами пока исключительно в предгорных частях Прииссыккуля. Они условно названы нами курганами «с угловыми камнями» эпохи Великого переселения народов. Эталонным памятником курганов такого типа сегодняшний день является могильник Уч-Курбу, расположенный в правом борту р. Тосор (Иссык-Кульская котловина).

В 2000 году во ходе разведывательных раскопок раскопок мы обратили внимание пристроенные друг к другу каменные курганы квадратной формы. При раскопах одного из них в могильной яме было обнаружено погребение усопший находился в вытянутом положении, головой ориентирован на север. Справа в области плеча были замечены остатки истлевшего дерева удлиненной формы, напоминающего деревянный столик прямоугольной формы без ножек. Аналогичные по форме деревянные столики встречались в памятниках первой половины I тыс. н.э. Согласно этому, был памятник предварительно датирован этим же временем.

Курганы, «с угловыми камнями» в могильнике Уч-Курбу встречаются в ложбинах, на увалах, гребнях гор. В этой местности отмечено таких 14 участков местности. Чаще всего они пристроены друг к другу. Не отмечено определенной закономерности по размещению их в пространстве. Например, ориентация пристроенных курганов строго по линии север – юг или восток – запад. Создатели в первую очередь учитывали рельеф местности, для них были важны размещение курганов на гребнях гор, на террасах рек т.е. относительно высоких местах.

Курганы «угловыми камнями» имеют квадратную или прямоугольную форму. По углам курганов находятся вертикально установленные массивные продолговатые камни. В настоящее время часть таких вертикальных камней

находятся в заваленном состоянии. Часто встречаются группы таких курганов, пристроенных друг к другу. Нами они выявлены в северной и южной предгорных частях Иссык-Кульской котловины, в следующих пунктах: Алабаш, Тосор, Дархан, Орнок, Чолпон-Ата. Курганы аналогичной конструкции – углы прямоугольным основанием обозначенные не очень крупными камнями, были исследованы Л. П.Зяблиным в северной предгорной части Иссык-Кульской котловины [Зяблин, 1959, 140, 145, 152-153]. В 2022 году курганы «с угловыми камнями» были обнаружены в Кочкорской долине Внутреннего Тянь-Шаня.

В настоящее время необходимо их научное датирование с целью подтверждения или опровержения нашего предположения, что группы кочевников, которые оставили курганы «с угловыми камнями» сосуществовали на одной территории с населением кенкольской культуры, с усунями. Опорными элементами для датирования могут послужить – наличие в преребениях деревянных столиков, наличие около погребенных половины тазовой кости и наличие деформации в отдельных черепках погребенных.

Указанные элементы погребального обряда характерны для кенкольского типа памятников. Племена, оставившие рассматриваемые своеобразные курганы не жили изолированно, о чем свидетельствуют сходные элементы погребального обряда. Эта близость подтверждена результатами при анализа постоянного состава погребальной пищи, представленной тазовой костью, хвостовыми позвонками барана.

Особо следует отметить, что вертикальные угловые камни на углах курганов были замечены и среди других курганов эпохи Великого переселения народов. В могильнике Чон-Добо на Сон-Куле, в могильнике Ала-Мышык в бассейне р. Нарын и в Суттуу-Булаке вблизи Кочкорской долины они не составляли особой, обособленной группы, а находились среди курганов, обычными округлыми земляными, каменно-земляными насыпями. Вероятно, последние являются могильниками представителей племен, оставивших курганы «с угловыми камнями». Они могли быть ассимилированы и войти в состав племен, хоронивших своих умерших в подбоях. Есть случаи обнаружения одиночных курганов или групп, состоящих из двух или трех курганов «с угловыми камнями». В настоящее время численность выявленных курганов этого типа постоянно растет.

Пристроенность курганов друг к другу также указывает на единство их комплексов. Вероятно, каждая группа пристроенных курганов является указанием на родственные связи, т. е. в каждой группе курганов покоятся члены различных поколений одной семьи или одного рода.

Выделение курганов «с угловыми камнями» в качестве определенного типа открывает открываются новые возможности для целенаправленного исследования материальной и духовной культуры племен – представителей «субкультуры», оставивших их. В ближайшем будущем образцы из посткраниологических материалов будут предоставлены для проведения генетических исследований. По-нашему мнению, это могли быть одним из этнических групп, пришедших из восточных регионов Центральной Азии или же их культура формировалась на данной территории в эпоху Великого переселения народов. В это время они сосуществовали в близком соседстве с кенкольцами, усунями и в эпоху раннего средневековья были ассимилированы в среде тюрков, о чем свидетельствует наличие в одном из каменных четырехугольных курганов Кой-Суу захоронение человека с конем. Погребение с конем является одним из характерных признаков курганов тюркоязычных племен раннего средневековья (VI – IX вв. н.э.).

Имеют характерные отличия сосуды из курганов «с угловыми камнями» (Уч-Курбу, Токчулук). В них представлены плоскодонные чаши с вертикальными, расширяющимися кверху стенками. Есть сосуды горшковидные с незначительно раздутым туловом и примазанной ручкой.

При этом нельзя утверждать, что большие чаши с вертикальными стенками как в Уч-Курбу не встречаются в других регионах, они представлены единичными экземплярами. Здесь пока не встречены высокие горшки, с широкой горловиной. При изучении керамических сосудов из погребений следует учесть, что керамические сосуды из Внутренних долин Тянь-Шаня сопоставимы с материалами Прииссыккуля, Чуйской долины, а керамические изделия из Таласской долины отличается большим разнообразием. Среди них встречаются сосуды, аналогичные сосудам арысской культуры юга Казахстана.

Таким образом, на территории Тянь-Шаня в эпоху Великого переселения народов в процессе миграций проникали своеобразные культурные элементы. Местные и пришлые культуры в результате совместного проживания формировали различные типы погребальных сооружений. Этот процесс определял ход формирования элементов материальной культуры путем взаимовлияния культур различных этносов. Они заимствовали друг у друга отдельные элементы погребальной традиции.

Особую группу находок составляют амулеты, изготовленные из когтей беркута, челюсти собаки (?) и кабаньих клыков. Несомненно, их ношение связано с особенностями религиозных представлений, бытовыми традициями населения, оставивших его рассматриваемые памятники.

Прослеживаются связи населения Тянь-Шаня первой половины I тыс. н. э. с западными регионами, вплоть до Восточной Европы. В археологическом

материале часто встречаются украшения, изготовленные в полихромном стиле. Такого рода изделий изготавливались на различных территориях Евразии [Засецкая, 1994, с. 68 – 69]. В гуннскую эпоху формируется особый стиль, впитавший в себя различные этнокультурные элементы.

Для эпохи Великого переселения народов характерны и другие предметы, которые были обнаружены в ходе раскопок. В их число входят различные предметы женского туалета, изготовленные из камня – специальная палочка для раскрашивания (сурмления) бровей, деревянные столики, перстни-печатки.

В эпоху Великого переселения народов происходят значительные изменения в военном деле кочевников. Это четко прослеживается в облике железных наконечников стрел и в конструкции луков. В ходе археологических раскопок были найдены костяные и роговые накладки (срединные, концевые, фронтальные срединные), подтверждающие о распространенности сложносоставных луков. Нам удалось реконструировать сложносоставной лук найденного в могильнике Уч-Курбу. В эту эпоху наибольшее распространение получают железные трехлопасные наконечники стрел. Однако на Тянь-Шане ярусные типы железных наконечников стрел не обнаружены. Наличие в археологическом материале ярусных наконечников стрел мог бы сыграть определенную роль при прогнозировании присутствия хуннского вооружения.

Если в ранних исследованиях особое внимание было обращено на миграцию кочевников с востока на запад, то в исследованиях последних лет выявляются культурные элементы, проникшие с западных земель на восток. Например, об отдаленных связях такого рода свидетельствуют «крестовидные» косые знаки на язычке пряжек. Косые крестообразные знаки на пряжках встречались на ременных и обувных пряжках в Крыму (Боспор) [Засецкая, табл. 12], Северо-Восточном Причерноморье (Дюрсо) [Дмитриев, 2003, табл. 79], в памятниках, датированных первой половиной V века – , концом V в. н. э. Появление бронзовых пряжек с косым крестовидным знаком очевидно связано с указанными выше западными территориями. Это могло быть как с экономическими связями и миграционными процессами групп кочевников в обратном направлении.

Согласно данным письменных источников, такого рода памятники могли быть оставлены потомками саков, усуней, юэчжами, кангюйцами и центральноазиатскими хуннами. Происхождение многих из них связано с восточными регионами Центральной Азии. Так, катакомбные погребения кенкольников первоначально А. Н. Бернштамом определялись как гуннские. Целенаправленное исследование предметов вооружения И. К. Кожомбердиевым и Ю. С. Худяковым доказало предметах вооружения

принадлежащих кенкольцам и хуннам [Кожомбердиев, Худяков, 1987, с. 75-106]. В последнее время Ю. С. Худяков и В.П. Никоноров после сопоставления предметов вооружения кенкольников с изображениями воинов на Орлатской пластине (Ташкентский оазис) предполагали связь кенкольников с кангюй [file:///C:/Users/User/Downloads/7669274%20(1).pdf].

Антрополог С. С. Тур, исследовав краниологический материал, пришла к выводу, что среди кенкольников не прослеживаются признаки антропологических типов центральноазиатских хуннов. Но центральноазиатские монголоидные признаки, характерные для хуннов, имеются в материалах из долины Кетмень-Тюбе. Поэтому, на наш взгляд, следует обратиться к детальному рассмотрению археологических и краниологических материалы Таласской и Кетмень-Тюбинской долин. Этнический состав населения на этих территориях мог быть различным и объединение всех артефактов лишь вокруг кенкольской культуры представляется нам искусственным и преждевременным.

До настоящего времени на Тянь-Шане не отмечено неопровержимых центральноазиатских хуннских влияний. Однако, носителями редких хуннских элементов могли быть хунны, которые в результате политических событий частично проникали (инфильтровались) в состав местных племен. Например, сообщается, что в 98 г. до н.э. после сражения усуньского куньмо Унгуйми с хуннами было взято в плен до 40 000 хуннских воинов [Бичурин, Бартольд].

Позднее, часть кочевых племен, после эпохи Великого переселения народов вошли в состав тюрков и начался процесс активного взаимовлияния. Например, тюрки перешли к обряду захоронения с конем.

«Курганы с усами». В период археологических исследований нам удалось обнаружить среди памятников эпохи Великого переселения народов - курган «с усами». Курган обнаружен в восточной части Кочкорской долины, на ровном участке отдельной возвышенности. Он имел каменно-земляную насыпь диаметром 15 м. С двух сторон от кургана к востоку тянулся ряд камней, на концах которых находились небольшие кучи камней. Курган оказался полностью разграбленным. В центральной его части находилась могильная яма. В ней, кроме трубчатой человеческой кости, ничего обнаружено не было. В центральной части зафиксирована толща золы, свидетельствующая о обильном ритуальном процессе захоронения с использованием огня. В тоще золы был найден изогнутый трубчатый предмет из золота с шаровидным навершием. По всей вероятности, предмет являлся навершием какого-то предмета ритуального назначения – жезла. Это пока единственное обнаруженное и исследованное погребение на Тянь-Шане курган «с усами». Несмотря на то, что этот памятник является на

сегодняшний день единственным источником информации о курганах «с усами», внешняя конструкция позволяет его уверенно включить его в разряд такого рода курганов.

Обнаруженный нами в Бел-Сазе объект расширяет границы распространения культуры курганов «с усами». Они, по археологическим свидетельствам, известны на территории Центрального Казахстана, в Приуралье [Маргулан, 1966, с. 309; Бейсенов, 1993, с. 59; Боталов, 2009, глава 6; Свиридов, 2003, 31-32].

Исследованный нами курган был предназначен для совершения погребения останков умершего - вероятно, знатного или духовного лидера общества. В центре кургана находилась растревоженная в древности могильная яма. Наличие зольного отложения на площади кургана свидетельствует о культово-ритуальном назначении данного объекта. Можно полагать что, зольное отложение является результатом частью поминального обряда, во время возжигался огонь. Нахождение объекта на самой вершине возвышенности, обращение на восток его отрогов – «усов», яркое свидетельство почитания населением ими значимого в восточном направлении объекта – солнца, которое играло первостепенную роль в погребальных и ритуальных церемониях.

В Центральном Казахстане подобные курганы включались в круг памятников ранних кочевников [Маргулан, Кыдырбаев 1966, с. 99]. С тех пор границы распространения курганов «с усами» значительно расширились. Позднее, после открытия и исследования кургана в могильнике Канаттас и Зевакино, датировка курганов «с усами» изменилась. Есть сведение о наличии такого рода курганов на Южном Урале. По мнению И.Э. Любчанского, курганы «с усами» имеют широкую датировку и их сложно связывать с каким-либо определенным этносом [Любчанский, 1998, с.]. Исследованный курган в Кочкорской долине, представляет пока самую южную границу распространения курганов «с усами» в Евразии. Как уже было сказано они являлись специально оформленным, общераспространенным в среде кочевников, в широкой Евразийском масштабе, типом курганов для знатных личностей. Из вещественных источников единственным материалом для сравнительной датировки является пока золотое навершие обнаруженное в кургане. Предварительно находка датируется первой половиной I тыс. н. э.

После эпохи Великого переселения народов отмечаются значительные перемены в облике культуры населения Тянь-Шаня и сопредельных территорий. Вместе с тем сохранился и ряд элементов предшествующей материальной и духовной культуры – населения – эпохи Великого переселения народов. Согласно археологическим данным можно полагать о

параллельном развитии культуры части кочевников и пришлых тюркских племен периода Первого Тюркского каганата (552–603 гг). Пришлые в раннесредневековые тюрки Алтая являлись носителями совершенно культуры иного облика. Для них было характерно захоронение человека с конем, сооружение каменных изваяний с оградками и т. д.

Раздел III. Поселения эпохи раннего железного века.

На территории Кыргызстана архелогамы были открыты поселения раннего железного века, усуньского времени, однако систематических исследований не проводилось.

В последние годы нами были обнаружены и начаты комплексные исследования поселений эпохи бронзы, раннего железного века, средневековья и проведение археоботанического, зооархеологического, изотопного, палинологического, генетического анализов. Впервые был применен изотопный анализ останков людей и животных. Начато комплексное изучение земледельческих хозяйств древних племен.

В физико-географическом отношении межгорные и предгорные зоны Кыргызстана обладают всеми экологическими условиями, которые могут благоприятствовать развитию и ведению населением параллельно как скотоводческого, так и земледельческого хозяйства. На сегодняшний день на Тянь-Шане и Притяньшане имеются ряд археологических свидетельств о развитии земледельческих культур в эпоху бронзы и в эпоху раннего железного века.

Первые материалы, свидетельствующие о наличии у населения Притяньшанья земледельческого хозяйства, были обнаружены в ходе раскопок селищ и курганов усуней в Чуйской долине. Они датировались усуньским временем, т. е. последней третью I тыс. до н. э. и началом I тысячелетия н. э. (Тереножкин, 1938; Воеводский, Грязнов, 1938). Археолог И. К. Кожомбердиев временами обращался оседлым поселениям древности. Он писал: «Оседлые поселения в долине Кетмень-Тюбе известны с эпохи бронзы. Поселения эпохи сакского и гуннского времени специально не изучались. Однако обнаруженные отдельные глиняные хумы в насыпи сакских курганов и в катакомбных погребениях, а также многочисленная керамика из поселений вблизи могильника Алмалуу на территории Торкена аналогичны глиняным сосудам из катакомбных захоронений Кетмень-Тюбе, что несомненно свидетельствует о существовании оседлых поселений в этот период» [Кожомбердиев, 1977, с. 23-24].

Раскопки одного из поселений были произведены А. К. Абетековым в долине р. Чу, недалеко от г. Кара-Балта. Стены помещения по всему периметру глинобитные, в центре сохранились остатки очага в виде слоя золы толщиной 8 см. Вокруг очага разбросаны обломки керамики, кости животных, здесь же были обнаружены три хозяйственные ямы разных размеров, глиняное пряслице. В поселении также были найдены обломки каменных зернотерок (Абетеков, 1970, с. 67 – 70).

О развитии земледелия в Прииссыккулье еще в VIII – VII вв. до н. э., т. е. ко времени начального этапа формирования культуры саков, свидетельствовали обнаруженные серповидные каменные ножи чувствского типа. Авторы подводных исследований, проведенных в акватории оз. Иссык-Куль, В. Мокрынин и В. Плоских указывают на то, что весь облик материальной культуры городища Сары-Булун (особенно керамика, орудия труда из камня, бронзовые серповидные ножи) очень близок облику материалов древнеземледельческих поселений I тысячелетия до н. э. Ферганы, Ташкентского оазиса и Восточного Туркестана (Мокрынин, Плоских, 1989, с.78).

Поселение Чап. Одним из важным объектом, предоставившим важные сведения об оседлом образе жизни населения этих территорий, стало поселение Чап, расположенное в восточной части Кочкорской долины. Обнаруженное впервые в 1992 году поселение находилось в восточной части возвышенности Чап. Во время зачистки площадей найдены каменные песты, точильный брусок, обломки каменных серпов, обломки костей домашних животных. Среди костей чаще всего встречались челюсти, трубчатые кости мелкого и крупного скота (лошадь, баран, коза). Наибольшую часть находок составляют изделия из керамики, это фрагменты керамических сосудов ручной лепки различных форм.

Судя по обнаруженному керамическому материалу, поселение Чап было оставлено родственным населением, органически связанным с сезонной кочевой культурой. Значительная часть керамики из поселения Чап по технике изготовления наиболее характерна для керамических изделий «кочевников» этой же местности. Они круглодонные, практически идентичны керамике, обнаруживаемой в погребениях кочевников. Материалы памятника Чап включают и плоскодонные керамические сосуды. В незначительном количестве встречаются обломки керамической посуды с гладкой качественно ангобированной (крашенной) поверхностью.

Опираясь на изучение остатков керамической посуды, был сделан вывод о том, что производство керамических изделий играло в жизни населения Чап большую роль. Ими изготавливалась толстостенная массивная посуда,

керамические котлы с ручками. В поселении Чап было раскрыто недостающее звено, связывающее культуру населения эпохи поздней бронзы и раннего железного веков.

Полученный материал свидетельствует об уникальности исследуемого объекта. Во-первых, фрагменты керамических изделий позволили проследить признаки двух исторических эпох. Здесь обнаружены керамические изделия, по форме напоминающие сосуды эпохи бронзы. Кроме этого, здесь есть и круглодонная посуда, характерная для кочевнической среды. Доисследование памятника позволит проследить наиболее проблематичный, мало освещенный период археологии Кыргызстана. Например, могут быть получены новые сведения о характере комплексного хозяйства в предгорных зонах Внутреннего Тянь-Шаня.

Предварительные выводы об археологическом материале, полученном в ходе раскопок 1992 года и 2002 – 2003 гг. были опубликованы в рамках Первого международного конгресса тюркской цивилизации («Роль и место тюркской цивилизации среди других цивилизаций». Бишкек, 2004)

В настоящее время памятник Чап приобретает значение информативного объекта, здесь еще предстоит комплексно исследовать многоплановую культуру земледельцев, скотоводов, гончаров и особенности их погребального обряда. Самые нижние слои органического материала (на глубине 2,80-3,20 м) согласно методу радиоуглеродного датирования (^{14}C) указывают на промежуток следующих дат: 3909 ± 29 (код лаборатории - FTMC-SH26-3); 3870 ± 28 (FTMC-SH26-4); 3837 ± 30 (FTMC-SH26-5); 3834 ± 29 (FTMC-SH26-2); 3831 ± 30 (FTMC-SH26-1). По погребению уложенное на спину с согнутыми ногами получена дата 3913 ± 28 (FTMC-SH26-6). За время международной экспедиций были получены образцы для палеоботанического, палеозоологического исследований. По их результатам получено более 20 радиоуглеродных дат. Данные исследований опубликованы [].

Поселение Тосор. Поселение эпохи поздней бронзы и раннего железного века было обнаружено во время исследования курганов эпохи Великих переселений народов на правой высокой террасе р. Тосор обозначены следы поселения эпохи поздней бронзы и раннего железного века. Период датирования объекта определялся на основе керамического материала – горшков характерных для памятников андроновского круга. На западной части террасы на глубине 30-70 см обнаружены остатки круглодонной керамической посуды, а также каменные зернотерки. Кроме этого, здесь были обнаружены зернотерки. Эти находки подтверждали, что здесь находилось поселение эпохи бронзы и раннего железного века т.е. поселение было обитаемо в бронзовом веке и, вероятно, жизнь продолжалась

в эпоху раннего железного века. После того, как поселение прекратило свое существование, данный участок в первой половине I тыс. н.э. был превращен в кладбище.

Поселение Туяук. Одним из важных объектов для изучения ранних поселений высокогорных долин является поселение Туяук. Данный объект был обнаружен на правой высокой надпойменной террасе р. Гульча, в Алайском районе [Табалдиев, Бозер, Москалев, Солтобаев, 2002, 2003].

Доисследование таких поселенческих объектов, как Чап, Уч-Курбу и Туяук перспективны для изучения культуры оседлых поселений и разработки проблем, связанных с переходным периодом от эпохи поздней бронзы к раннему железному веку, а также для изучения связей сезонных кочевников с земледельческой культурой.

Проведение археоботанических исследований выявленных остатков зерновых культур (ячмень, пшеница, просо) в поселениях эпохи бронзы Тосор, Чап открыло новые перспективы для исследований в этом направлении. Новые материалы полученные специалистами археоботаники, палеозоологии, позволяют развивать уже сложившиеся существующие научные концепции и формировать новые актуальные положения о хозяйстве и сезонных кочевников (скотоводов) и об их неразрывной связи с представителями своего же круга, которые вели полуоседлое, оседло-земледельческое хозяйство и родственными им сообществами, занимающимся кустарным производством: гончарным делом, обработкой дерева, металлом, ювелирным делом и т. д. Ранее на Тянь-Шане разновременные поселения комплексно, с привлечением специалистов археологов и естественных наук (археоботаников, палеозоологов, палинологов, генетиков) не исследовались. В настоящее время с помощью метода радиоуглеродного датирования (^{14}C) впервые на поселениях были выделены ранние и поздние периоды эпохи бронзы, а так же переходного периода от эпохи бронзы к раннему железному веку (Уч-Курбу, Чап).

Ранее археологами были выявлены поселения раннего железного века, усуньского времени, но систематических исследований не проводилось. Привлеченные данные, полученные в ходе раскопок жилищ, поселений, городищ средневековья, приписывались исключительно согдийцам. Плановые исследования древних поселений, гончарного, металлургического производства, не проводились. Необоснованно замалчивался процесс оседания части населения раннесредневековых тюркоязычных этносов в предгорных зонах Тянь-Шаня, хотя были сведения о городском некрополе городищ Красная-Речка и Бурана погребения представителей тюркоязычных

этносов с конем. Несмотря на это, этот вопрос был кратко освещен в истории Кыргызской ССР (1984, с.267, 336).

Предметы конского снаряжения, обнаруженные в ходе раскопок на территории средневековых городищ, кости домашних животных, обнаружение зерен фруктов и зерновых культур свидетельствуют о деятельности населения, ведущего комплексное хозяйства в и за пределами городов. Письменные источники свидетельствуют о двуязычности населения крупных городов. Общеизвестно, о протекании вековых процессов синкретизма культур между тюркоязычных этносов и согдийцев (Кашгари,). Расстояние между средневековыми городами и межгорными долинами Тянь-Шаня и Притяньшанье минимальны, и не всегда уместно надуманно делить родственные, двуязычные групп с тесно взаимосвязанной многоотраслевой, специализированной экономикой одной межгорной долины или предгорий на «оседлых» и «кочевников». Изучая археологически памятников такой среды не всегда можно обоснованно этнически диагностировать продукт хозяйственной, гончарной, металлургической, ювелирной деятельности. К примеру Таласские тюркские руноподобные надписи созданы не среди гор, а на равнине, на территории оседлого поселения Айрытам-Ой.

В ходе археологических работ на Тянь-Шане открылись новые, не менее актуальные направления для исследований, связанные с загонами для скота (таш-короо). На одном из таких памятников были получены следующие даты широкого хронологического диапазона:

№ п/п	Название памятника, номер объекта	Лабор. индекс Poznan Radiocarbon Laboratory	С ¹⁴ , л.т.н. (BP)	Интервалы калиброванного календарного возраста, cal BC/AD		Материал	Автор и год раскопок, публикация
				(1σ)	(2σ)		
1.	Кёк-Сай - 1	Poz-129502	2695 ± 35 BP	911-801 BCE	897-808 BCE	кость животного	Rouse, L.M., Tabaldiev, K., Matuzeviciute, G.M.
2.	Кёк-Сай - 2	Poz-130170	3380 ± 150	2048-1381 BCE	1879-1507 BCE	кость животного	Rouse, L.M., Tabaldiev,

			BP	(93.1%)			K., Matuzeviciut e, G.M.
3.	Кёк-Сай - 3	Poz- 130170	215 ± 30 BP	1641- 1807 AD (86.1%)	1649- 1799 BCE	кость животного	Rouse, L.M., Tabaldiev, K., Matuzeviciut e, G.M.
4.	Кёк-Сай - 4	Poz- 129503	220 ± 30 BP	1639- 1807 AD (87.5%)	1646- 1799 BCE	кость животного	Rouse, L.M., Tabaldiev, K., Matuzeviciut e, G.M.

Несомненно, часть этих памятников были сооружены еще в эпоху бронзы, затем они использовались в течение нескольких столетий, вплоть до этнографической современности. Рядом с таш-короо нередко встречаются жилища скотоводов (Кок-Сай (Кочкор), Соготту, Туюк-Жар (Южное Прииссыккулье).

В предгорьях Терской Ала-Тоо нами были найдены и начато картографирование следов разновременных террасовидных участков, возделанных для посева зерновых культур. Под земледелие использовались небольшие участки предгорий, террасы рек. Показательны образцы сооружения для возделывания террасовидных участков, которые были обнаружены в бассейнах р. Тосор (Тескей Ала-Тоо), Чон-Кой-Суу (Кунгей Ала-Тоо), Кок-Сай, Калмак-Добо (Кочкорская долина). Они разновременны, по всей вероятности, некоторые террасовидные участки, созданные в эпоху средневековья были обеспечены водными ресурсами и использовались в течение нескольких столетий, вплоть до середины XX века.

Природная среда, рельеф местности требовали новых поисков и решений для усовершенствования традиционных форм ведения хозяйства, порой и для выживания населения. Создание террасовидных участков в предгорных зонах Тянь-Шаня и Притяньшаня, являлось умелым и очень удобным эволюционным продвижением древних земледельцев. Возделывание склонов гор и создание террасовидных площадок для выращивания зерновых культур, по всей вероятности, началось в эпоху бронзы и стало перспективным направлением в местном земледелии. Оно стало традиционной специфической чертой земледелия для населения всех остальных эпох. После нивелировки каждого участка и сооружения нижней опорной линии создавались ровные почвенные слои (кыртыш тузуу).

Участки разрабатывались путем перенесения земли в нижние части террас их выравнивания. Судя по ирригационным сооружениям (арыкам) в Кок-Сае, в Тосор, использовалась талая вода. В другом случае (Чон-Кой-Суу) текущая через ирригационное сооружение вода постепенно поднималась из верхних течений горных рек через арыков, вырытые на бортовых склонах на заранее подготовленных террасовидных участках. Изучение таких зон на специально выделенном участке дало положительные результаты. [Rouse, Tabaldiev, Matuzeviciute 2022, 32-53 стр.].

Методы ландшафтной археологии при помощи дрона и идентификация участков на местности несомненно стала перспективным способом при изучении культуры предгорных зон Тянь-Шаня. Это позволяет выявлять объекты, которые плохо или вообще не прослеживаются в ходе пеших маршрутов. Использование метода ландшафтной археологии с помощью дрона на Кок-Сае, в предгорье на площади 380 га позволило отследить более 900 археологических памятников. Образовалась плотная, насыщенная археологическими памятниками топографическая карта местности.

Из вновь обнаруженных памятников основную часть составляют места захоронений (курганы), отслежены каменные сооружения, ряды камней, остатки жилищ, ирригационные сооружения, загоны для скота (таш-короо). Опираясь на полученные данные и в ходе дальнейших исследований можно воссоздать модели освоенных зон, культурную инфраструктуру каждой эпохи. В ходе пеших маршрутов возможно дополнительно идентифицировать памятники на местах. В результате таких комплексных изучений ландшафта можно создать оживленный ландшафт на основе топографические и гидрологические модели высокого разрешения. Таким образом создается база для комплексного изучения следов деятельности земледельцев, скотоводов широкого хронологического диапазона (агро-пасторализм).

В результате комплексного изучения «кочевников» и малоизвестного «оседлых» можно воссоздать историю культуры населения раннего железного века Тянь-Шаня и Семиречья. Территория Тянь-Шаня, Притяньшаня – не бесконечная степная зона. Большинство межгорных долин между хребтами, предгорья не выше 2000 м над ур. м. были удобны для ведения как скотоводческого, и земледельческого хозяйства. Межгорные долины иногда длиною 80 км, шириной 20 км были обеспечены водой и растительностью. Долины и окружающие их высокогорные пастбища благоприятствовали ведению сезонного (летних, осенних-весенних) и для освоения территорий для зимовок. Были условия и для развития земледелия, что доказывается археологическими данными. Жители поселений должны были обеспечивать своих сородичей, занимающихся сезонных

скотоводством, сородичей продуктами гончарного производства, зерном, изделиями из металла. Увеличивающийся каждым годом археологический материал из предгорий Тянь-Шаня, Семиречья дает все больше данных о развитии единой культуры сезонных скотоводов (кочевников) и родственных им жителей поселений. Таким образом подтверждаются мнения исследователей высказывавшихся о том, что «многие кочевые империи Евразии в той или иной степени были знакомы с оседлостью [Крадин, 1992, с. 74.].

Раздел 4. Культура населения Тянь-Шаня VI-XVI вв.

Цепь кардинальных перемен на Тянь-Шане произошла в эпоху раннего средневековья. Она характеризуется быстрым развитием градостроительства, архитектуры, искусства, материальной и духовной культуры. Это был новый этап развития и взаимовлияний множеств культур. Культурогенетические процессы протекали особым, своеобразным путем.

Здесь тюркоязычные племена постоянно находились во взаимодействии с местными потомками древних культур, а также со многими центрами оседло-земледельческой культуры.

На территории Кыргызстана курганы раннесредневековых тюркоязычных племен исследовались в основном во Внутреннем Тянь-Шане, в Прииссыккулье, Чуйской и Таласской долинах. В настоящее время на территории Кыргызстана зафиксировано и исследовано более 50 погребений с конем.

Надмогильные конструкции, насыпи имеют округлую, овальную или подквадратную форму. Округлые значительно распространены [Табалдиев, 1996, рис. 1, формы и типы надмогильных сооружений].

Овальные формы исследовались в могильниках Айгыр-Жал (Нарын), Беш-Таш-Короо I и II (Кочкор) и Кызыл-Сай (Талас) [Табалдиев, 1996, с.17]. В Беш-Таш-Короо I из исследованных 8 курганов с погребениями с конем, три кургана имели овальной в плане каменные насыпи, а в могильнике Беш-Таш-Короо II два из исследованных 11 курганов имели овальной в плане каменные ограды. Для погребений были характерны положение рядом символической погребальной пищи в виде большой берцовой кости овцы (барана). Сооружение овальных курганов и положение берцовой кости на Тянь-Шане продолжается почти до XIV-XV вв, но тогда в отдельных курганах кроме указанной кости ставили и лопатку барана. В мусульманских, кыргызских кладбищах сохранился почти до XX века. При этнической интерпретации погребений с указанными костями и овальной надмогильной конструкцией следует подходить с учетом хронологии и учитывая особенностей формирования культурных элементов каждой территории.

Этот обряд и овальная конструкция на Тянь-Шане был известен с VI века в среде тюркоязычных народов по данным радиоуглеродного анализа (C^{14}) (см. табл. 3-4, автореферат с.54).

Исследователи склонны относить погребения с конем к стойким традициям тюрков. Это мнение подтверждается результатами археологических исследований последних десятилетий на территории Кыргызстана. Вторым распространенным типом погребений является обычное одиночное человеческое захоронение. Пока известны три погребения человека с бараном и один случай погребения человека с быком.

Умершие укладывались в могиле на спину, руки располагались вдоль туловища, ноги были вытянуты. При захоронении с конем животное обычно укладывали во входной яме с подогнутыми под живот ногами или на боку, параллельно телу человека. Преобладают погребения, когда человек положен в подбойную могилу головой по направлению к востоку, а конь на запад, с повернутой в сторону усопшего головой. Часто встречается иное расположение лошади в могиле. Так, в одном могильнике выявлена однонаправленная ориентация человека и коня в сторону запада. Исследовался также могильник, где преобладает однонаправленная ориентация человека и коня в сторону северного сектора. В могильниках редко встречались захоронения коня со снаряжением.

Появление обряда погребения с конем на Тянь-Шане распространяется со второй половины VI века, с периода расширения владений Первого Тюркского каганата.

№ п/ п	Название памятника, номер объекта	Лабор. индекс	C^{14} , л.т.н. (BP)	Интервалы калиброванного календарного возраста, cal BC/AD		Материал	Автор и год раскопок, публикация
				(1σ)	(2σ)		
1	Таш-Тюбе, курган 1 Киргизия	NSKA 00875	1474 ± 29	563-618 AD	545-642 AD	фрагмент кожаного ремня	Кибилов К-2
2	Бел-Саз I, курган 21	NSKA 00874	1440 ± 29	602-644 AD	570-653 AD	кожа лошади	Табалдиев К.Ш. К-1

	Киргизия						
3	Беш-Таш-Короо II, курган 21 Киргизия	NSKA 00876	1328 ± 36	654-762 AD	647-768 AD	фрагмент кожаного ремня	Табалдиев К.Ш., 1996, с. 205, рис. 17 К-3 (погребение коня)
4	Беш-Таш-Короо II, курган 7а Киргизия	SUER C-27850 (GU-20799)	1515 ± 30	530AD (68.2%) 605AD	430AD (95.4%) 620AD	Кость человека	Табалдиев К.Ш.,
5.	Кош-Дёбё, погребение коня в оградке	NSKA 00877	1185 ± 39	776-885 AD	716-968 AD	фрагмент берестяного колчана	Табалдиев К.Ш. К-4
6.	Кош-Дёбё, погребение коня в оградке	NSKA 00879	1174 ± 29	777-890 AD	771-961 AD	фрагмент кожаного ремня	Табалдиев К.Ш. К-6

Погребальные сооружения свидетельствуют о том, что на территории Тянь-Шаня и Семиречья, шел постоянный процесс взаимопроникновения средневековой тюркской и предтюркской культур. Например, среди погребений с конем преобладают подбойные захоронения, что было характерно для погребений хуннского времени. Остатки костей домашних животных, золы и угля, фиксируемые редко при разборке и зачистке курганов отмечался также в курганах хуннского времени. Среди тюркских памятников встречался катакомбное погребальное сооружение кенкольского типа, во входной яме которого положен конь (Нарын, Айгыржал). Особенности этого погребального обряда замеченные ранее в могильниках Чон-Ноо и в Айгыржале позволяют говорить о взаимосвязях и

взаимовлияниях тюрков Западнотюркского каганата с культурами периода эпохи Великого переселения народов.

Как было отмечено выше, среди курганов с погребениями человека и коня встречаются захоронения только коня, без человека. Они могут считаться кенотафами, если он похоронен в вещах, возможно умершего. Количество таких захоронений незначительно, раскопаны по одному в могильниках Бел-Саз и Беш-Таш-Короо II в Кочкорской долине, в могильнике Теке-Таш в долине Кетмень-Тюбе и в могильнике Боз-Адыр на Южном Прииссыккулье. Внешний облик надмогильных сооружений почти не отличался от курганов погребений с конем и от курганов погребениями без сопровождения коня.

После исследований раннесредневековых могильников Беш-Таш-Короо I – II стали известны ритуальные захоронения лошадей. Скелеты их, сохранившиеся в анатомическом порядке, обнаружены в могильных ямах, подготовленных в центре поминальных оградок. Лошади лежали на животе, с подогнутыми ногами, череп находился в вертикальном положении с опущенной вниз мордой. В местности Кош-Дёбё, в одной из поминальных оградок найдено захоронение лошади с вещами человека. Представляется, что приведенные выше данные – обнаружение и раскопки поминальных оград в двух могильниках (Беш-Таш-Короо и Кош-Дёбё) позволяют с уверенностью говорить о бытовании на Тянь-Шане в раннем средневековье символического захоронения коня в процессе поминания умершего.

При изучении символического использования животного или его отдельных частей в погребально-поминальном обряде в древности особое место занимают обнаруживаемые в археологических раскопках скелеты овцы (барана). Ранее они были известны только в могильнике Аламышык [Бернштам, 1952, с.] Во время раскопок разновременного могильника Суттуу-Булак (курган № 54), во Внутреннем Тянь-Шане нами было вскрыто женское погребение в сопровождении овцы (барана) [Табалдиев, 1996, с.].

Вышеуказанные археологические свидетельства о символическом положении животных рядом с умершими уместно учитывать при проведении сравнительных исследований археологических материалов с этнографическими. Ранее в наших исследованиях мы ссылались на современных примеров из кыргызской этнографии, касающихся о символического погребения барана в могиле вместо умершего или рядом с покойником.

Символическое значение имеет положение рядом с умершими погребальной пищи. Так, обнаруженные в процессе раскопок кости животных в курганах являются, во-первых, материальными остатками символически совершившегося обряда в честь умершего после его захоронения.

Материальные остатки этой тризны обнаруживаются при зачистке насыпи курганов, при разборке насыпи курганов, при зачистке содержимого в могильной яме и при зачистке входной ямы катакомбного или подбойного захоронения.

Во-вторых, кости животных найденные около погребенных, являются остатками символической пищи, положенной «для умершего». Исследования указывают на то, что этот обряд возникнув в определенной среде, в каждой эпохе носил относительно устойчивый характер, то есть становился традиционным. Однако, с течением времени, под воздействием объективных факторов, он видоизменялся. Обычай класть в могилу заупокойную пищу восходит к глубокой древности, согласно по нашим данным, на территории Тянь-Шаня он известен с эпохи бронзы. Существует множество мнений о том, что лежит в основе этого обряда желание обеспечить покойника всем необходимым на том свете, с другой стороны – с желанием умиловить его, оказать ему внимание и уважение.

В ходе последующих исследований новые находки, свидетельствующие об использовании древним и средневековым населением Тянь-Шаня, костей различных животных и целых скелетов при погребальном-поминальном обряде. Процесс сбора сведений об устойчивых чертах данного обряда и анализ материалов, относящихся каждой исторической эпохе продолжается.

Оставление костей животных в погребальном памятнике практиковалась в эпоху бронзы. Но имеющиеся пока малочисленные свидетельства не позволяют выявить устойчивые традиции, связанные с этим обрядом. На памятниках I тыс. до н. э. чаще в женских погребениях продолжают встречаться курдючная часть овцы. Изредка в мужских погребениях умерших, относящихся к знати или духовную сословию, встречался крестец лошади (уча). Такой случай отмечены в Кочкорской долине, археологом А. К. Абетековым при раскопках могильника Бугучу. В 2022 году это сведение было дополнено новыми данными раскопок А. Абдыкановой в могильнике Боз-Бармак.

В первой половине I тыс. н.э. широкое распространение получили подбойные и катакомбные захоронения. При раскопках курганов эпохи Великого переселения народов на Тянь-Шане (Суттуу-Булак, Чон-Добо и на Алае (Туюк) были обнаружены кости барана – крестец, лопатка, позвонки, бедренная кость, редко ставили берцовая кость. Изредка при погребении оставляли берцовую кость, ребра. В целом состав костей животных в могильниках примерно одинаков.

В отдельных курганах этого исторического периода обнаруживаются найдены череп мелкого рогатого скота, лошади. В могильнике Бурамачап II

(долина Арпа) вход в могилу был перекрыт каменными плитами. На плитах лежали два черепа лошади. В могильнике Кызарт, среди человеческих костей находился череп мелкого рогатого скота. В Алае, в могильнике Туюк датированному III-V вв. н.э. среди разбросанных человеческих костей находился череп мелкого рогатого скота.

Положение черепов домашних животных рядом с погребенными, до настоящего времени в курганах сакско-усуньского времени на Тянь-Шане не встречается. На Сон-Куле, чаще всего в впускных детских, младенческих погребениях найдено по одной рубленной тазовой кости.

Начиная с эпохи раннего средневековья отмечаются некоторые изменения в традиции положения символической пищи рядом с умершими. Появление обряда с положением рядом с погребенным большой берцовой кости (жото жилик) связано с распространением древнетюркских погребений с конем. Этот факт был отмечен нами в средневековых тюркских могильниках Беш-Таш-Короо I-III, Бел-Саз (Кочкорская долина), Боз-Адыр (Южное Прииссыккулье). Большая берцовая кость обнаруживается рядом с похороненным человеком с конем. Изредка берцовую кость оставляли и в поминальной оградке. К примеру, в могильнике Беш-Таш-Короо в центральной части оградки, под горизонтально положенными двух плит была найдена по одной большой берцовой кости с костями заплюсны [Табалдиев, 2013, 157-167].

Как уже указывалось для раннесредневековых тюркских погребений с конем Центрального Тянь-Шаня был характерен один определяющий элемент заупокойной обрядности. Это обряд положения рядом с телом погребенного человека задней ноги барана – большой берцовой кости вместе же с костями заплюсны. Именно этот обряд т. е. положение большой берцовой кости барана рядом с умершим, получает широкое распространение в XII – XIV вв. н. э. При сравнительном изучении в захоронениях различных регионов данного признака стало известно, что данный обряд отчетливо зафиксирован на территории Забайкалья, Восточного Забайкалья, Монголии. Совокупность признаков погребального обряда этой группы захоронений, отличающих их от других известных погребальных комплексов, позволили выделить их в особую группу средневековых памятников и рассматривать в целом как единую археологическую культуру – раннемонгольскую. Напомним, этот обряд – положение берцовой кости барана, по нашим данным сформировался гораздо ранее в VII – VIII вв. н.э. в среде тюрков Тянь-Шаня. Отметим, что он достаточно редко встречается в тюркских погребениях Алтая. Согласно хронологическим данным этот обряд сформировался не в монгольской, а в среде раннесредневековых тюркоязычных племен. Вероятно,

распространение этой традиции в Средней и Центральной Азии продолжалось в течение нескольких столетий. Распространение его не было случайным т.к. и его носителями его были племена, мигрирующие с запада на восток и с востока на запад в эпоху тюркских каганатов и в монгольский период.

Согласно хронологическим данным после крушения Восточно-Тюркского каганата или несколько позднее, после событий 840 года, произошел синтез различных культур, путем слияния традиций между тюрко-монгольскими племенами. В результате этого часть монгольских племен, возможно переняли некоторые обряды тюрков.

Поэтому при этнической интерпретация этих погребений мнения исследователей расходятся. Например, погребения с берцовыми костями барана считаются монгольскими или же кипчакскими погребениями. Однако, если обратиться к археологическим материалам, можно четко проследить истоки этого обряда именно в погребальном обряде западных тюрков. Постоянные признаки характерные для данного обряда, позволяют проследить пути формирования сходных черт в материальной и духовной культуре тюрко-монгольских народов.

XII – XIV вв. н.э. продолжала традиция размещения у изголовья погребенных большой берцовой кости барана. Иногда рядом клали лопатку барана (далы). Кроме того, в женских погребениях в области пояса обнаруживали ямочки, в которых находили два или три позвонка барана. Неоднократные археологические свидетельства указывают на то, что этот обряд был ранее характерен именно для тюрков раннего средневековья. Затем, в тюрко-монгольской среде получил дальнейшее развитие. Погребальный обряд изменился с проникновением ислама. Согласно его канонам, класть рядом с покойником погребальный инвентарь, ритуальную пищу было запрещено.

Таким образом, археологические данные позволяют постепенно воссоздавать древние обряды, обычаи, наиболее характерные традиционные элементы материальной и духовной культуры древнего и средневекового населения каждого ареала. Одна из таких традиций на Тянь-Шане связана с обрядом положения «погребальной пищи» для умершего.

Помимо курганов на территории могильников древнетюркского времени фиксируются поминальные сооружения (оградки с каменными изваяниями или стелами), в своей совокупности они образуют источниковую базу для исследований погребально-поминальных традиций населения этих территорий.

Каменные изваяния. В настоящее время в Кыргызстане насчитывается более 700 зафиксированных и опубликованных тюркских каменных

изваяний. Среди известных выделяются те, где обнаружены массивные, четко моделированные изваяния, отличающиеся значительными размерами и высоким мастерством изготовления. По всей вероятности такие изваяния воздвигались для особо почитаемых членов общества, имевших при жизни особый социальный статус. Такие изваяния были обнаружены нами в Тонском районе Иссык-Кульской области. Преобладающая часть таких каменных изваяний изображает мужчин; для них характерны наличие усов и пояса с оружием. Женские изваяния встречаются реже. Особое внимание исследователей привлекают каменные изваяния в «трехрогой короне». Существует мнение, что они передают образ древнетюркского женского божества Умай [Сагалаев, 1993, с. 53 – 57]. Картографирование таких памятников указывает на то что «трехрогие» изваяния наиболее распространены в семиреченско-тяньшаньско-восточнотуркестанском ареале; здесь их обнаружено более 30 единиц. Изучение этой группы каменных изваяний, как и рисунка на костяной пластине из Суттуу-Булака убеждает в высокой роли этого женского начала в духовной культуре тюрков. Отметим также, что ареал распространения этого образа в Центральноазиатском регионе с течением времени расширяется. Так, рисунок на костяной пластине из Суттуу-Булака и рисунок на каменной стеле из Когалы в Чу-Илийских горах почти идентичны [Рогожинский,].

Ряд характерных особенностей каменных изваяний кимако-кипчакского облика [Ермоленко, 2004]. Подобные изваяния обнаружены и в Таласской долине, в бассейне р. Жыргалан в восточном Прииссыккулье, на Сон-Куле. а также. При картографировании они сосредоточены в указанных зонах. Их часто называют «келин таш», «кемпир таш», дословно – изваяния, изображающие сноху или старуху. Такие изваяния сходны с изваяниями изученные А. М. Досымбаевой в святилище Мерке (Южный Казахстан). По предварительным наблюдениям, определяются одиночные изваяния кимако-кипчакского типа, установленные около или рядом с каменно-земляными холмиками. Кроме этого, на отдельных холмах отмечено нескольких каменных изваяний. Они сходны с аналогичными памятниками, изученными на территории Казахстана.

Особенностью таких изваяний является то, что они устанавливаются не в квадратной поминальной оградке. Как правило, они встречаются рядом либо на поверхности или на вершине каменной, каменно-земляной насыпи. Характерно, что среди этих изваяний практически нет изображений воинов с оружием и с чашей в правой руке, а преобладают изваяния, имеющие женский облик, держащие обеими руками на уровне живота сосуд.

Поминальные оградки с изваяниями. Каменные изваяния в эпоху раннего средневековья чаще всего обнаруживают рядом с поминальной

оградкой. Эти два типа памятников являются материальным наследием остатками погребально-поминальной традиции тюрков. Присутствие изваяния на местах совершения поминального обряда . даже смещенного с первоначального места, служит верным признаком наличия где-то рядом поминальной оградки. Кроме того, обнаружение каменного изваяния может также быть показателем наличия поблизости курганов, могильников тюрков периода Западнотюркского каганата.

На территории Кыргызстана в настоящее время археологами раскопано около 60 поминальных оградок с изваяниями. Как правило, каменные изваяния установлены с западной, северо-западной или восточной стороны оградки. Преобладающее размещение каменных изваяний или стел с западной и северо-западной стороны оградки отличает их от поминальных памятников Алтая, Тувы и Монголии. Там они обычно устанавливаются с восточной стороны поминальных оградок.

Судя по тому, что практически в каждой поминальной оградке были обнаружены остатки кострищ (зола, древесный уголь, прокаленные участки почвы), можно сделать вывод о том, что у тюрков при проведении поминальных церемоний особая роль отводилось огню.

В оградке иногда хоронили и лошадей. Нами была обнаружено пять захоронений такого рода. В двух из них лошадь находилась в полном снаряжении, была взнуздана, оседлана, рядом обнаружены стремяна (Кош-Дёбё). Вблизи 1 км от городища Кан-Дёбё есть небольшая двугорбая вершина под названием Кош-Дёбе. У ее западного подножья обнаружен ряд пристроенных по линии север – юг поминальных оградок раннесредневековых тюрков. Число оградок составляет около 20-ти единиц. В ходе раскопок одной из таких поминальных оградок было обнаружено захоронение оседланного, взнузданного коня. Поверх коня размещались берестяной колчан и наборный пояс. Так как скелет лошади был обнаружен в оградке, следует считать захоронением их жертвенного животного при поминании умершего.

Важную роль в выборе места для сооружения поминальных памятников играл ландшафт. Обычно они обнаруживаются на просторных, ровных участках предгорий, в ущельях, на плато. Должно быть это связано с культом умерших и культом гор, превращаясь в сакральные места для поминания умерших предков.

С принятием ислама сооружение поминальных оградок с каменными изваяниями с на территории Кыргызстана прекращается. Но это не говорит о том, что обряд поминания умерших, традиция почитания духов предков также исчезает; они продолжают существовать в видоизмененной форме. Под воздействием новой религии обряд поминания приобретает новую

форму: вместо каменных изваяний у могилы умерших воздвигаются мавзолеи, сагана, кайраки – каменные стелы с арабографическими эпитафиями.

Хозяйство и духовная культура средневековых сезонных скотоводов Тянь-Шаня.

Племена, обитавшие в различных, экологических условиях межгорных и степных зон Центральной Азии, с эпохи древности специализировались на ведении разных видов хозяйства. В жарких оазисах, несомненно, преобладала роль земледельческого хозяйства. В предгорных зонах Тянь-Шаня, теплых межгорных долинах параллельно развивались земледелие и сезонное кочевое скотоводство.

Постоянный тесный контакт земледельцев и скотоводов имеет давнюю традицию. Еще в эпоху бронзы и раннего железного века наблюдалось взаимодействие культур земледельцев и скотоводов. Постоянная связь между сезонными кочевыми тюрками и земледельцами со временами приводила к постепенному оседанию части кочевников. В предгорных поселениях и городищах проживало смешанное население. Осуществлялись смешанные браки между тюрками и согдийцами. Авторы письменных хроник особо подчеркивают двуязычность жителей средневековых городов, поселений Чуйской долины, что свидетельствует о тесном контакте и дружественных отношениях тюрков и согдийцев, возможно именно городских поселениях формировались смешанные группы населения, говорившие на двух языках. Эта связь, продолжавшаяся в течении нескольких столетий, привела к формированию культурного синкретизма, способствовала взаимообогащению и формированию новых своеобразных черт материальной и духовной культуры населения которая продолжала развиваться вплоть до крушения Караханидского каганата.

Как показывает опыт наших исследований, дальнейшее изучение хозяйственной деятельности направлений в различных микроклиматических условиях является достаточно перспективным.

Характер кочевого скотоводства зависел от климатических условий каждого региона. Так, например, в течение года во Внутреннем Тянь-Шане для ведения кочевого скотоводства осваивали три активные зоны перекочевки. Для зимовок выбирались такие микроклиматические зоны, где были возможности для зимнего выпаса скота. Между летними пастбищами и зимовками существовали весенне-осенние, пастбищные зоны. Здесь обычно находились до потепления в зонах летних пастбищ, и после похолодания летних высокогорных пастбищах. Летние пастбища обычно находятся в высокогорных зонах, где прохладно и есть простор для выпаса скота. Археологические материалы свидетельствуют о том, что традиция сезонного

освоения указанных зон сформировалась на Тянь-Шане еще в эпоху бронзы. Она развивалась и в эпоху раннего железного века и в средневековье.

Основными животными, которых содержали и разводили тюркские народы, были лошади, овцы и козы. Состав костей, обнаруженных в средневековых городищах, соответствует этому. Лошадь использовали и как средство передвижения. Естественно, мясо животных использовалось для пищи, шкур обрабатывались и использовались в быту, при изготовлении обуви, посуды и т. д. Лошадь использовали и в погребально-поминальной традиции, в религиозной жизни тюрков. В фольклоре тюркских народов упоминаются древние традиции, возвышающие образ коня, неразрывность его с жизнью людей.

Особую роль в жизни центральноазиатских кочевников играла охота. При изучении рисунков на камне, оставленных древним населением Тянь-Шаня, привлекают внимание сцены охоты с луком, также нередко изображены и собаки. В средневековой сцене из Кёк-Сая четко прослеживаются замечаются изображения двух собак с маленькой удлинённой головой, с крючкообразно загнутым кверху хвостом. В загонной охоте тайганы могли умело загонять горных козлов, архаров в загоны. Тайганы не боевые собаки, они лояльны к человеку, склонны к охоте.

В экономике древних тюрков важную роль играла обрабатывающее производство из различных материалов (камень, кожа, дерево). Во время раскопок археологических памятников встречаются топор-тесло, ножи, оселки, приборы для добывания огня, пряслица.

При изучении материальной культуры раннего средневековья особое внимание нами было уделено костяным предметам, а также изделиям с гравированными на них рисунками. Находка из могильника Суттуу-Булак (Кочкорская долина) открыла новую страницу изучения искусства средневековых тюрков Тянь-Шаня и прочно вошла в сферу внимания специалистов по средневековой археологии, искусству тюрков Центральной Азии. Постепенно была очерчена территория распространения образа в «трехрогом» головном уборе и персонажа мужского облика, изображенного на костяной пластине, каменном изваянии и на монетах Западнотюркского каганата [Табалдиев].

Безусловно, на обнаруженной в могильнике Суттуу-Булак костяной накладке и на каменных изваяниях не простая, обыденная передача женского образа, это образ персонажа, играющего весьма значимую роль в поминальном обряде и в других сферах духовной культуры древнетюркских племен. Если совместить изображения парных накладок, то «трехрогое» изображение выступает как бы в роли духовного покровителя воинов в сражениях с врагом [Табалдиев, 1996, с. 60, 69 – 70].

Особого внимания заслуживают монеты Западнотюркского каганата, обнаруженные

в Ташкентском оазисе и в Чуйской долине (воспринимаются как образ кагана и хатун (супруги кагана) [Babayar, 2007, с. 66 – 69; Бабаяров, 2007, с. 14 – 15; Камышев, 20...]. Неслучайно этот образ, передающий женское лицо размещен на монете вместе с другим лицом – каганом. То есть это изображение кагана и его супруги. Изображение того же двух персонажей в области живота каменного изваяния из района озера Балхаш еще раз указывает на распространенности этой темы во владениях народа Он ок эл [Рогожинский, 2010, рис. 8]. Эти повторяющиеся сюжеты подтверждают, что образ мужчины с длинными волосами вместе с женской персоной в «трехрогом» головном уборе был очень распространен и популярен в обществе тюркоязычных народов Центральной Азии. Значение сцены гораздо шире, чем мы ранее предполагали. Эта тема была одной из важнейших, почитаемых в идеологии Он ок эл (Западнотюркского каганата).

Руноподобные надписи тюркоязычных племен. С эпохи раннего средневековья в Кыргызстане и на сопредельных территориях значительно расширяется ареал распространения различных письменных традиций. Одна из них – тюркские рунические надписи – имела важное значение в государственной жизни и в духовной сфере западных тюрков. Основная часть обнаруженных надписей представляет собой источник для изучения поминальной традиции. Судя по переводам текстов специалистами-тюркологами, язык рунических надписей Тянь-Шаня сходен с енисейскими, Алтайскими и демонстрирует широту их распространения.

До какого времени западные тюрки пользовались руническим письмом, точно не известно. Считается, что оно было вытеснено арабским алфавитом. Во всяком случае, «о существовании орхонского алфавита Махмуд Кашгарский уже ничего не знал» [Бартольд, 1968, с. 209].

Начало изучения средневековых тюркских рунических надписей Кыргызстана связано с созданием в 1895 г. по инициативе востоковеда В. В. Бартольда Туркестанского кружка любителей археологии. Сейчас на территории Кыргызстана насчитывается около 50 памятников, на которых сохранились рунические надписи.

В данное время в Таласской долине найдено 20 надписей. Из них: 12 надписей на валунах, 5 надписей на скалах, 1 – на зернотерке, 1 – на деревянной палочке и 1 – надпись на маске. Основной блок 12-ти таласских надписей составляют надмогильные надписи – так называемая эпитафийная лирика. Остальные находки из Джуван-Тёбё, Чачыкея и Куру-Бакайыра (Таласская доина) представлены тюркской руникой иного содержания. В них

указываются лишь название местности, имя или титул человека. По мнению тюрколога С.Г. Кляшторного, надпись из Ачик-Таша отличается от остальных, знаки ближе знакам восточноевропейского варианта тюркской руники.

Около с. Жон-Арык Таласского района, территория которого входит в ареал обнаружения известных в науке 11-ти валунов с тюркскими руноподобными надписями письменностью, в 2002 г. был обнаружен двенадцатый по счету памятник древнетюркской письменности на камне [Табалдиев, 2002]. Текст прочитан тюркологом Р. Алимовым.

Перевод:

1. (Этот) молебный камень, о горе, для Аны.
2. (Его) самого, (его) рабов, (его) сокровищницы не осталось.
3. О горе, жена тогда голодной, ее корова тогда голодной остались.
4. (Его) племенной союз вместе с сыном младшего брата
5. остался.

Надпись представляет собой интересный по содержанию образец эпитафийного жанра ранних тюрков, населявших когда-то бассейн р. Талас.

Наиболее яркими образцами надписей на камне пока считается надписи, обнаруженные в местности Айрытам-Ой (северная окраина с. Жон-Арык Таласского района). Эти участки расположены на ровном месте, рядом со средневековыми поселениями и крепостью. Создается впечатление, что создатели надписей жили и не среди гор, а населенном пункте типа поселения, крепости, где развивалось земледелие, керамическое производство, металлообработка.

Одна надпись, нанесенная на шее каменного изваяния была обнаружена в крайней восточной части Таласской долины, на окраине села Талдуу-Булак.

Кочкорские надписи были открыты в юго-восточной части Кочкорской долины в период с 1998 по 2010 гг. Здесь было обнаружено 26 средневековых тюркских рунических надписей. Сведения о них, опубликованы автором и коллегами-тюркологами на страницах печати в местных и зарубежных изданиях более чем 30 изданиях. Надписи находятся в южной предгорной зоне гор Кёк-Бука (хребет Терской Ала-Тоо). В районе сел Кок-Сай, Бойрок-Булак, Тик-Булак, Тоо-Карын и Кок-Бука. Тексты прочитаны и переведены С. Г. Кляшторным [Кляшторный, 2001, с. 73 – 71], А. К. Аманжоловым [Аманжолов, 2001, с. 97-100], Р. Алимовым [Alimov, 2003], И. Л. Кызласовым [Кызласов, 2005, с. 54 – 65].

По версии С. Г. Кляшторного первого автора транслитерации и перевода этих надписей содержание текста таково: «Эр атым Адык Он Ок Ярышым» – «Моё мужское (геройское) имя Адык. Мой (наш), Ярыш в стране десяти стрел». По мнению С. Г. Кляшторного, они написаны от имени умершего –

некоего Адыка, указано его имя, принадлежность к роду «десяти стрел». В двух случаях надписи сопровождали наскальные рисунки большого размера с изображением всадника с птицей на руке, по всей вероятности на них запечатлен сам Адыка.

Основная часть тюркских рунических надписей Кочкорской долины представляют собой, по существу, один и тот же текст в разных редакциях, повторяющихся неоднократно на отдельных камнях на склоне горы Кёк-Бука.

В восточной части Кочкорской долины (местность Калмак-Таш) была обнаружена тюркская руническая надпись, гласящая «Эр атым Билге». Особенность этой надписи заключается в том, что она была сделана слева направо, хотя средневековые тюркские руноподобные надписи читаются справа налево.

Иссык-Кульские надписи. В 2008 г. уникальный памятник раннесредневековой тюркской руноподобной надписью была обнаружен в восточной предгорной части хребта Терской Ала-Тоо, в местности Чийин-Таш [Табалдиев, Белек, 2008]. Вторая надпись оказалась более значимой по содержанию. Тюрколог Р. Алимов предложил следующий вариант прочтения: «Голос Кёр Тегина, находящегося на небе, и его коня схож (созвучен)». Тюрколог Н.Усеев находит близкое сходство начало текстов с алтайской надписью из Эломана (...84).

Территория распространения средневековых тюркских руноподобных надписей постепенно расширяется.

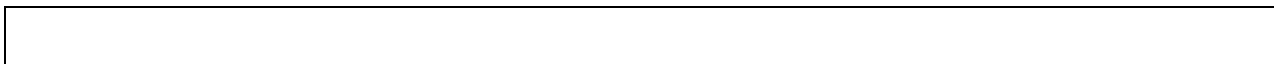
Одна надпись была найдена в Сары-Жазе, в бассейне р. Кайынды. в восточной части Иссык-Кульской котловины, Текст содержит одно слово «Тенир», связанное с религиозными верованиями раннесредневековых тюрков.

Еще надпись была обнаружена в с. Саргата Токтогульского района Джалал-Абадской области Кыргызстана. Она была сделана на венчике хума, который был найден в одном из домов этого села во время раскопки могилы. Как было отмечено выше, надпись была сделана на венчике хума и состоит из 11 букв. Можно сказать, что знаки были нанесены путем надавливания в сырую глину на хум еще до обжига. По версии прочтения тюрколога Т. Абдиева, здесь словосочетание «йонык кылыкы» *т.е.* означает «способ обтесывания» (Абдиев, Табалдиев).

Атрибуты памятников письменности. В предгорной части Чуйской долины, у выхода из ущелья Иссык-Ата, в 1928 г. археологом А. И. Тереножкиным была найдена скульптура черепахи с пазом на спине для

установки в нем каменной стелы [Тереножкин, 1935, с. 146]. Известно, что скульптуры черепахи служили основанием для каменных стел-памятников с эпитафиями. По всей вероятности, этот памятник был установлен в честь знатного тюрка Он ок эл и сопоставим с памятниками восточных тюрков.

Навершие из Суяба.



Тамги. В настоящее время на территории Кыргызстана ведутся целенаправленные поиски тамг различных исторических эпох. Знаки-тамги часто встречаются среди разновременных петроглифов, но есть места, где они не связаны с петроглифическими комплексами. Среди них относительно многочисленными являются тамги средневековых тюрков. Впервые всего наскальные изображения тамг были зафиксированы в Таласской долине (Жалтырак-Таш), в Алайской долине (Булолу), в Прииссыккулье (Ак-Олон) [Шер, Миклашевич...1987, рис. 10, 1; Шер, Советова, 1995; Самашев, графитти; Джумагулов, 1987, табл. XV; Табалдиев, Бозер, Солтобаев, 2000, с. 89]. После обнаружения тюркских рунических надписей в восточной части Кочкорской долины стала известна группа тамг, сопровождающих рунические тексты или выбитых вблизи камней с надписями [Табалдиев, 2003, рис. 7, 12 –13; Табалдиев, Солтобаев, 2001, с. 68 о – 73; Табалдиев, Жолдошов, 2003, с. 125 – 132]. Все они имеют вид изогнутого крючка или дугообразной фигуры с загнутыми в разные стороны концами и с палочкой на тыльной стороне. Тамги почти одинаковы по размеру, длина основной части составляет около 10–25 см.

Общее сходство родовых тамг в ареале Кёк-Сай, где были обнаружены средневековые тюркские рунические надписи, не вызывает сомнения в их синхронности их происхождения. Поиск аналогичных знаков позволил обнаружить средневековые тамги в Южном (Тосор, Дон-Талаа) Северном Прииссыккулье (Карой), а также в других местах Кочкорской долины (Кыргызбай-Булун). Серия новых тамг, обнаруженных в указанных местах, демонстрирует близость в изображении их фигур, так как основу многочисленных знаков составляет лировидная фигура. Изучив круг аналогий и учитывая взаимосвязь тамгообразного знака с надписями относим его к среде Он ок эл.

Аналогичные тамги, служившие в качестве родовых, племенных тамг и знаков, известны в археологической и этнографической литературе. Они встречаются на территории от Монголии до Северного Причерноморья и

датируются периодом начиная с эпохи раннего железа до начала XX в. В настоящее время уточняются ареалы распространения тамг доисламского времени по всей Евразии Азии и разрабатываются вопросы, связанные с их распространением во времени и территориально. В ходе изучения открываются новые возможности для определения степени их близости, выделяются их отличительные особенности, уточняются вопросы их происхождения.

Обнаруженные в Кочкорской долине тамги нашли соответствие тамгам изображенным на монетах Западнотюркского каганата. Так, например, среди монет Чачского оазиса с титулом «каган», были монеты с лирообразной тамгой [Бабаяров, 2007, с. 36].

Характерно, что некоторые тамги раннесредневековых тюрков дожили до этнографической современности и служили родовыми знаками у кыргызов, казахов и алтайцев [Винников, Joseph Castage, Сагалаев, Самашев,].

Наскальные рисунки. Характерные образцы наскальных рисунков тюрков первоначально были обнаружены исследователями в верховьях р. Урмарал (приток р. Талас), на памятнике Жалтырак-Таш [Шер и др, с.]. Судя по ним, образ пешего или конного воина в петроглифике тюркской эпохи приобретает первостепенное значение. По технике исполнения выделяются мелкие рисунки – граффити. Они более детализированы, чем древние рисунки всадников. Персонажи и сопровождающие их животные переданы в профиле, детализированны отдельные элементами тела, предметы, подчеркнуты движения и жесты.

Позднее в Прииссыккулье и в Кочкорской долине были выделены петроглифы, выполненные методом выбивки и, возможно, последующей протирки, шлифовки. Часть их сопровождается тюркскими руноподобными текстами, что, несомненно, повышает уровень их информативности. Четыре повторяющихся сюжета, обнаруженные местности Кок-Сай и ее окрестностях представляют всадников с птицей в руке. Несмотря на отличия в размерах, они близки между собой по технике исполнения. Об их синхронности и принадлежности к одному народу свидетельствуют также схожий стиль передачи знаков и сопровождающая их родовая тамга.

Наскальные рисунки Тянь-Шаня и Семиречья указывают на их родство с саяно-алтайскими. Там археологами была обнаружена большая серия тюркских, кыргызских рисунков, выполненных в технике граффити (Черемисин,). Они, наряду с уже известными, отражают этнографические признаки средневековых центральноазиатских тюрков. Особенно, заплетенные косы на изображениях показывают их принадлежность к тюркам.

Для искусства западных и восточных тюркоязычных народов были характерны реалистические повествовательные композиции. В обеих зонах обитания тюрков особое внимание уделялось образу воина, образ воина всегда возвышался. Кроме образов тюркских воинов встречаются наскальные рисунки животных, сцен охоты.

Места, связанные с культом гор. Согласно письменным источникам, у средневековых тюрков имелись природные культовые объекты, которым они поклонялись. К примеру, согласно одному из письменных источников к северу от г. Суяб, раннесредневекового города Чуйской долины, находилась гора Цзядан. Там каган Десяти племен (Западнотюркский каганат) имел обыкновение назначать вождей и главнокомандующих [Лубо-Лесниченко, с. 115]. Вероятно, это были невысокие гряды гор, расположенные в северной стороне от г. Токмок, за р. Чу (территория Республики Казахстан), где сохранилось название «Ыйык-Тоо» священная гора.

В труде персидского историка XI в. Абу Саид Абд аль-Хайй аль-Гардизи имеется сообщение о тюркских племенах тюргешей и жикилей. Одно из их селений было расположено вблизи горы. Тюрки молятся этой горе, клянутся ею и говорят: «Это жилище Всевышнего»; да спасет нас от таких речей! [].

Автор гениального труда «Диван-лугат тат-Турк» Махмуд Кашгари (Барскани) раскрывая, в своем труде, два значения слова танри писал: «Неверные – да погубит их Аллах Всевышний! – называют словом танри небосвод. Также словом танри они называют все, что им представляется великим, например, высокую гору или большое дерево. Поэтому они поклоняются подобным вещам...» [Махмуд аль-Кашгари, перевод на русский язык З.-А. М. Ауэзовой, 2005, с. 1022; Чоротегин, 2017, с. 211–212, 251, 272].

Дожившее до настоящего времени в Кыргызстане на соседних территориях поклонение священным местам и выполнение религиозных обрядов уходят своими корнями в раннесредневековую тюркскую эпоху. Однако эти представления и ритуалы придают исламу своеобразные местные черты и ярко свидетельствуют о синкретизме доисламских верований и мусульманства.

Во Внутреннем Тянь-Шане (Мин-Куш), на Алае (Булолу, Кара-Кулжа), в Южном Прииссыккулье (верховья р. Кажы-Сай), на Западном Тянь-Шане (в северной части долины Кетмень-Тюбе) есть отдельно стоящие горы, которые носят название Тастар-Ата. Полагаем, что данные письменных источников о священных горах, где проводили религиозные обряды средневековые тюрки и этнографические сведения о поклонении горам тесно взаимосвязаны. На наш взгляд, культ гор у населения Тянь-Шаня непосредственно связан с горными объектами, именуемыми сегодня Тастар-Ата. Предварительное обследование священной горы Тастар-Ата (Южное Прииссыккулье) пока не

дало вещественных доказательств, о совершении там религиозных обрядов т.е. объектов, сооруженных для совершения такого рода обрядов проследить пока не удалось.

Однако необходимость специального обследования таких территорий подсказывается письменными источниками. Каганы западных тюрков старались возводить свои ставки вблизи священных гор [Takashi Osawa, 2009, с. 55]. Так, вблизи горы в Тастар-Ата (Южное Прииссыккулье находятся развалины средневекового городища Кан-Дюбе. В нижних слоях городища отмечены раннесредневековые слои. В этом же ареале найдено множество каменных изваяний, поминальных оградок. Часть каменных изваяний отличается высокой моделированностью, они входят в числе редких изваяний тюрков и были созданы для представителей сословной знати тюркского общества. Археологические материалы, обнаруженные в Кан-Дюбе, указывают, что это был один из центров Западнотюркского каганата.

Часть святых мест Кыргызстана связаны с культом предков и святых, который занимал у кыргызов видное место в системе доисламских верований. Некоторые из таких мест превращались в места паломничества.

Часть святых мест связаны с природными объектами: местами выхода горячих источников, родниками, отдельно стоящими высокими горами, территориями с необычайно удивительным и привлекательным ландшафтом. Иногда святым считалось место, где растет одинокое высокое дерево. Нередко в таких местах хоронили известных личностей рода.

Городская культура и культура «кочевников» в предгорных, межгорных зонах Тянь-Шаня.

Большинством исследователей прослеживается сложение синтеза культуры тюрков и согдийцев в Чуйских городах. Изучая проблемы возникновения средневековых городов на примере Сокулукского городища А. Н. Бернштам отмечал, что «...уже с V века нашей эры мы можем здесь четко разграничить два культурных явления. Во-первых, явление местной культуры, генетически связанной с культурными традициями местных племен, во-вторых, ярко выраженное согдийское влияние» [Бернштам,]. При этом он указывал отмечал, что находки, датируемые стратиграфически V в. н. э. Говорят о преемственности жителями древнего сокулукского населения культурных традиций предшественников (Бернштам А., 1943, с. 12). Это высказывание ученого требует долговременных, целенаправленных исследований. Безусловно, в некоторых памятниках редко замечается связь нижних слоев с предшествующими раннему средневековью периодами.

Раскопки поселений в Чуйской долине археолога П. Н. Кожемяко, дали материалы, имеющие прямые аналогии в коллекциях, собранных в Согде и

Шаше, древних центрах цивилизации Средней Азии. Они подтверждают переселение в Чуйскую долину значительных групп людей из Согда и Шаша уже в VI –VIII вв. н.э. Вместе с тем, писал П. Н. Кожемяко: «... наши стратиграфические раскопки дают материал, позволяющий считать, что процесс возникновения и развития здесь оседло-земледельческих поселений в значительной мере связан с переходом части кочевников-скотоводов к оседлому образу жизни» [Кожемяко, 1959, с.168]. Ученый приводит письменные свидетельства и археологические данные, свидетельствующие об участии в жизни изучаемых поселений местного населения из числа тюркоязычных племен, обладавших здесь политической властью (тюркешей, карлуков и др.).

В настоящее время, с увеличением сведений о поселениях на изучаемых территориях необходимо проанализировать совокупность уже имеющихся данных о характере хозяйстве кочевников раннего железного века и средневековья.

Прежде всего следует отметить, что наше мнение о формировании населения в результате археологического исследования совпадают с результатами антропологических исследований. Согласно исследованиям антрополога Т. К. Ходжайова средневековое население Киргизстана по антропологическому составу было неоднородным. В краниологических материалах X – XII вв. из Краснореченского городища, Бейшеке и Кан-Дюбе встречались европеоидные типы восходящие, видимо, своими корнями к сакскому и усуньскому населению Кыргызстана [Ходжайов, 134].

Исследовав серии черепов из раннесредневековых тюркских курганов Кочкорской долины антропологи С. С. Тур и И. Р. Газимзянов пришли к выводу, что европеоидного компонент в их антропологическом составе был существенным [Газимзянов, Тур, 2012, с. 227]. Возможно, часть пришлых согдийцев, ассимилировавшихся в среде тюрков, также могли оказать влияние на степень процентных соотношений расовых типов. Вместе с тем, на этногенезе средневекового населения Тянь-Шаня и Притяньшаня невозможно отрицать влияние потомков местных племен эпохи раннего железного века.

С эпохи раннего средневековья в Южном Прииссыкулье становится значимым политическим и культурным центром ареал городища Кан-Дюбе. Роль данной местности являлось одним из центров Западнотюркского каганата, что прослежено на примере каменных изваяний, установленных в честь высокопоставленных лиц. В пределах цитадели выявлены слои предтюркского времени и относящиеся к периоду, Западнотюркского, тюркешского, карлукского каганатов. На восточной части городища, на глубине 1,20 м обнаружен пол помещения. На этом участке найдены два

кувшина ручной лепки и костяная подпружная пряжка, характерная для раннего средневековья.

Впервые нами на территории городища Кан-Дюбе было обнаружено специальное место для культового очага (домашнее святилище). Культ огня был распространен не только в Средней Азии, но и в Индии, на Кавказе, на Ближнем Востоке. В древности огонь играл важную роль в религиозных и магических обрядах и был объектом поклонения у зороастрийцев, к которым оно перешло от язычников [Обельченко, 1992, с. 131-132]. Специальные постройки, связанные с культом огня, отмечались при исследовании памятников Средней Азии неоднократно [Брыкина, Горбунова, 1999, с. 105]. Многочисленные находки культовых очажков, заслонок, курильниц и поставок для них на поселениях Чуйской долины служат неопровержимым доказательством широкого распространения среди оседлого населения культа огня [Байпаков, Горячева, 1999, с. 157].

По результатам раскопок нами было установлено, что город возник на базе расположенных в бассейне р. Тон поселений раннего железного века, предтюркского периода, тюркских каганатов, с течением времени он превратился в укрепленный город. Благодаря исследования на территории городища Кан-Дюбе открываются новые возможности для исследования культуры сезонных кочевых сообществ расположенных с рядом с городскими поселениями. Они позволяют провести комплексное изучение материальной и духовной культуры ведущих комплексное хозяйство. Технология изготовления керамических изделий обнаруживает близкое сходство с архелогическими материалами городищ Чуйской долины. По нашему предположению, городище Кан-Дюбе возник в недрах усуньской ставки Чигу (Чигу-чен) упоминаемой в китайских источниках.

Сравнительный анализ культуры средневекового населения Тянь-Шаня с данными Средней и Центральной Азии. С открытием новых памятников в Средней и Центральной Азии исследователями и публикацией, материалов по археологии о рассматриваемого периода сравнительные методы исследования не потеряли своей актуальности. Так, возрастает необходимость сравнительного исследования памятников тюркоязычных этносов Тянь-Шаня и Саяно-Алтая на новом уровне, с учетом нового археологического материала.

Распространение тюркской культуры на Тянь-Шане носило последовательный характер. Захоронения в сопровождении коня, установление каменных изваяний с оградкой демонстрируют полное соответствие канонам средневековой тюркской культуры в Центральной Азии. Судя по материалам миграционных процессов периода Первого тюркского каганата и Западнотюркского и Тюркешского каганатов привели к слиянию культуры тюркоязычных этносов на территории Тянь-Шаня и

Семиречья. В процессе интеграционных процессов прибывшие с востока тюркские племена вошли в среду родственных им тюркоязычных народов. Взаимовстречаемость элементов культуры времени Первого тюркского каганата в могильнике Беш-Таш-Короо I-III следует рассматривать как свидетельство сближения первых тюрков прибывших во время правления Истеми-кагана и последующих миграций.

Сходные черты погребально-поминального обряда восточных и западных тюрков отмечены и предшественниками исследователями. Новые исследования дополнительно подтвердили почти все заключения о сходстве их культур [Худяков, Табалдиев, .

В тюркских могильниках Тянь-Шаня керамические сосуды встречаются редко. Форма же известных раннесредневековых тюркских посуды лепные, слабо профилированные, чаще имеют горшковидную и баночную форму. У сосудов слабо слегка отогнутый венчик, слабо раздутое тулово, плоское дно. Дно сосудов плоское или слегка вогнутое. Высота сосудов – до 15 см, диаметр тулова – до 10 см. По всем параметрам они сходны с известными тюркскими сосудами ручной лепки Саяно-Алтая [Митько, Журавлева, 1994; Худяков, 2004, рис. 88-90; Кубарев., 2005, рис, 17,5-6]. Сходство проявляется в профилировке сосудов.

Как показали специальные исследования седел, стремени, удила, подпружных пряжек, получивших распространение в период Первого тюркского каганата затем в зонах владений Восточнотюркского и Западнотюркского тюркского каганатов их изготовление развивалось во многом схожих формах [Худяков, 2005, с. 125]. Это характерно для всего комплекса материальных находок, включая наборных поясов, серег и т. д. [Худяков, Табалдиев, 2008].

В связи с обнаружением около трех десятков элементов краниологического материала и их исследованием антропологом С. С. Тур и её коллегами получены результаты, которые позволили сделать следующие совокупные выводы. Мужские черепа из могильников Беш-Таш-Короо I, II, III (Кочкорская долина) и Шамси обнаруживали значительное сходство с мужскими черепами Горного Алтая VI–X вв. н.э. и Минусинской котловины VII–XI вв. н.э., а также с черепами современных хакасов, прежде всего сагайцев и бельтыров. Женские черепа из могильников Беш-Таш-Короо I, II, III также большое сходство с женскими черепами Горного Алтая VI–X вв. н.э. и Минусинской котловины VII–XI вв. н.э. Достаточно близкое сходство они обнаруживают с черепами современных кыргызов. В смешанной группе, объединяющей единичные женские черепа из могильников Чуйской, Таласской долин, Внутреннего Тянь-Шаня: Чон-Калба, Шамси, Кара-Кужур, Ак-Коргон, Кара-Саз и Бел-Саз II сохранялся морфологический тип,

характерный для женских черепов из могильников Тянь-Шаня предшествующего, усуньского времени (I – V вв.).

В целом, изучение краниологического материала позволило сделать вывод о том, что в тюркское время на Тянь-Шане появляется пришлое население, связанное своим происхождением с кочевниками Горного Алтая VI–X вв. и Минусинской котловины VII–XI вв. Пришлые и местные группы сохраняют относительную обособленность. Проникновение пришлых тюркских кочевников на Тянь-Шань, судя по материалам захоронения Беш-Таш-Короо III, начинается уже в конце VI – начале VII вв. н.э.

Население периода Западнотюркского каганата по своим антропологическим особенностям сближается с древним населением, обитавшим на территории современного Кыргызстана и Саяно-Алтая. Антропологический состав населения Тянь-Шаня и Притяньшанья сочетал в себя все черты европеоидной и монголоидной рас, т. е. они являлись представителями южносибирской малой расы. Существование связей между потомками племен эпохи раннего железного века и пришлых в эпоху раннего средневековья подтверждается археологическими материалами [Тур, 2001, с. 76 – 78; Газимзянов, 2012, с. 227 – 230].

По мнению антропологов, результаты проведенных исследований могут быть соотнесены с антропологическим типом современного населения Средней и Центральной Азии. Эти параллели можно рассматривать как свидетельство генетических связей части тюрков Западнотюркского каганата и современных кыргызов.

Как видим сравнительный анализ тянь-шаньских материалов с саяно-алтайскими дает немаловажные результаты. Проведения аналогичных наблюдений требуют и западные материалы т. е. ареалы, расположенные к западу от Тянь-Шаня Их изучение может предоставить новые важные свидетельства для разработки проблем раннесредневековой тюркской археологии.

Культура населения Тянь-Шаня и прилегающих территорий XII–XV вв. н.э.

В результате систематических раскопок курганов в первой половины II тыс. н.э. автором были получены важные сведения об особенностях погребального обряда и в целом о материальной культуре, этнокультурных и миграционных процессах населения Тянь-Шаня изучаемого периода. Главным источником, предоставляющим информацию, являются курганы. Большинство их обнаруживается на плато, на ровных участках возвышенностей. (Табалдиев, 1996). Встречаются одиночные курганы,

большие могильники состоят, как правило всего из 10 – 15 курганов. Внешним культуроопределяющим признаком курганов кочевников позднего средневековья является овальная в плане формы каменно-земляная или земляная насыпь, ориентированная длинными сторонами по линиям север – юг, северо-запад – юго-восток и восток – запад. В северном, северо-западном секторах ряда курганов имеется невысокий, зачастую слабовыделяемый каменный столб.

Овальной форма курганов в могильниках XII-XV вв. н.э. Тянь-Шаня составляют большинство из всех исследованных курганов (90%). Овальная форма каменно-земляной насыпи на Тянь-Шане стало известно еще раньше в VIII-X вв., о чем свидетельствуют курганы погребений с конем с могильниками в могильниках Айгыр-Жал (Нарын), Беш-Таш-Короо I и II (Кочкор) и Кызыл-Сай (Талас).

Внутримогильные сооружения представлены могильными ямами с заплечиками и подбойными могилами. В единичных случаях стены могильной ямы облицованы каменными плитами и сверху перекрыты поперечно расположенными плитами. Пока известно лишь одно погребение в подбое в гробе-колоде.

Основная часть погребений XII – XIV вв. н.э. умершие располагались головой на север, северо-запад. Есть группы курганов, где погребенные ориентированы головой в сторону запада. Имеется еще несколько признаков, указывающих на неоднородную этническую принадлежность погребенных в курганах.

Среди исследуемых курганов Тянь-Шаня выделялась группа курганов со специфическими чертами погребального обряда. Под насыпью отдельных курганов встречались «тайники» с вещами, также рядом с погребальной ямой, на древнем дневном горизонте – яма с кострищем.

Погребенные в могиле находились вытянуто на спине, головой ориентированы на север, северо-запад. Есть небольшие могильники, где умершие положены головой в сторону западного сектора. Рядом положены вещи с соблюдением возраста и пола погребенных. В мужских погребениях встречаются пучок стрел или стрелы, помещенные в берестяной колчан, редко – лук. Женщин хоронили с надетыми украшениями, встречались серьги, редко перстни, браслеты. В отдельных женских погребениях сохранились остатки берестяного головного убора (бокка), деревянные гребни. У ног погребенных или над их конечностями находилось седло со снаряжением. Можно утверждать, что положенные рядом с умершими седла соответствовали их полу и возрасту – это были мужские, женские и детские. С большой уверенностью можно утверждать о положенных рядом

соответственно полу и возрасту мужских, женских и детских седел. Рядом иногда ставили деревянные или металлические чаши. Умерших хоронили в одежде, редко покрывали тканью.

Специфичным элементом погребального обряда кочевников позднего средневековья является положение в могилу ритуального мяса для умершего. В ходе раскопок у изголовья или рядом обычно находили берцовую кость, лопатку барана. Кроме того, в женских погребениях в области пояса находили ямочки с содержанием двух или трех позвонков барана.

Материалы раскопок датировались по уже имеющимся аналогиям и по найденным монетам чеканенных в последней трети XIII – начале XIV вв. н.э. В настоящее время датировка этих памятников выборочно уточняется с помощью метода радиоуглеродного датирования (¹⁴С). Так, например, погребение из Боз-Адыр с характерным набором признаков XIII-XIV вв. н.э. по (¹⁴С) абсолютно датировано 1170-1180 гг. В связи с этим полагаем, что часть погребений с овальной в плане насыпью, с большой берцовой костью овца (барана) рядом с погребенным, с головным берестяным убором боккой имело место еще до нашествия орд Чингизхана. Это во многом меняет ход исследования этнокультурной ситуации на Тянь-Шане и в Семиречье. В связи с этим возникла необходимость проведению контрольных анализов по методу радиоуглеродного датирования (¹⁴С).

Как и в предыдущих волнах миграционных процессов с отдалением с сторону запада она приобретала новые черты и обогащалась. В таком рассмотрении вопроса объективным кажутся сведения ал-Омари: «с приходом татаро-монголов кыпчаки сделали их подданными. Потом они (татары) смешались и породнились с ними (кыпчаками), и земля одержала верх над природными и расовыми качествами их (татар), и все они стали, точно кыпчаки, как будто они одного (с ними) рода, оттого, что монголы (и татары) поселились на земле, кыпчаков, вступали в брак с ними и оставались жить в земле их кыпчаков»

Памятники принадлежат к тюркоязычным и монголоязычным этническим группам, которые осваивали сходные горно-степные зоны Центральной Азии. Они, и их предки жили в разное время жили бок о бок, в отдельных отрезках времени имели тесные связи или же враждовали. У них было много общего в хозяйственной, скотоводческой деятельности, в материальной культуре. Предметы вооружения обнаруженные в различных долинах Тянь-Шаня хорошо сопоставляются с данными Казахстана, Алтая, Южной Сибири, Забайкалья и Монголии. В расовом отношении у них много общего. Поэтому часто возникают дискуссии по поводу этно-культурном прогнозировании погребального комплексов XII-XV вв. в вышеуказанной указанной географической средах Центральной Азии.

В них ярко прослеживаются элементы погребального комплекса тюркоязычных и монголоязычных племен Центральной Азии. т.е. Они имеют довольно близкие признаки с теми погребениями, этнические принадлежности которых определены как кыпчакские и монгольские погребения. Культура народов рассматриваемого времени Центральной Азии в среде тюркских и монгольских народов продолжается в последующие столетия в горно-степных зонах Средней и Центральной Азии.

Рассмотренные археологические материалы из памятников Тянь-Шаня XII-XV вв. свидетельствуют что население оставившие их непосредственно участвовали при сложении кыргызского народа и его культуры. Они имеют некоторые общие признаки с погребальным комплексом раннесредневековых тюркоязычных этносов Центральной Азии. Именно они играли значительную роль в формировании кыргызского народа на Тянь-Шане.

Исследование культуры оседлой части населения Тянь-Шаня особое внимание уделяется синхронного времени характеризуется на основании материалов дворцовых комплексов, городищ межгорных долинах таких, как Садыр-Коргон, Ак-Тёбё, Садовое, Сретенское, Акчий. Судя по монетам, городище Садыр-Коргон (Шельжи) не потеряло своего экономического значения потенциала в XVI-XVII вв (Бурнашева, Аитова, 1999, с. 80). На основании коллекций нами были воссозданы новые варианты орнаментальных мотивов художественной керамики, позднесредневековой архитектуры (Табалдыев, Атаоглы и др., 2014).

Именно продолжения исследования памятников XV – XVI вв. н.э. и культур более позднего времени, продолжающих традиции предыдущих поколений очень важно для изучения материальной культуры, этнических и религиозных процессов не только на Тянь-Шане, но и в более в широком масштабе.

Мусульманские погребения и поминальные памятники II тыс. н. э.

После второй половины XIV и XV вв. традиция сооружения внутримогильных и надмогильных конструкций в основном сохранила прежние черты и характерные особенности, отслеживаемые в памятниках XII – XIV вв. н.э. Надмогильные сооружения имеют овальную в плане форму, обычные грунтовые могильные ямы перекрываются поперечными деревянными перекрытиями. По данным, полученным при некоторых могильниках, можно отметить об увеличении числа подбойных могил. Нововведения в погребальном обряде связаны с принятием мусульманства и сводилась лишь к строгой необходимости укладывать покойника головой на север, северо-запад, лицом в сторону Мекки, погребальный инвентарь

отсутствовал. В целом сооружение памятников было аналогично памятникам XII-XIV вв. н.э.

Каменные надмогильные сооружения овальной формы имели место и в последующие столетия. Судя по характерным признакам известных нам памятников, со второй половины XVIII века распространяются другие типы надмогильных сооружений. Например, гумбезы, сагана, простые земляные холмики и т. д. Как свидетельствуют результаты этнографических исследований С. М. Абрамзона, Т. Д. Баялиевой, еще до этнографической современности в погребальном обряде сохраняются некоторые элементы доисламских верований [Абрамзон, с. , Баялиева, с.] Наши исследования подтверждают высказывания выводы этих исследователей.

Опираясь на данные предшествующих исследований, и на археологические материалы, обнаруженные нами, можно выделить, типов надмогильных и внутримогильных сооружений, происхождение и распространение, которых связано с принятием ислама в исследуемом нами регионе. Для них характерны грунтовые могильные ямы, подбои и стены из сырцового кирпича. Для перекрытия внутримогильных сооружений использовались дерево, кирпич, скальные плиты. Встречается несколько типов надмогильных памятников: 1) надгробный камень с надписью – кайрак; 2) надгробия из кирпичей или из – пахсы, сагана; 3) мавзолеи-гумбезы, которые строились как для одного умершего, так и как семейные усыпальницы. Широко распространяются фамильные кладбища, огороженные внешней стеной.

Анализ памятников, связанных с распространением ислама, особенно погребальных и поминальных памятников II тыс. н. э., позволили нам проследить этапы распространения этой религии.

Первый этап. Период правления Караханидов (X – XII вв. н.э.). Появляются первые мусульманские погребения. Они в основном сосредоточены вблизи городищ. Изучались главным образом вблизи городищ караханидского времени. В это время вместо каменных изваяний начали устанавливать надгробные камни с арабографической эпитафией. Редкие мавзолеи и надгробные эпитафии указывают на особое положение усопшего при жизни. Камни с надписями являются не только носителями письменных традиций, но и сами по себе становятся для исследователей вещественным доказательством особенностей духовных традиций. Они предоставляют разностороннюю информацию, характеризующую исторический период. На первом этапе часть населения проживающего в высокогорных районах, в основном придерживались прежних обычаев захоронения, а именно сохраняются погребения умершего с вещами. В

период миграций и нашествий племен из востока, с начала XIII в. н.э. динамика распространения культурных элементов, связанных с исламом религией ослабляется. Камни-надгробия с эпитафией практически не встречаются.

Второй этап. Период послемонгольского нашествия (конец XIV – начало XVI вв. н.э. На данном этапе и в высокогорных районах Тянь-Шаня широко распространяется традиция возведения курганов с погребенными по мусульманскому обычаю. Погребальные конструкции во многом идентичны с конструкциями XIII – XIV вв. н.э. и достаточно четко указывают постепенный переход к мусульманским традициям. Погребенные положены в могилу головой на север, северо-запад, лицевая часть направлена на запад. Отсутствие погребального инвентаря т. е. погребение без вещей является главной особенностью мусульманских погребений после XIV – XV вв. Но встречаются случаи нарушения мусульманских традиций захоронения покойного – изредка погребенные хоронились с минимальным набором вещей. Камни с эпитафиями этого периода достаточно редки.

Третий этап. Со второй половины XVIII века начинается период после ойратского (джунгарского) нашествия и Кокандского ханства. Замечается увеличение строительства гумбезов, построенных из сырцового кирпича. Гумбезы, возведенные построенные из обожженного кирпича встречаются очень редко. Появляется новый тип надмогильного сооружения в виде саганы – удлиненного надгробия из глины. Продолжается установление надгробных эпитафий с арабографическими надписями. В это время значительно сокращается число овальных в плане каменных, каменно-земляных курганов. Увеличивается число обычных округлых надмогильных земляных холмов. Широко распространяются фамильные кладбища, огороженные внешней стеной. Иногда их полы выстланы камнями образуя кольцевое обрамление как и в курганах предыдущего времени. Указанные основные традиции погребально-поминального обряда населения Тянь-Шаня продолжают соблюдаться до середины XX века.

Раздел V. Формирование культуры кыргызов по данным археологических источников

Мнение исследователей о том, что в формировании кыргызского народа сыграли роль племена центральноазиатского и южносибирского, так и местного происхождения, хорошо согласуется с большим числом археологических данных. В установлении генетических корней современного кыргызского народа высока роль изучения материалов из погребальных

комплексов. Они выявляются также на этнографическом материале, при их сравнительном изучении с археологическими источниками из других регионов. Известный этнограф С. М. Абрамзон отмечал «киргизские погребальные сооружения, несмотря на вполне мусульманский обряд захоронения, находятся в известной генетической связи с памятниками предшествующих эпох, в них нашли свое отражение более ранние местные традиции» [Абрамзон, 1961, с. 113 – 116; он же. 1990, с. 337 – 343]. Ученый сопоставлял катакомбны захоронений первых веков н. э. и отмечал в них общие черты конструкций, характерных и для современных киргизских погребальных сооружений. Наиболее наглядно это иллюстрируется на материалах раскопок средневековых погребальных комплексов. В ходе археологических раскопок курганов XI – XIV вв. Было выявлено множество предметов культуры и быта населения изучаемых территорий часть из них, характерна для материальной культуры и прикладного искусства современных киргизов Тянь-Шаня и Притяньшаня.

Долгое время объектом исследования и дискуссий являлась генетическая связь енисейских и тянь-шаньских киргизов, прослеживаемая на основе письменных источников и археологических материалов.

Обращаясь к истории археологических исследований на территории Кыргызстана, мы, в первую очередь, обращаемся трудам профессора А. Н. Бернштама. Опираясь на археологические данные собранные на территории Нарынской области, он впервые попытался проследить этногенез киргизского народа. Для разработки он определил территориальный предел «Тянь-Шань и Енисей», т. е. суть исследования была направлена на исследование и анализ связей между киргизами Тянь-Шаня и Енисея. Для анализа он привлек ажурные серебряные накладки, найденные в Кочкорской долине еще в конце XIX века. Они были сопоставлены с орнаментацией золотой посуды, найденной на Енисее, в Кёпенском чаатасе. По результатам проведенного сравнения он писал: «на Тянь-Шань носители этого мастерства могли попасть в результате прямых взаимоотношений с киргизами Енисея, или в результате очередного переселения киргизов с Енисея в конце IX – начале X вв. Киргизы пришли сюда через Восточный Туркестан...» [Бернштам, 1952, с. 89 – 94].

В этом же труде А. Н. Бернштам указывал, что относит к киргизским погребения в двух курганах, исследованных им на окраине г. Нарын, в могильнике Аламышык (курганы 69 и 102). Он писал «таким образом, мы имеем едва ли не первое погребение енисейско-киргизского типа на Тянь-Шане, свидетельствующее о проникновении енисейских киргизов в IX в. на Тянь-Шань» (Бернштам, 1952, с. 83 – 84, 88). Кроме средневековых, на

основе озучения материалов из катакомбных погребений гуннского времени (I – IV вв. н.э.) связывал их с древнекиргизскими и отмечал « киргизы Тянь-Шаня складывались внутри гунно-тюркской среды, впитав в процессе своего развития значительную часть этого этнического массива и в основном заняв их древние территории» (Бернштам, 1952, с. 89).

А. Н. Бернштам – ученый, создавший фундамент кыргызской археологии. Его труды до сих пор являются настольными книгами исследователей и не потеряли научной значимости до настоящего времени. Основная ценность его трудов в том, что многие его выводы и предположения были подтверждены последующими поколениями исследователей. Но наука развивается, новые данные требуют уточнения некоторых его научных положений. В конце своей жизни он сам корректировал некоторые свои выводы, в том числе и некоторые заключения, касающиеся этнической истории кыргызов. Позднее было научно доказано, что сопоставленное с енисейским погребение с конем (бараном) № 69 из могильника Ала-Мышык – не кыргызского типа. В период работы А. Н. Бернштама время, часть погребений с конем на Енисее считал четвертым типом погребений енисейских кыргызов. Пока еще не полностью аргументированы этнокультурные показатели и кургана №102 могильника Ала-Мышык.

В научной среде долго велась дискуссия о генетической связи енисейских и тениртоосских кыргызов. Эти вопросы активно дискутировались в 1953 году на итоговой сессии кыргызской комплексной археолого-этнографической экспедиции, в 1988 году во время проведения тюркологической конференции (Тюркология-88) и в 1995 году при проведении научной конференции «Кыргызы: этногенетические и этнокультурные процессы в древности и средневековье в Центральной Азии». Преобладающая часть историков, антропологов, археологов на основании доказательных аргументов высказывались в пользу генетических связей между енисейскими и тениртоосскими кыргызами.

Согласно данным одного из письменных источников «при похоронах не царапают лиц, только обвертывают тело покойника в три ряда и плачут; а потом сжигают его, собранные же кости через год погребают. После сего в известные времена производят плачь» [Бичурин, 1950, с. 353]. Одним из сильных контраргументов оставалось приведенное сведение – если кыргызы мигрировали с Енисея на Тянь-Шань, то почему до сих пор здесь не найдены средневековые погребения по обряду сожжения?

Основываясь на сведения о традиционном погребальном обряде кыргызов исследователи попытаются доказать или опровергнуть наличие каких-либо связей между кыргызами Енисея и Тянь-Шаня. Например, в 1963 году Я. А. Шер писал: «принятое в литературе искусственное преувеличение роли енисейских кыргызов на раннем этапе этногенеза кочевников Тянь-Шаня не подтверждается ни археологическими памятниками, ни письменными источниками» [Шер, 1963, с. 158 – 166]. Шер Я. А., исследуя средневековые погребения с конем, каменные изваяния и петроглифы, пришел к выводу о том, что в этногенезе кыргызов существенный компонент принадлежит алтайско-орхонским тюркам. Из-за отсутствия на Тянь-Шане погребений с сожжением умершего, отрицалась этнокультурная общность предков хакасов и тянь-шаньских кыргызов [Кызласов, 1959, с.104 – 116].

Вместе с тем, в археологических исследованиях на проводимых на Алтае, в Казахстане, Восточном Туркестане, на Тянь-Шане, встречались предметы, характерные для кыргызов Енисея и что указывает их присутствие в этих местах. Об этом были написаны специальные труды Д. Г. Савинова, Ю. С. Худякова [Кляшторный, Савинов, 2005, с. 263 – 274; Худяков (1995, 180 – 194; Дашковский, 2015, с.].

К настоящему времени мы располагаем весьма отрывочными сведениями о погребениях с признаками сожжения умершего, обнаруженных в конце XIX столетия. В сентябре 1891 года ученый-садовод А. М. Фетисов, производивший археологические исследования по поручению Российской Императорской Археологической Комиссии, вел раскопки в Кочкорской долине Тянь-Шаня. В местности Кескен-Таш А.М. Фетисовым был вскрыт подземный склеп из сырцовых кирпичей, оштукатуренный алебастром, внутри которого находился сосуд с сожженным прахом [Фетисов, 1892, с. 117]. Еще одно сообщение содержится в научном отчете В. В. Бартольда по результатам исследований на юге Казахстана (в районе между Таразом и Мерке). Там были найдены могильные курганы, принадлежащие народу, у которого был обычай сожжения умерших [Бартольд, 1964, с. 39].

Письменные источники достоверно свидетельствуют о том, что в религиозных представлениях кыргызов и тюрков особое значение имел культ огня. Вера в огонь ярко выражалась и погребальном обряде, для очищения от грязи и грехов тело покойного сжигали и хоронили только кости.

Согласно сведениям из письменных источников и по данным археологических исследований, нам известно, что для енисейских кыргызов был характерен обряд трупосожжения. Это являлся основным этнодиагностирующим показателем. В труде персидского автора Гардизи

«Зайн ал-ахбар» («Украшение известий»), написанного в 1050 – 1053 гг., упомянуто: «Киргизы, подобно индусам, сжигают мертвых и говорят: «Огонь самая чистая вещь; все, что попадает в огонь, очищается: (так) и мертвого огонь очищает от грязи и грехов» [Гардизи, с.].

С другой стороны, результаты исследований средневековых курганов периода средневековья и позднесреднего средневековья указывает на нецелесообразность поиска погребений с сожжением умерших, характерных для енисейских кыргызов [Табалдиев, 1996, с.195 – 204]. Согласно сведениям, упоминаемым в труде «Табайи ал-хайаван» средневекового автора сочинения. Ал-Марвази XI-XII вв., обряд сожжения умерших упоминается уже в прошедшем времени, до того момента, когда они стали жить в соседстве с мусульманами: «У хирхизов в обычае – сжигать своих умерших; они утверждают (при этом), что огонь очищает и делает их чистыми. Это было их обычаем с древних времен, но когда они оказались соседями мусульман, то стали хоронить мертвых» [Караев, 1994, с. 55].

Как показывают незначительные на сегодняшний день археологические материалы, возможно часть енисейских кыргызов, прибывших на Тянь-Шань после 840 года, сохранила некоторые черты погребального обряда.

На территории Тянь-Шаня имеются единичные археологические данные о пребывании здесь енисейских кыргызов, полученные в ходе раскопок курганов. Это наличие «тайников», которые характерны для погребальной культуры енисейских кыргызов. Общеизвестно, что енисейские кыргызы сжигали умерших в погребальном костре. В курганах енисейских, алтайских кыргызов, кроме пережженных костей умершего, нередко обнаруживаются ямки-тайники с вещами [Кызласов, 1981, 55), Дашковский, 2015, с.]. Подобные ямки-тайники не были зафиксированы в ходе исследований древних и средневековых курганов. То есть этот обряд не был характерен для древних и средневековых племен Тянь-Шаня. Только в памятниках населения Тянь-Шаня с рубежа II тыс. н.э. под насыпью единичных курганов начали отмечаться скопления металлических предметов (детали сбруи, наборного пояса). Раньше этот признак был зафиксирован А. К. Кибировым в Кочкорской долине в могильнике Ичке-Жылга [Кибиров, 1995, с. 43 – 46]. Здесь на глубине 0,65 м были найдены металлические предметы со следами пребывания в огне.

В 1990 году, во время археологической экспедиции Ассоциации историков Кыргызстана на окраине г. Нарын, в могильнике Ала-Мышык был найден курган с признаками погребального обряда енисейских кыргызов. При раскопке кургана № 120, на глубине 0,40 м обнаружен «тайник», в котором находились предметы конского снаряжения (двусоставные удила с

большими кольчатыми псалиями, стремена, подпружная пряжка, оковки седла, обломки железной пластины). Вокруг скопления предметов находился древесный тлен, угольки, золистые линзы. В южной части кургана, в яме было найдено захоронение взрослого человека. В центре кургана – детское погребение. Вокруг скелета ребенка видны следы прокалывания, угли, золенные пятна, образующие кольцо. По-видимому, перед захоронением могильная яма была обложена деревом и сожжена. Представлял интерес и лепной сосуд из могилы 3. Он имел шаровидное тулово, округлое дно, широкую горловину, заостренный венчик. Под венчиком по периметру шейки идет горизонтальный налипной валик. Под валиком на плечиках в четырех местах на равном расстоянии радиально расположены парные выступы-шишечки. Курган по вещам был датирован XI – XIV вв. [Худяков, Табалдиев, 1994, с. 112 – 128].

Раскопанный на могильнике Ала-Мышык Раскопанный курган №120, включающий два захоронения по обряду трупоположения в отдельных могильных ямах и скопление железных предметов сбрауи под насыпью, на уровне древнего горизонта, не имеет аналогий среди раскопанных ранее объектов на этом могильнике. Размещение предметов сбрауи вне могилы, под насыпью на уровне древнего горизонта, компактным скоплением совершенно не характерно для культуры средневековых кочевников Тянь-Шаня. В то же время подобные «тайники» часто встречаются в культуре енисейских, алтайских кыргызов, в памятниках XI – XIV вв. н. э.

В Кочкорской долине, в могильнике Бел-Саз, при снятии дернового слоя кургана, в центре – на глубине 0, 10 м были обнаружены фрагменты кольчуги, двусоставные удила с кольчатыми псалиями, пряжка и две орнаментированные бронзовые бляшки. Внизу находилось подбойное сооружение с разрозненными человеческими костями. При зачистке найдены стремена, пряжка и бронзовая серьга. Состояние обнаруженных предметов под дерновым слоем и в подбое разная. Памятник датирован XIII – XIV вв. н. э. [Табалдиев, 1996, с.103, рис. 5, 3-8.].

В Алае, в могильнике Кирпи-Сай, рядом с могильной ямой нами была найдена специальная яма длиной 30 – 35 см, где зажигался огонь, до или после захоронения умершего. В яме сохранились древесные угольки.

Наличие под насыпью курганов указанного скопления вещей («тайники»), использование огня в могильной яме – совершенно новые признаки в погребальной обрядности населения Тянь-Шаня. Также «тайники» часто встречаются в средневековой культуре енисейских, алтайских кыргызов.

Как уже отмечено, в курганах Бел-Саз, Кирпи-Сай, Ала-Мышык не было найдено кальцинированных костей умерших. Во всех этих курганах умершие были погребены по обряду ингумации (трупоположению). При этом,

здесь использован обряд, связанный с огнем, и имелись «тайники» с вещами как у енисейских кыргызов. Это могло произойти только при полной смене погребального обряда. Но ведь погребальный обряд крайне консервативен и народы, несмотря на возможные изменения в погребальном обряде, как правило сохраняют традиционные его элементы.

В упомянутом нами труде Ал-Марвази «Табаи ал-хайаван» говорится о смене погребального обряда у кыргызаов, когда они стали жить в соседстве с мусульманами. Но в этом случае, более правильное было бы ориентироваться, исследовать не на тот обряд, который характерен для енисейских, алтайских кыргызов, а несколько видоизмененный под воздействием мусульман обряд пришедших на Тянь-Шань кыргызов.

В процессе исследования археологических памятников на территории Кыргызстана исследователи обнаруживали целые комплексы предметов (детали наборного пояса, железные наконечники стрел, предметы конского снаряжения) характерных для енисейских кыргызов. Они связывались отдельными группами кыргызов, доходивших до восточных отрогов Тянь-Шаня в эпоху их «великодержавия» [Савинов, 1989, с. 77 – 90; Грач и др. 1998, с.73; Табалдиев, Худяков, 1999, с. 514 – 520].

Этническая история кыргызов достаточно хорошо была изучена антропологами в период комплексной археолого-этнографической экспедиции в 1953 – 1954 гг. Согласно выводам первоначальных исследований антрополога В. П. Алексеева, «современные киргизы краниологически обнаруживают близкое морфологическое сходство с «енисейскими киргизами», что позволяет утвердительно ответить на вопрос об их генетическом родстве» [Алексеев, 1956, с. 115].

Приведенные выше археологические свидетельства вместе с данными письменных источников позволяют сделать вывод о пребывании енисейских кыргызов на Тянь-Шане. Пока трудно говорить, было это массовые переселения или же только пребывание отдельных отрядов кыргызских воинов.

Элементы поминальной культуры енисейских кыргызов прослеживаются и в культуре современных кыргызов. Например, плачь по умершему, «в известные времена года» (ун чыгаруу), белые войлочные шапки с коническим верхом и загнутым низом. Сохранились календарные обычаи кыргызов: «три месяца составляют четверть года. Годы считаются двенадцатью знаками: например, год в знаке Инь называют годом тигра...» так писали китайцы в династийной хронике между 618 – 907 гг. н. э. Упоминается, вероятно, и бозо – «вино квасят из каши».

В поминальной культуре кыргызов сохранились и многие черты, схожие поминальной культурой средневековых тюрков. Известно, что эти народы находились в тесном контакте в период раннего средневековья, например тюргеши, жившие здесь до прихода енисейских кыргызов. Так, и сейчас кыргызы закалывают именно лошадь для поминок. Этот обряд, по мнению этнографа Т. Д. Баялиевой, генетически связан с более древним обычаем тюрков. Обычай захоронения с конем после принятия ислама был видоизменен, жертвенный конь, предназначавшийся для погребения вместе с умершим, стал передаваться мулле в виде подарка за отпущение грехов («Бурак-ат»). А некоторые детали головного убора, традиции изготовления конского снаряжения и некоторые виды прикладного искусства средневековых тюркоязычных народов дожила до этнографической современности и отражены современной материальной культуре кыргызов и казахов. Каменное изваяние, найденное в селе Кол-Тор Тонском районе с изображением воина с головным убором тебетей (бёрюк), наглядный пример этнографической близости средневековых тюркоязычных народов и современных кыргызов Тянь-Шаня.

Именно культура средневековых тюркоязычных этносов и енисейских кыргызов легла в основу культуры кыргызов позднего средневековья. По генеалогической легенде упомянутой в китайской хронике кыргызы и тюрки имеют единый корень. Согласно данным одного из китайских источников отмечается сходство их языка, верований и элементов материальной культуры, даже сходство мужских причесок, некоторых элементов одежды и т. д.

Как уже упоминалось, по результатам их исследований антрополога С.С. Тур «в тюркское время на Тянь-Шане появляется пришлое население, связанное своим происхождением с кочевниками Горного Алтая VI – X вв. н.э. и Минусинской котловины VII – XI вв. н. э. [Тур, 2001, с. 76 – 78]. Данные выводы отчетливо согласуются с данными уже перечисленных нами письменных источников и археологических исследований.

Археологические материалы II тыс. н.э. отчетливо свидетельствуют о тесной связи между культурой современных кыргызов и средневековой культурой тюрков. Это материалы из погребальных памятников свидетельствующие эволюционирующих элементах материальной культуры, различных пластах культуры населения Тянь-Шаня. На археологическом материале четко прослеживается преемственность многих признаков материальной культуры, прикладного искусства упоминаемых нами этносов. Так до XVIII – XIX вв. н.э. кыргызские седла сохраняли основные традиционные элементы седел древнетюркского времени и

позднего средневековья. Только затем изменяется и усовершенствуется форма передней луки, полок. Седла стали изготавливать из единого куска дерева, без соединений полок и лук. Позднее были усовершенствованы и принципы отделки лук, полок и их соединения. Собрано немало доказательств и о происхождении высокого женского головного убора «шекуло». Археологические данные постоянно накапливаются и указывают на длительный путь формирования материальной и духовной культуры кыргызов.

Заключение

Археологический материал свидетельствующий древний и средневековой культуре населения Тянь-Шаня указывает ее формирования. Как показывают наши археологические исследования, для полного отражения эволюции этой культуры не достаточно материала, добытого только на Тянь-Шане. Часть элементов культуры населения Тянь-Шаня сформировалась в других регионах и получила дальнейшее развитие на Тянь-Шане и на сопредельных территориях. Поэтому многие вопросы археологии древних и средневековых кочевников Тянь-Шаня изучаются в общей системе культур народов Средней и Центральной Азии.

При исследовании нами об этнической ситуации и на территории Тянь-Шаня достоверными источниками выступали погребальные и поминальные памятники древнего населения. Во-первых, они четко фиксируют изменения, происходящие в погребально-поминальных традициях населения изучаемых территорий. А во-вторых, именно они содержат предметы материальной культуры, часть которых имеет этнодиагностические признаки.

В археологических материалах, обнаруженных на Тянь-Шане, прослеживаются и элементы культур этносов, пришедших из восточных регионов Центральной Азии. На основе их изучения можно проследить изменения происходящие в жизни населения в конце эпохи бронзы и в начале раннего железного века. Например, появление конструкций в виде херексуров, «оленных» камней и нового антропологического типа убедительно демонстрируют возникновение новой волны миграций из западной части Монголии и Алтая. Эти племена играли значительную роль при формировании в будущем – в середине I тыс. до н. э. культуры племен сако-усуньского круга. С появлением новых сведений, накапливаются достоверные свидетельства о постепенном слиянии культуры местных племен с пришедшими племенами.

Очередные культурогенетические процессы начались в первой половине I тыс. н. э., в период миграции кочевого, полукочевого населения из Центральной Азии с востока на запад. При синхронизации исторических событий эможно сделать вывод о том, что эти процессы были связаны усилением империи центральноазиатских хуннов. Однако пока на Тянь-Шане курганы хуннов, подобные открытым в Монголии Бурятии, не обнаружены. Тем не менее, предметы вооружения в виде сложносоставных хуннских луков появляются в захоронениях. Открытие курганов с остатками черепов жертвенных животных, появление центральноазиатских монголоидных типов из долины Кетмень-Тобо не исключает пребывания хуннских племен на Западном Тянь-Шане. Это доказано специалистами по вопросам физической антропологии.

Обнаружение и исследование курганов «усуньского облика», датированные методом радиоуглеродного датирования (^{14}C) во временном промежутке между 410 – 560 гг. н. э. свидетельствует о том, что культура местного сако-усуньского круга продолжает развиваться в первой половине I тыс. н. э., вплоть до раннего средневековья. Открытие новой группы курганов «с угловыми камнями» в Прииссыккулье и получение новых дат, полученных методом радиоуглеродного датирования (^{14}C) еще раз указывает на наличие достаточно пестрого культурного облика населения Тянь-Шаня первой половины I тыс. н. э. Начиная с рубежа I тыс. до н. э. и I тыс. н. э. происходят процессы взаимовлияния, ассимиляция культур, обычаев между потомками сако-усуньского круга и представителями пришлых этносов которые хоронили своих умерших в подбойных и катакомбных могилах. Например, часть пришлого населения, как местные сообщества хоронят знатных членов своего общества в курганах, сооруженных в цепочку по линии север – (Сутту-Булак). В этот период происходят и обратные миграции с запада на восток с взаимопроникновением различных элементов культуры. Об этом свидетельствует распространение ювелирных украшений, аналогичных восточноевропейским, а также ременных пряжек со знаками в виде буквы «X».

Открытие многослойных поселений возрастом четырех тысячелетий (с 3913 ± 28) во Внутреннем Тянь-Шане и южном Прииссыккулье и результаты их стационарного исследования указывают на непрерывное развитие земледельческого хозяйства на этих территориях где выращивались зерновые культуры (просо, ячмень, пшеница). Этот в важный вид хозяйственной деятельности никогда не прерывался, вплоть до современности. На разных экологических условиях предгорий Тянь-Шаня и Притяньшанья на разном уровне развивалась культура населения, ведущего комплексное хозяйство. В

результате и исследованиями пока единичных погребений эпохи ранней бронзы открываются новые возможности, позволяющие проследить наличие хозяйственных и культурных связей населения Тянь-Шаня и населения юга Средней Азии, с представителями бактрийско-маргианской культуры (БМАК).

Следующий этап культуругенетических процессов достаточно четко синхронизируется при анализе политической ситуацией Центральной Азии после образования Первого Тюркского каганата. Облик культуры начинает меняться в результате прихода центральноазиатских тюрков. Тюркам было свойственно захоронение с конем, сооружение поминальных оград с каменными изваяниями. В предгорных зонах происходит взаимовлияние множества культур – тюрков, согдийцев и представителей местных культур – саков-усуней, кенкольцев и группой племен создавших курганы «с угловыми» камнями. При слиянии местных традиций и традиций прибывших с Алтая тюркоязычных этносов возникают новые элементы в погребальной обрядности населения Тянь-Шаня. Об этом свидетельствует преобладание подбойных могил с захоронениями человека с конем.

При проведении сравнительного анализа в культур тюркоязычных народов четко прослеживаются признаки эволюции отдельных элементов материальной культуры характерные для местного населения предыдущего времени. Это замечается на новых особенностях уздечных наборов, предметов вооружения, в конструкции курганов. Многие элементы материальной культуры раннего средневековья соответствуют в культуре этносов Тянь-Шаня XI–XV вв. н.э.

Согласно письменным и археологическим источникам, раннесредневековые тюркские этносы, племена консолидировались вокруг ведущих народов и создали основу современных тюркских народов Центральной Азии.

С открытием новых памятников письменности II тыс. н.э. новой эры расширились возможности для их изучения и анализа в качестве археологических, исторических, лингвистических источников и при исследовании религиозных верований.

При детальном изучении археологического и этнографического материала различных этносов улавливаются характерные черты их культуры, а также определяется их роль в культуре современных народов Центральноазиатского региона. Они указывают на пути развития, изменения традиционных культур, истоки формирования обрядов, обычаев. Археологические находки дают возможность проследить истоки развития тех или иных элементов материальной культуры, например, конского снаряжения, украшений, одежды. В некоторых случаях позволяют воссоздать

их утраченные свойства или же служат связующим звеном между древней и средневековой культурами. Об этом свидетельствует и фольклор наших народов. Чем дальше мы углубляемся в историю нашего народа, тем ближе и понятнее становится наша культура. Одним словом, культура раннесредневековых тюркоязычных народов живёт в современной жизни народов Средней Азии, изменяясь и совершенствуясь с течением времени.

В материальной и духовной культуре кыргызов и казахов прослеживаются признаки культуры средневековых тюрков. Судя по этнографическим данным, в традиционном погребально-поминальном обряде двух народов сохранились черты обрядов, описанных в китайской, династийной хронике (плач по умершему, жертвование коня во время похорон, надрезание лица вдовами, вывешивание хвоста пожертвованного коня в день похорон или поминок на могиле, оставление около места захоронения черепа коня, пожертвованного в честь умершего). Безусловно, часть подвергалась значительным изменениям, особенно, они трансформировались под влиянием ислама.

Материалами, позволяющими проследить истоки культур раннесредневековых тюрков и культуры современных кыргызов и казахов являются археологические памятники XII – XV вв. н.э. Они отражают эволюцию и изменения, происходившие в формировании культуры в этот период. Именно археологические находки этого времени помогают выявить и прояснить вопросы, связанные с этнической интерпретацией, проблем, связанных с происхождением наиболее характерных элементов материальной культуры.

Опыт исследования археологических памятников кочевых культур доказывает почти непрерывную этногенетическую связь кочевого населения Тянь-Шаня с аналогичными культурами горных, предгорных, степных зон Средней и Центральной Азии.

Ранее при проведении традиционных исследований несмотря на наличие обнаруженных памятников редко учитывались процессы оседания части сезонных кочевников в период стабильного экономического развития данных территорий. До настоящего времени мало внимания уделялось изучению средневековых пригородных поселений, расположенных в предгорных зонах. В этом плане нами получены новые свидетельства из городища Кан-Добо (Иссык-Кульская область), из местности Кок-Сай (Кочкорская долина). Открытие и проведение раскопок каменной постройки караханидского времени в Кок-Сае, а также и проведение сканирование при помощи георадара открывают новые возможности для изучения культуры населения, ведущего комплексное хозяйство. Пока еще недостаточно

изучены поселения в предгорьях Западного Тянь-Шаня, Ферганского, Алайского хребтов, в таких долинах, как Кочкорской, внутренняя Тонской, Западно-Иссыккульской долинах, которые отличаются особым микроклиматом и наличием пригодных территорий для зимнего выпаса скота.

Изучение путей развития оседлой культуры таких микрообластей требует дальнейших целенаправленных исследований. Исследования географической среды, где развивались параллельно земледельческое хозяйство, гончарное производство, металлургия, сезонное кочевое хозяйство, придомовое скотоводство указывают на неправомерность строгого деления родственных сообществ, однозначно на сезонных кочевников и земледельцев. На наш взгляд, они являлись представителями населения, ведущего комплексное хозяйство. Уже фиксируются поселения содержащие археологические слои начиная с эпохи бронзы до средневековья (Кошой-Коргон). Антропологически доказана высокая доля представителей племен эпохи раннего железного века (саков-усуней) в числе похороненных на кладбище караханидского времени Южного Прииссыкулья (Кан-Добе).

При изучении таких поселений не всегда уместно однобоко характеризовать этнический состав населения или же характеризовать их как исключительно монокультурное явление. Согласно письменным и археологическим свидетельствам, в городах Чуйской долины проживало население, говорившее на нескольких языках, где бок о бок жили представители различных религий.

Под археологическими слоями памятников XI – XII вв. н.э. Кыргызстана уже выявлены и продолжают выявляться слои докараханидского и послекараханидского времени (Кожемяко, 1963). Судя по недавно добытым археологическим материалам, в Кан-Добе и в его окрестностях постоянно шли многосторонние эволюционные процессы. Поэтому на наш взгляд, не всегда правильны высказывания об отсутствии культурных эволюционных процессов на территории Кыргызстана. Не уместно воспринимать тысячелетнюю историю культуры древнего и средневекового населения Кыргызстана многоступенчатой, лишь как историю механической смены разных культур.

РЕЗЮМЕ

**диссертации в виде научного доклада Табалдыева Кубатбека
Шакиевича на тему: «Эволюция культур древнего и средневекового
населения Тянь-Шаня» (по данным археологических исследований) на
соискание ученой степени доктора исторических наук, по специальности
07.00.06 – Археология (Бишкек, 2022)**

Ключевые слова: археологические исследования, археологическая периодизация, курганы, поселения, погребения, поминальные памятники, каменные изваяния, тюркская письменность, родовые тамги, эволюция.

Цель работы: изучение процесса эволюции культур древнего и средневекового населения Тянь-Шаня на различных этапах исторического развития.

Объект исследования: эволюционные, культурогенетические процессы, протекавшие на Тянь-Шане в культурно-хронологическом диапазоне от эпохи раннего железного века до эпохи позднего средневековья.

Предмет исследования: анализ общих и особенных черт материальной и духовной культуры, традиций, хозяйственной деятельности древнего и средневекового населения Тянь-Шаня.

Методологической основой исследования является принцип историзма, предполагающий изучение явлений в их возникновении, развитии и в связи с конкретными историческими условиями. В процессе исследования использованы как традиционные методы археологических и этнологических исследований, так и некоторые методы отраслей естественных наук. Так, в диссертационном исследовании использован целый ряд общенаучных методов: метод описания, анализ, метод аналогий и методы, применяемые в археологических исследованиях.

Научная новизна работы: введен в научный оборот значительный археологический материал по культуре древнего и средневекового населения Тянь-Шаня. Прослежены видоизменения, эволюция отдельных элементов культуры населения указанного региона в широком хронологическом диапазоне. Выявлены новые элементы погребального, поминального обрядов населения региона в I тыс. до н. э. и в эпоху средневековья; выделен новый вариант культуры «курганов с угловыми камнями» населения эпохи Великих переселений народов (I–V вв. н. э.); обнаружены более 30 ранее неизвестных памятников тюркской руноподобной письменности, которые были прочитаны, переведены тюркологами, введены в научный оборот, опубликованы в международных научных изданиях; разработаны этапы

культурогенетических процессов древности, средневековья и выявлены истоки отдельных культурных традиций и материальной культуры кыргызов в результате анализа собранного богатого археологического материала.

Практическая значимость полученных результатов. Данное исследование памятников Тянь-Шаня с эпохи раннего железного века до позднего средневековья включительно в свете новых достижений современной археологической науки позволило раскрыть ряд важных этногенетических, хронологических и историко-культурных проблем изучения эволюции культурной жизни населения региона.

Область применения. Изложенные в публикациях материалы использовались специалистами гуманитарного направления при разработке проблем, связанных с этногенетическими, культурогенетическими процессами. Часть археологических материалов использована для написания соответствующих разделов монографий, учебных пособий и учебников по истории Кыргызстана и Казахстана. Выводы автора и собранные им материалы также были использованы специалистами при написании монографий по истории и культуре средневековых тюрков в России, Казахстане, Турции и Германии.

Основные положения диссертации изложены в следующих публикациях соискателя:

Монографии:

1. Табалдиев К.Ш. Курганы средневековых кочевых племен Тянь-Шаня. – Бишкек, 1996. –256 стр. Подготовлен в рамках программы «Трансформация гуманитарного образования в Кыргызской Республике», осуществленной Фондом Сороса-Кыргызстан совместно с Министерством образования и науки Кыргызской Республики. ISBN 5 – 86696-008-6
2. Москалев М.И., Табалдиев К.Ш. Митько О.А. Культурасредневекового населения Внутреннего Тянь-Шаня и сравнительный анализ с сопредельными регионами Центральной Азии. – Бишкек, 1996. 394 стр. Издан Фондом Сороса-Кыргызстан.
3. Табалдиев К.Ш., Кайрат Белек. Памятники письменности на камне Кыргызстана (свод памятников письменности на камне). – Б.: «Учкун», 2008. – 336 с. . ISBN 978-9967-428-90-4
4. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш. Древние тюрки на Тянь-Шане. – Новосибирск. Издательство Института археологии и этнографии СО РАН, 2009. 292 с. ISBN 978–5-7803–0192–9
5. Табалдиев К.Ш. Древности Тянь-Шаня. Изд. Центральноазиатского университета. – Бишкек, 2011. 335 с. ISBN 978-9967-26-422-9
6. Tabaldyev Kubatbek Medieval Tamga-Signs of Kyrgyzstan Pp. 364-386 (Глава 10.) Средневековые знаки-тамги Кыргызстана? .) // *Tamgas of Pre-Islamic Central Asia. Chapter 10. Samarkand: ICAS (International Institute for Central Asian Studies), 2019. – 452 p.* (Тамги доисламской Центральной Азии.) – Самарканд: МИЦАИ, 2019. – 452 с.). (раздел научной книги)

Статьи в изданиях, рекомендованных ВАК КР:

1. Tabaldiev K.Š Neue Funde der sakenzeit aus dem Tien Shan. EURASIA ANTIGUA. Zeitschrift für archäologie Eurasians. Band 2. –Berlin 1996. Pages 355-361. ISBN 5 – 0949-0434
2. Hudiakov Y.S. Tabaldiev K.Sh., Soltobaev O.A. Helmet findings in Kirgizstan // *Archaeology, Ethnology of Eurasia* 1 (5) 2001. – С.101-105. ISSN 1563 - 0102
3. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Комплекс памятников с руническими надписями в местности Кок-Сай в Кочкорской долине на Тянь-Шане // *Археология, этнография и антропология Евразии.* Новосибирск. Номер 3 (11) 2002. –С.124-132.
4. Hudiakov Yu.S., Tabaldiev K.Sh., Soltobaev O.A. An Archaeological complex with Runic Inscriptions in Kok-Say, the Kochkor valley, Tien Shan

- // Archaeology, Ethnology and Antropology of Eurasia. 2002. № 3. P. 124-131.
5. Zwei neu gefundene syrische Grabsteine aus Kurguzstan // Hidden Treasures and Intercultural Encounters. Studies on East Syrias Christianity in China and Central Asia. Berlin, 2009. 87-90.396 с. ISBN 978-3-643-50045-90-8 (Wasilios Klein und Kuvatbek Tabaldiev)
 6. Худяков Ю.С. Табалдиев К.Ш. Солтобаев О.А. Шлемы найденные на территории Кыргызстана //Археология, этнография и антропология Евразии. Номер 1(5). –Новосибирск, 2001. –С. 101-106 (на русском и английском языках).
 7. Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А. Рунические надписи Кочкорской долины // Известия Национальной Академии наук Кыргызской Республики. №1-2. –Бишкек, 2001. –С. 68-73.
 8. Hudiakov Y.S. Tabaldiev K.Sh., Soltobaev O.A. Helmet findings in Kirgizstan // Archaeology, Ethnology of Eurasia 1 (5) 2001. – С.101-105. ISSN 1563 - 0102
 9. Ancient Turkic Stone Statues at Tuura-Suu, Kyrgyzstan // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 43 (2) 2015) ISSN: 1563-0110 (Y.S. Hudiakov, K.S. Tabaldiev, A.Y. Borisenko, and A. Orozbekova).
 10. A new old Turkic runik inscription on a boulder from Talas” *Journal of Turkish Studies/Türklük Bilimi Araştırmaları, Feschrift on Honour of Orhan Okay I*, Harvard University, Volume 30/I, 2005; p. 121-125. Alimov, R., Tabaldiev K.,
 11. Korjenkov A.M., Tabaldiev K.Sh., Bobrovskii Al.V., Bobrovskii Ar.V., Mamytov E.M., Orlova L.A. A macroseismic study of the Taldy-Sai caravanserai in the Kara-Bura River valley (Talas bazin, Kyrgyzstan) // Russian Geology and Geophysics 50 (2009) 63-69. ISSN 10-7971.
 12. Традиции, связанные с животными, в погребальной практике кочевников Тянь-Шаня // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Новосибирск, 2013. Т. 12, вып. 3: Археология и этнография. – С. 157-167. ISSN: 1818-7919
 13. Оружие, украшения и принадлежности костюма памятника «Красный строитель» в Чуйской долине Кыргызстана // Археология, этнография и антропология Евразии Том 43, №1, 2015. – С. 61-72 (в соавторстве с Худяковым Ю.С., Борисенко А.Ю. РИНЦ)
 14. Weaponry, Adornments, and Garment Accessories from the Krasnyi Stroitel Site in the Chuy Valley of Kyrgyzstan // Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia. 43 (1) 2015) ISSN: 1563-0110. (в соавторстве с Худяковым Ю.С., Борисенко А.Ю.

15. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю., Акматов К.Т. Коллекция железных наконечников стрел в собрании древностей музея Бурана в Кыргызстане // Вестник НГУ. Серия: История, филология. – Новосибирск, 2013. Т. 2, вып. 5: История, филология – С. 214-220.
16. Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Борисенко А.Ю., Акматов К.Т. Сложносоставные луки с памятника Уч-Курбу в Кыргызстане // Археология, этнография и антропология Евразии 3(55) 2013. 81-86. (Scopus).
17. Khudiakov, Tabaldiyev, Borisenko, Akmatov Compound bows Uch-Kurbu Monuments in Kyrgyzstan// *Archaeology, Ethnology and Anthropology of Eurasia*. (3 (55)/ 2013. 81-86. (Scopus)
18. Древнетюркские каменные изваяния из с. Туура-Суу в Кыргызстане // Археология, этнография и антропология Евразии. Том 43 № 2 2015 (в соавторстве с Ю.С. Худяковым, А.Ю. Борисенко, Ж. Орозбековой РИНЦ, SCOPUS)
19. Вооружение западных тюрок // Вестник НГУ. Серия: история, филология. Т. 5. Вып. 3. Археология и этнография. Новосибирск, 2006. С. 70-86. (в соавторстве Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С., Табалдиев К.Ш., Солтобаев О.А.)
20. Табалдиев К.Ш. Древние этнокультурные связи Алтая и Тянь-Шаня (Тенир-Тоо, Ала-Тоо) // Мир большого Алтая. Издательство Усть-Каменогорского университета. Том: 3. №4. Усть-Каменогорск, 2017. – С. 580-595. РИНЦ.
21. Табалдиев К.Ш. Древние этнокультурные связи Алтая и Тянь-Шаня (Тенир-Тоо, Ала-Тоо) // Мир большого Алтая. Издательство Усть-Каменогорского университета. Том: 3. №4. Усть-Каменогорск, 2017. – С. 580-595. (РИНЦ)
22. Giedre Motuzaite Matuzeviciute, Aida Abdykanovab, Shogo Kumes, Yoshihiro Nishiakid, Kubatbek Tabaldiev. The effect of geographical margins on cereal grain size variation: Case study for highlands of Kyrgyzstan. *Journal of Archaeological Science: Reports*. Contents lists available at Science Direct. [Journal of Archaeological Science: Reports 20 \(2018\) 400–410](https://doi.org/10.1016/j.jasrep.2018.04.009). journal homepage: www.elsevier.com/locate/jasrep
23. Tabaldiev Kubatbek (совтор) Ancient human genomes from across the Eurasian steppes. Article in *Nature* · May 2018. DOI: 10.1038/s41586-018-0094-2. © 2018 Macmillan Publishers Limited, part of Springer Nature. All rights reserved
<https://www.researchgate.net/publication/325047876>
<https://doi.org/10.1038/s41586-018-0094-2>

24. Tabaldyev Kubatbek The origins of the Kyrgyz peoples formation and their culture // Making the Kyrgyz. Cambridge Scientific Publishers Ltd. 2018. (научная статья с специальным издании Кембриджа). 57-72pp/
25. Tabaldyev Kubatbek Problems in the Study of the Archeology and History of the Medieval Kirgiz. // International Journal of Eurasian Studies. Vol. IX. Special Issue on the Study of Kirghiz History and Culture. Pekin 2019. Pp. 6-22. (научная статья с специальным издании Китайского института Истории, Пекин)
26. Tabaldiev Kubatbek, (соавтор) *Tracking Five Millennia of Horse Management with Extensive Ancient Genome Time Series*, Fages et al., 2019, CELL 177, 1419–1435 May 30, 2019 ^a 2019 The Author(s). Published by Elsevier Inc. Kubatbek Tabaldiev66 (совтор) The formation of human populations in South and Central Asia. **HUMAN EVOLUTION**. Downloaded from <http://science.sciencemag.org/> on September 5, 2019. Narasimhan et al., Science 365, 999 (2019) 6 September 2019. Pp. 1-15. Импакт-фактор: 41.037
27. Giedre Motuzaite Matuzeviciute, Kubatbek Tabaldiev, Taylor Hermes, Elina Ananyevskaya, Mindaugas Grippedis, Elise Luneau, Inga Merkyte & Lynne M. Rouse . High-Altitude Agro-Pastoralism in the Kyrgyz Tien-Shan: New Excavations of the Chap Farmstead (1065–825 cal b.c.) JOURNAL OF FIELD ARCHAEOLOGY. <https://doi.org/10.1080/00934690.2019.1672128>. ISSN: 0093-4690 (Print) 2042-4582 (Online) Journal homepage: <https://www.tandfonline.com/loi/yjfa20>
28. К.Ш. Табалдиев, К.Т. Акматов, А. Ашык, К. Белек <http://journal.asu.ru/wv/article/view/6790> НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ. Том 4 № 21 (2019). – С. 48-69. ISSN 2542-2332 (Printed). ISSN 2686-8040 (Online). <http://journal.asu.ru/wv/issue/view/403>; DOI: [https://doi.org/10.14258/nreur\(2019\)4](https://doi.org/10.14258/nreur(2019)4).
29. Motuzaite Matuzeviciute, G., K. Tabaldiev, T. Hermes, E. Ananyevskaya, M. Grippedis, E. Luneau, I. Merkyte & L. M. Rouse 2019. High-Altitude Agro-Pastoralism in the Kyrgyz Tien Shan: New Excavations of the Chap Farmstead (1065–825 cal bc). *Journal of Field Archaeology*, 45(1), pp. 29-45. <https://doi.org/10.1080/00934690.2019.1672128>
30. Motuzaite Matuzeviciute G., Basira Mir-Mahamad, Kubatbek Tabaldiev (forthcoming). High- altitude intensive agriculture at the prehistoric Chap I site in Kyrgyzstan: archaeobotanical analysis. 2020. *Vegetation History and Archaeobotany*.
31. MOTUZAITE MATUZEVICIUTE, G., T.R. HERMES, B. MIR-MAKHAMAD & K. TABALDIEV. 2020b. Southwest Asian cereal crops facilitated high-

- elevation agriculture in the central Tien Shan during the mid-third millennium BCE. *PLOS ONE* 15. Public Library of Science: e0229372. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0229372>
32. MOTUZAITE MATUZEVICIUTE, G., T.R. HERMES, B. MIR-MAKHAMAD & K. TABALDIEV. 2020b. Southwest Asian cereal crops facilitated high-elevation agriculture in the central Tien Shan during the mid-third millennium BCE. *PLOS ONE* 15. Public Library of Science: e0229372. <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0229372>.
33. Motuzaite Matuzeviciute, G., K. Tabaldiev, T. Hermes, E. Ananyevskaya, M. Grippedis, E. Luneau, I. Merkyte & L. M. Rouse 2019. High-Altitude Agro-Pastoralism in the Kyrgyz Tien Shan: New Excavations of the Chap Farmstead (1065–825 cal bc). *Journal of Field Archaeology*, 45(1), pp. 29–45. <https://doi.org/10.1080/00934690.2019.1672128>
34. Luneu, E., Martinez Ferreras, V., Abdykanova, A., Tabaldiev, K., Motuzaite Matuzeviciute, G. The First Combined Archaeological and Archaeometric Analyses on Bronze Age Pottery from Kyrgyzstan (Uch Kurbu site) 2019. *Journal of Archaeological Science: reports*. [Volume 31](#), June 2020, 102302
35. Adriana Sărășan , Adrian-Cristian Ardelean , Andrei Bălărie, Ruben Wehrheim, Kubatbek Tabaldiev, Kunbolot Akmatov <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305440320301722> - ! // Mapping burial mounds based on UAV-derived data in the Suusamyр Plateau, Kyrgyzstan. *Journal of Archaeological Science* [Volume 123](#), November 2020, 10525
<https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0305440320301722>
<https://doi.org/10.1016/j.jas.2020.105251>
36. Табалдиев К.Ш., Херманн Л., Тишин В.В., Железняков Б.А. Новые руноподобные надписи в Кенколе (верховья Таласской долины) // НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ (NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA. The founder of the journal is Altai State University) 2020 №3 (24). – С. 65-82.
<http://journal.asu.ru/wv/article/download/8459/6972?inli>
37. [Pablo Librado](#), Naveed Khan, [Ludovic Orlando](#) The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasian steppes. *Nature* (*Nature*) ISSN 1476-4687 (online) ISSN 0028-0836 (print).
<https://www.nature.com/articles/s41586-021-04018-9>
38. Lynne M. Rouse, Kubatbek Tabaldiev, Giedre Motuzaite Matuzeviciute. Exploring landscape archaeology and UAV-based site survey in the Kochkor Valley, Kyrgyzstan. *Journal of Field Archaeology*. 2022, VOL. 47, NO. 1, 32–53 <https://doi.org/10.1080/00934690.2021.194574>

- 39.**Giedre Motuzaite Matuzeviciute, Elina Ananyevskaya, Jorune Sakalauskaite, Orozbek Soltobaev & Kubatbek Tabaldiev The integration of millet into the diet of Central Asian populations in the third millennium BC // *Antiquity* 2022 page 1 of 15. <https://doi.org/10.15184/aqy.2022.23>
- 40.**K.T. Akmatov, K.S. Tabaldiev, A. Bălărie, A. Sărășan, and A.-C. Ardelean A Group of Large Kurgans in the Suusamyr Valley, Kyrgyzstan // *Archaeology, Ethnology & Anthropology of Eurasia* 50/1 (2022) 91–98. <https://doi.org/10.17746/1563-0110.2022.50.1.091-098>
https://journal.archaeology.nsc.ru/jour/article/view/1393/0?locale=en_US

Кубатбек Шакиевич Табалдыевдин “Теңир-Тоонун байыркы жана орто кылымдардагы калктарынын маданиятынын эволюциясы (археологиялык изилдөөлөрдүн негизинде)” деген темадагы 07.00.06 – археология адистиги боюнча илимий баяндама түрүндө тарых илимдеринин доктору окумуштуулук даражасын изденип алуу үчүн жазылган диссертациясынын (Бишкек, 2022) РЕЗЮМЕСИ

Негизги сөздөр: археологиялык изилдөөдөр, археологиялык мезгилдерге бөлүштүрүү, көрүстөндөр, турак-жайлар, маркумдуу эскерүү эстеликтери, айкелдер, рун сымал жазуулар, уруулук тамгалар, эволюция

Иштин максаты: Теңир-Тоонун байыркы жана орто кылымдардагы калктарынын маданиятынын ар кыл баскычтардагы тарыхый өнүгүүсүнүн эволюциялык жүрүмүн изилдөө.

Изилдөөнүн объекти: Теңир-Тоону мекендеген калктардын эрте темир доорунан тартып кечки орто кылымдарга чейинки мезгилдеги маданий-мезгилдик алкактагы эволюциялык, маданий-генетикалык өнүгүү жүрүмдөрү.

Изилдөөнүн предмети: Байыркы жана орто кылымдагы Теңир-Тоодо жашаган калктардын материалдык (заттык), руханий маданиятынын, каада-салттарынын жана чарбалык ишмердигинин жалпы жана өзгөчө белгилерин талдоо.

Изилдөөнүн методологиялык негизи: тарыхый окуялардын жаралышын, өнүгүшүн жана белгилүү тарыхый шартка байланышын изилдей турган тарыхыйлуулук принциптери. Изилдөөнүн жүрүшүндө археологиялык жана этнологиялык изилдөөлөрдө туруктуу пайдаланылып келген усулдар менен удаа табигый илимдердин айрым тармактарынын изилдөө ыкмалары пайдаланылды. Маселен, диссертациялык изилдөөдө бир катар жалпы илимий ыкмалар колдонулган: сыпаттоо, талдоо ыкмасы, аналогия ыкмасы жана археологиялык изилдөөдө колдонулган ыкмалар.

Изилдөөнүн илимий жаңылыгы: байыркы жана орто кылымдардагы Теңир-Тоодогу калктардын маданияты боюнча олуттуу археологиялык маалыматтар илимий чөйрөгө киргизилди. Узак мезгил аралыгында аталган аймакта жашаган калктардын маданиятынын түрүнүн өзгөрүшүнө, эволюциясына байкоо жүргүзүлдү. Б.з.ч. жана орто кылымдардагы чөлкөмдөгү калктардын сөөк көмүү, маркумду эскерүү каадалары боюнча жаңы маалыматтар топтолду; туруктуу жүргүзүлгөн казуу иштери аркылуу

Чыгыштан чыккан улуу көч доорунда (б.з. I–V кк.) жашаган теңир-тоолуктардын “бурчтанган таштардын коргону” делген маданиятынын жаңы түрү ачылды; түрк рун сымал жазуусунун мурда белгисиз болгон 30дан ашык эстеликтери табылды жана түркологдор тарабынан окулуп, которулуп, илимий чөйрөгө киргизилип, эл аралык илимий журналдарда жарык көрдү; чогултулган бай археологиялык материалдарды талдоонун натыйжасында байыркы жана орто кылымдардагы маданий-генетикалык жүрүмдөрдүн баскычтары иштелип чыгып, кыргыздардын айрым маданий салттарынын жана заттык маданиятынын башаттары аныкталды.

Диссертациялык изилдөөдө жетишилген жыйынтыктардын практикалык мааниси. Теңир-Тоо жана ага чектеш аймактардагы эрте темир доорунан тартып орто кылымдарды да камтыган эстеликтерди заманбап археологиялык илимдин жетишкендиктерине таянуу аркылуу иликтөөнү жүзөгө ашырган ушул изилдөө чөлкөмдөгү калктын маданий турмушундагы эволюцияны иликтөөнүн бир катар олуттуу этногенетикалык, хронологиялык, тарыхый-маданий көйгөйлөрүн чечүүгө мүмкүн кылды.

Колдонуу чөйрөсү: Жарыяланган эмгектерде камтылган материалдар гуманитардык илимий багыттагы адистер тарабынан этногенетикалык, маданий-генетикалык жүрүмдөргө байланыштуу көйгөйлөрдү иликтөөдө пайдаланылды.

Археологиялык материалдардын бир бөлүгү Кыргызстандын жана Казакстандын тарыхы боюнча монографиялардын, окуу куралдарынын жана окуу китептеринин тиешелүү бөлүмдөрүн жазууда колдонулду. Андан тышкары, автордун тыянактары жана ал чогулткан материалдар адистер тарабынан Германия, Казакстан, Орусия жана Түркиядагы орто кылымдардагы түрктөрдүн тарыхы жана маданияты боюнча монографияларды жазууда пайдаланылды.

РЕЗЮМЕ

**диссертации в виде научного доклада Табалдыева Кубатбека
Шакиевича на тему: «Эволюция культур древнего и средневекового
населения Тянь-Шаня» (по данным археологических исследований) на
соискание ученой степени доктора исторических наук, по специальности
07.00.06 – Археология (Бишкек, 2022)**

Ключевые слова: археологические исследования, археологическая периодизация, курганы, поселения, погребения, поминальные памятники, каменные изваяния, тюркская письменность, родовые тамги, эволюция.

Цель работы: изучение процесса эволюции культур древнего и средневекового населения Тянь-Шаня на различных этапах исторического развития.

Объект исследования: эволюционные, культурогенетические процессы, протекавшие на Тянь-Шане в культурно-хронологическом диапазоне от эпохи раннего железного века до эпохи позднего средневековья.

Предмет исследования: анализ общих и особенных черт материальной и духовной культуры, традиций, хозяйственной деятельности древнего и средневекового населения Тянь-Шаня.

Методологической основой исследования является принцип историзма, предполагающий изучение явлений в их возникновении, развитии и в связи с конкретными историческими условиями. В процессе исследования использованы как традиционные методы археологических и этнологических исследований, так и некоторые методы отраслей естественных наук. Так, в диссертационном исследовании использован целый ряд общенаучных методов: метод описания, анализ, метод аналогий и методы, применяемые в археологических исследованиях.

Научная новизна работы: введен в научный оборот значительный археологический материал по культуре древнего и средневекового населения Тянь-Шаня. Прослежены видоизменения, эволюция отдельных элементов культуры населения указанного региона в широком хронологическом диапазоне. Выявлены новые элементы погребального, поминального обрядов населения региона в I тыс. до н. э. и в эпоху средневековья; выделен новый вариант культуры «курганов с угловыми камнями» населения эпохи Великих переселений народов (I–V вв. н. э.); обнаружены более 30 ранее неизвестных памятников тюркской руноподобной письменности, которые были прочитаны, переведены тюркологами, введены в научный оборот, опубликованы в международных научных изданиях; разработаны этапы культурогенетических процессов древности, средневековья и выявлены истоки отдельных культурных традиций и материальной культуры кыргызов в результате анализа собранного богатого археологического материала.

Практическая значимость полученных результатов. Данное исследование памятников Тянь-Шаня с эпохи раннего железного века до позднего средневековья включительно в свете новых достижений современной археологической науки позволило раскрыть ряд важных этногенетических, хронологических и историко-культурных проблем изучения эволюции культурной жизни населения региона.

Область применения. Изложенные в публикациях материалы использовались специалистами гуманитарного направления при разработке проблем, связанных с этногенетическими, культурогенетическими процессами. Часть археологических материалов использована для написания соответствующих разделов монографий, учебных пособий и учебников по истории Кыргызстана и Казахстана. Выводы автора и собранные им материалы также были использованы специалистами при написании монографий по истории и культуре средневековых тюрков в России, Казахстане, Турции и Германии.

SUMMARY

of the dissertations in the form of a scientific report by Kubatbek Shakievich Tabaldyev on the topic: "Evolution of the Cultures of the Ancient and Medieval Population of the Tien Shan" (According to Archaeological Research) for the degree of Doctor of Historical Sciences, specialty 07.00.06 - Archeology (Bishkek, 2022)

Keywords: archaeological research, archaeological periodization, burial mounds, settlements, burials, memorial monuments, stone sculptures, Turkic writing, ancestral tamgas, evolution.

The purpose of the work: study of the process of evolution of the cultures of the ancient and medieval population of the Tien Shan at various stages of historical development.

Object of study: evolutionary, cultural and genetic processes that took place in the Tien Shan in the cultural and chronological range from the era of the early Iron Age to the late Middle Ages inclusive.

Subject of study: analysis of common and special features of the material and spiritual culture, traditions, economic activities of the ancient and medieval population of the Tien Shan.

The methodological basis of the study is the principle of historicism, which presupposes the study of phenomena in their origin, development, and in connection with specific historical conditions. In the process of research, both traditional methods of archaeological and ethnological research, as well as some methods of branches of the natural sciences, were used. So, in the dissertation research, a number of general scientific methods were used: the method of description, analysis, the method of analogies and methods used in archaeological research.

Scientific novelty of the work: significant archaeological material on the culture of the ancient and medieval population of the Tien Shan was introduced into scientific circulation. The modifications, the evolution of individual elements of the culture of the population of the specified region in a wide chronological range are traced. New elements of the funeral, funeral rites of the population of the region in the 1st millennium BC were revealed. e. and in the Middle Ages; a new version of the culture of "mounds with corner stones" of the population of the era of the Great Migration of Peoples (I-V centuries AD) was identified; more than 30 previously unknown monuments of Turkic rune-like writing were discovered, which were read, translated by Turkologists, introduced into scientific circulation, published in international scientific publications; the stages of cultural genetic processes of antiquity, the Middle Ages were developed and the origins of individual cultural traditions and material culture of the Kyrgyz were identified as a result of the analysis of the collected rich archaeological material.

The practical significance of the obtained research results. This study of the Tien Shan archaeologic monuments from the early Iron Age to the late Middle Ages inclusive, in the light of new achievements of modern archaeological science, made it possible to illuminate a number of important ethnogenetic, chronological, historical and cultural problems of studying the evolution of the cultural life of the population of the region.

Application area: The materials presented in the publications have been used by humanitarian specialists in the development of problems related to ethnogenetic, cultural and genetic processes. Part of the archaeological materials was used to write the relevant sections of monographs, manuals and textbooks on the history of Kyrgyzstan and Kazakhstan. The conclusions of the author and the materials collected by him were also used by specialists in writing monographs on the history and culture of the medieval Turks in Germany, Kazakhstan, Russia and Turkey.